
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2022/1

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2022

Ю Б И Л Е Й Н Ы Й Н О М Е Р

**Посвящается 75-ой годовщине
отделения русской филологии
в Софийском университете
им. Св. Климента Охридского**

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, проф. д-р Татьяна Алексиева, проф. д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф.д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф.д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф.д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф.д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф.д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф.д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
ст. пр. Светослав Арсениев – отв. секретарь

**Журнал „Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу: <http://www.eLibrary.ru>
ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)**

СОДЕРЖАНИЕ

**Приветствие посла Российской Федерации в Болгарии Ее Превосходительства Э.Н. Митрофановой
Приветствие проф. З. Захариева, председателя Федерации дружбы с народами России и СНГ и фонда „Славяне“**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

С. А. Петкова, Р.В. Божанкова

РУСИСТИКА В СОФИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ –
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ 11

ЛИНГВИСТИКА

Ц.Х. Ралева

К ВОПРОСУ О ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЕ В
УСПЕНСКОМ КОМПЛЕКТЕ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ
МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (на материале Мучения
св.Александра Римского) 28

Ц.Г. Досева

СЛУЖБА СВ.ПРОРОКУ ИЛИИ В МИНЕЕ 1260
(ГИМ, СИН. 895)
39

В.Ф. Занглигер

ПОСЛОВИЦА И ПОГОВОРКА: ПРОБЛЕМА
РАЗГРАНИЧЕНИЯ..... 48

К.А. Петрова

КОМПЬЮТЕРНАЯ МОРФОЛОГИЯ НА ПОЛЬЗУ РУСИСТУ . 62

Е.И. Меснянкина

К ВОПРОСУ О ДИГИТАЛЬНЫХ ЖАНРАХ 74

В.С. Манчев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ
СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 87

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***Р.К. Евтимова***

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ
БУЛГАКОВА..... 98

И.Ч. Чекова

ФОЛЬКЛОРНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН –
ЗАМЕТКИ К ПРЕПОДАВАНИЮ СЛАВЯНСКОЙ
МИФОЛОГИИ В СОФИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ..... 108

Р. Джильи

МЕЖДУ НОСТАЛЬГИЕЙ И ТРАВМОЙ: ПАМЯТЬ О
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI В. 129

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА***И.М. Владова***

ПЕРЕВОД – ДИАЛОГ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛОГА
МЕЖДУ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРАМИ В
ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА) 139

С.А. Петкова

О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ
ФОРМУЛ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК
(ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД) 150

Е.К. Раденкова

О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. МАРИНИНОЙ „ЗА ВСЕ НАДО
ПЛАТИТЬ” И ЕГО ПЕРЕВОДА) 167

А.С. Баранова

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ
ФИТОНИМОВ В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА БОЛГАРСКИЙ
ЯЗЫК 181

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ***И.Л. Бирова***

ДИСТАЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ В
УСЛОВИЯХ КАРАНТИНА 2020/2021: НАБЛЮДЕНИЯ И
ВЫВОДЫ 194

ПЕРСОНАЛИИ

Н. Делева

ИРИНА ЧЕРВЕНКОВА /1931- 2014/ 202

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 206

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 208

**ПРИВЕТСТВИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО
ПОСЛА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИИ
Э. Н. МИТРОФАНОВОЙ**

Уважаемые филологи и преподаватели русского языка!

Отделение русской филологии Факультета славянских филологий Софийского университета им. Св. Климента Охридского в этом году отмечает свой 75-летний юбилей. За три четверти века отделение накопило серьёзную фундаментальную научную базу знаний, обеспечило высокий стандарт уровня преподавательского состава. Благодаря плодотворной работе русистов Софийского университета за время существования отделения было подготовлено более 5500 специалистов, многие из которых стали настоящими друзьями и надёжными партнёрами России.

История отделения изобилует важными свершениями. Хотела бы вспомнить и выразить признательность тем, кто ещё до создания факультета начал преподавать русский язык в Софийском университете фактически сразу после его открытия, в том числе отечественным профессорам. А также всем тем специалистам, работавшим на поддержку русского языка, благодаря которым он сначала стал обязательным для студентов, изучающих славистику, а затем после окончания Второй мировой войны, был введён в качестве обязательного предмета в школьную программу.

Особо хотела бы отметить русистов отделения, которые продолжают работу в настоящее время. Несмотря на изменившуюся конъюнктуру специалисты отделения с любовью и профессионализмом обеспечивают сохранение и распространение русского языка в Болгарии.

Благодарим вас за добросовестный труд и вклад в укрепление и развитие традиционно дружеских связей между народами России и Болгарии.

Э. В. Митрофанова

ПРИВЕТСТВИЕ

**ДО
КАТЕДРИТЕ ПО РУСКИ ЕЗИК
И ЛИТЕРАТУРА
ВЪВ ФАКУЛТЕТ
„СЛАВЯНСКИ ФИЛОЛОГИИ“
ПРИ СОФИЙСКИ
УНИВЕРСИТЕТ
„СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ“**

**УВАЖАЕМИ ПРЕПОДАВАТЕЛИ, ИЗСЛЕДОВАТЕЛИ,
МЕТОДИСТИ, ПРЕВОДАЧИ, СЪТРУДНИЦИ,
ДРАГИ СТУДЕНТИ И ДОКТОРАНТИ,**

Особено ми е приятно от името на Федерацията за приятелство с народите на Русия и ОНД, Фондация „Славяни“ и лично от свое име да Ви поздравя най-сърдечно по случай 75-годишнината от създаването на специалността *руска филология* във Факултет „Славянски филологии“ при Софийския университет „Св. Климент Охридски“.

Изминаха 75 години от времето, когато през есента на 1946 г. по инициатива на изгънати български русисти – преподаватели, изследователи, методисти, преводачи от Софийския университет се създава катедрата по руска филология, чиито правоприменици днес са катедрата по руски език и катедрата по руска литература.

75 години – това е и малко, и много. Но през всичките тези години на предизвикателства и промени руска филология в СУ премина през много изпитания, издържа проверката на времето, доказва своята жизненост и историческа необходимост. Днес тя има своя история и преди всичко опит и важен принос в развитието на научните анализи, изследвания, теории, методи и практики в изучаването и популяризирането на руския език и литература.

Тази годишнина е още един повод да се вгледате през призмата на натрупания опит, с прагматизма на новото време в съдържанието и перспективите за по-нататъшното утвърждаване на софийската

русистика и тя винаги да бъде на предни позиции в образователното пространство със заслужено обществено и международно доверие. Годишнината е повод за осмисляне и анализ на събития и факти, неразривно свързани с нашата история, с взаимността между народите.

Ние високо ценим Вашите творчески търсения, вплитащи се във философията на новото мислене, в името на един по-хармоничен и справедлив свят, съхраняващ и развиващ етнокултурното си многообразие в условията на глобализация се свят и в новия етап на неговото развитие.

Ценим безспорния Ви принос и съдействие за развитието на Дружеството на русистите в България, на МАПРЯЛ, на международното образователно сътрудничество и обмен и на българо-руските отношения, за цивилизационното изграждане на света, за повече сигурност и справедливост на земята.

Високо ценим Вашето разбиране и съпричастност в реализирането на съвместни проекти, в утвърждаването на мобилността в европейското и световното образователно пространство, на културния диалог между народите.

Благодарим ви за усилията, които полагате за изучаването и популяризирането на руския език, на руската литература и култура сред младото поколение и обществеността у нас и в международните изяви в Европа и света.

Убедени сме, че изучаването на руския език и литература в Софийския университет, с все по-модерни методи и подходи, е знак за прогресивно мислене и извисено културно поведение, знак е за достойни взаимоотношения между народите, между хората с различни професии, етнос, религии и възраст.

Федерацията за приятелство с народите на Русия и ОНД и Фондация „Славяни“, заедно с Дружеството на русистите в България винаги са работили и работят в съдружие и разбирателство със специалистите по руски език и литература на Софийския университет.

В днешното сложно и противоречиво време народите се нуждаят повече от взаимност, разбирателство, плодотворно присъствие в условията на нов, по-хуманен и мирен етап от

развитието на цивилизацията.

XXI век ни носи нови надежди, изпитания и предизвикателства. Нека помним и никога не забравяме, че ние, българите, и другите славянски народи имаме богата и славна обща история и в името на бъдещите поколения трябва и занапред да творим добро и само добро.

Убедени сме, че ще съумеем заедно да пренесем духовния опит от миналото в настоящото хилядолетие и ще разкрием онази човешка черта, която приобщава всички нас към най-хуманните подстъпи на общоевропейската и световна култура, наука и цивилизация.

Руска филология в Софийския университет е едно прекрасно огнище на образование, наука, култура, съчетаващо ренесансовия дух на предците с най-актуалната информация и култура на столетието.

Година след година вашите катедри трупат опит, престиж и авторитет в системата на световното висше образование и възпитание на младите хора. От тук са поели своя път в живота много видни български граждани.

Уважаеми русисти от Софийския университет, искрено ви желаем здраве, благополучие, щастие и нови творчески успехи в благородната Ви мисия.

Пожелаваме Ви много сили и вдъхновение в осъществяването на всички Ваши нови начинания за изучаване и популяризиране на руския език, литература и култура, за обогатяване на сътрудничеството между народите в световното образователно и научно пространство, за изграждането на един цивилизован свят, свят без насилие и войни, свят на стабилност и сигурност, на разбирателство и приятелство.

ОЩЕ ВЕДНЪЖ ЧЕСТИТ ЮБИЛЕЙ И НА МНОГАЯ ЛЕТА!

Проф. д-р ЗАХАРИ ЗАХАРИЕВ
Председател на Федерацията за
приятелство с народите на
Русия и ОНД и
Председател на Фондация
„Славяни“

РУСИСТИКА В СОФИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

С. А. Петкова, Р. В. Божанкова

Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

В этом году мы с чувством гордости и благодарности нашим Учителям отмечаем 75 годовщину отделения русской филологии в Софийском университете им. Св. Климента Охридского.

Изучение русского языка и литературы присутствовало в учебных программах первого болгарского университета еще с начала его существования, а в конце 30-х годов прошлого века русский язык стал обязательной учебной дисциплиной для студентов-славистов. На историко-филологическом факультете Софийского университета в разные годы преподавали известные русские ученые-эмигранты: Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, Г.В. Флоровский и др.

После Второй мировой войны русский язык был введен в качестве обязательного учебного предмета в школьные программы. В Министерстве просвещения была создана комиссия, в задачи которой входила организация профессиональной подготовки квалифицированных учителей русского языка. Осенью 1946 г. в Софийском университете была открыта новая специальность – *Русский язык и литература*. С введением системы кафедр в рамках специальности были обособлены кафедра русского языка и кафедра русской литературы, которые к 1954 г. стали функционировать как самостоятельные структуры. Кафедру русского языка возглавил выдающийся филолог проф. Николай Михайлович Дылевский, к тому времени накопивший многолетний опыт в преподавании и исследовании русского языка в Софийском университете. Членами коллектива кафедры были д-р Мария Джананова, Андрей Евдокимов, Константин Савченко, Николай Ставровский и др. Заведующим кафедрой русской литературы стал известный болгарский литературовед проф. Велчо Велчев. С момента ее основания на кафедре работал и другой ведущий специалист в области русской литературы – проф. Симеон Русакиев. С нарастанием масштабов преподавания русского языка в СУ возникла необходимость в

создании Второй кафедры русского языка, которая занималась обучением русскому языку студентов-нерусистов. Ее первым заведующим стал Константин Савченко. После общественно-политических перемен в конце 80-х годов русский язык перестал изучаться в обязательном порядке в Софийском университете, в результате чего отпала необходимость в существовании двух кафедр. В 1999 г. Первая и Вторая кафедры русского языка были объединены в одну.

В течение минувших десятилетий успешному развитию языковедческой русистики в Софийском университете способствовала исключительно плодотворная научная и преподавательская деятельность проф. Румяны Павловой, проф. Марии Леонидовой, проф. Пенки Филковой, проф. Ирины Червенковой, доц. Иванки Васевой, доц. Здравки Ивановой, проф. Блажо Блажева, проф. Цветана Йотова, проф. Боряны Бунджуловой, проф. Тотки Стоевой, проф. Аллы Градинаровой, доц. Нины Ковачевой, доц. Илианы Владовой, доц. Валерия Занглигера, доц. Сыбки Богдановой, доц. Риммы Спасовой, доц. Анны Липовской, и др.

В области преподавания и исследования русской литературы на протяжении второй половины 20-го века как ведущие специалисты утвердились проф. Георги Германов, проф. Иван Цветков, доц. Евдокия Метева, доц. Милка Бочева, проф. Людмила Боева, проф. Петко Троев, доц. Ирина Захариева, доц. Румяна Евтимова, доц. Лидия Терзийска и др.

Методика преподавания русского языка как иностранного также активно развивалась благодаря научным изысканиям преподавателей *кафедры методики* – проф. Кирилла Бабова, проф. Эмилии Гочевой и др.

Русисты, преподающие в Софийском университете, всегда пользовались большим авторитетом среди своих болгарских и зарубежных коллег. Их профессиональные умения и опыт ценятся высоко, а их научные достижения хорошо знакомы академическому сообществу, на их публикации ссылаются в многочисленных исследованиях в области гуманитарных наук.

Сегодня на кафедре русского языка, кафедре русской

литературы и кафедре методики работает 21 преподаватель-русист – 5 профессоров, 9 доцентов и 7 главных ассистентов.

В своей научно-исследовательской деятельности языковеды-русисты разрабатывают широкий круг проблем в рамках следующих направлений:

- *История русского языка* (проф. Ростислав Станков, доц. Цветана Ралева, доц. Ценка Досева);

- *Современный русский язык (фонетика и просодия* – проф. Татьяна Алексиева, гл. асс. Елена Раденкова; *лексикология* – доц. Надежда Делева; *морфология* – доц. Красимира Петрова; *синтаксис* – гл. асс. Анна Баранова);

- *Русская фразеология* (гл. асс. Елена Раденкова);

- *Стилистика* (гл. асс. Елена Меснянкина, гл. асс. Николина Нечаева);

- *Прагматика и анализ дискурса* (доц. Силвия Петкова, гл. асс. Николина Нечаева, гл. асс. Елена Раденкова);

- *Лингвокультурология* (доц. Красимира Петрова, гл. асс. Анна Баранова, гл. асс. Ирина Манова);

- *Двуязычная лексикография* (доц. Надежда Делева);

- *Когнитивная и корпусная лингвистика* (доц. Красимира Петрова);

- *Теория и практика перевода* (доц. Силвия Петкова, проф. Татьяна Алексиева, доц. Илка Бирова, гл. асс. Анна Баранова, гл. асс. Владимир Манчев, гл. асс. Елена Раденкова, гл. асс. Марианна Конова);

- *Методика преподавания РКИ* (доц. Антония Радкова, гл. асс. Аглая Маврова – с кафедры методики; доц. Илка Бирова, проф. Татьяна Алексиева, гл. асс. Николина Нечаева, гл. асс. Владимир Манчев – с кафедры русского языка).

В области современной литературоведческой русистики кафедра русской литературы проводит научные исследования в нескольких областях:

- Русский фольклор и этнология – доц. Илиана Чекова;

- Древнерусская литература – доц. Илиана Чекова;

- Русская литература 18 века – проф. Ангелина Вачева;

- Русская литература 19 века – проф. Ангелина Вачева, проф.

Людмил Димитров, доц. Румяна Парашкевова, гл. асс. Константина Пунева;

- Русская литература 20 века – проф. Ренета Божанкова, доц. Галина Петкова, гл. асс. Константина Пунева;
- Русская литература 21 века – проф. Ренета Божанкова.

I. Преподавание русского языка и литературы в СУ

Учебной деятельности, осуществляемой на нашем отделении, был посвящен ряд публикаций [1, с. 11–12], [6: с. 3–6], [4: с. 15–24], [5], [7]. Здесь мы остановимся лишь на ее развитии в новом тысячелетии.

В 2003 году в Софийском университете, как и в других болгарских вузах, была введена трехступенчатая система высшего образования, включающая бакалавриат, магистратуру и докторантуру. В связи с этим был утвержден новый учебный план специальности *Русская филология*, в котором нашли отражение современные европейские стандарты. С тех пор учебные планы бакалавриата регулярно подвергаются актуализации. Самые существенные изменения были внесены в учебный план специальности в 2017 году, когда было решено принимать на первый курс не только абитуриентов, владеющих русским языком, но и тех, кто до сих пор не изучал русский язык. В связи с этим был введен интенсивный курс русского языка, который первокурсники проходят во второй половине сентября (до официального открытия учебного года). Чтобы дать возможность всем студентам достичь необходимого уровня владения языком, теоретические лекционные курсы, которые читаются на русском, стали изучаться с четвертого семестра. Ныне действующий учебный план охватывает весь спектр языковедческих дисциплин: практический курс русского языка, современный русский язык (фонетику, лексикологию, морфологию, синтаксис), историческую грамматику русского языка, историю русского литературного языка, стилистику, прагматику, теорию и практику перевода. Блок курсов по русской литературе включает лекции и семинарские занятия по русскому фольклору и этнологии, древнерусской литературе, русской литературе 18, 19, 20 и 21 веков.

Сохранилась традиционная для специальности система

профилирования с 3 курса: студенты-русисты обязательно выбирают один из двух профилей: педагогический профиль, дающий выпускникам право преподавать в средней школе, или переводческий профиль, формирующий профессиональные умения и навыки, необходимые для работы в сфере письменного и устного перевода. Большинство студентов решает выбрать оба профиля, чтобы получить более широкие возможности для профессиональной реализации.

В рамках специальности действуют 2 магистерские программы.

Программа *Язык, культура, перевод* охватывает сопоставительные и прикладные аспекты лингвистики, основываясь на применении междисциплинарного подхода к исследованию языковых явлений. Широко представлены учебные дисциплины, направленные на формирование переводческой компетенции при работе с текстами из разных сфер: рекламы, делового общения, публицистики, художественной прозы и др.

Магистерская программа *Русская литература, культура и художественный перевод* имеет своей целью подготовку студентов для переводческой, редакторской, научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Широкий спектр курсов: по истории и поэтике русской литературы, как и лекции и семинары по теории и практике художественного перевода, готовят специалистов, которые будут участвовать в развитии мультикультурного диалога на протяжении следующих десятилетий.

Содержание курсов в обеих магистерских программах отражает новейшие тенденции в развитии лингвистики и литературоведения.

Преподаватели кафедры русского языка принимают участие и в обучении студентов отделений болгарской и славянской филологии, а также студентов других факультетов, которые выбирают русский язык как первый или второй иностранный. Преподаватели кафедры русской литературы читают курсы русской литературы 19 и 20–21 века на отделениях болгарской и славянской филологии.

Продолжается успешное партнерство с зарубежными университетами в обучении русскому языку, литературе и культуре в рамках программы академической мобильности *Эразмус*. О повышенном интересе к русистике Софийского университета

свидетельствует значительное расширение международного охвата нашей студенческой аудитории: в течение последних пяти лет рядом с болгарами у нас учились студенты из Италии, Франции, Германии, Польши, Венгрии, Чехии, Финляндии, Эстонии, Греции, Турции, Азербайджана, Японии, Австрии и других стран. В рамках межправительственного соглашения полный курс обучения в бакалавриате и магистратуре проходят студенты из Китая.

Благодаря многолетнему сотрудничеству с ведущим университетом России студенты отделения русской филологии имеют возможность пройти стажировку на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Группы старшекурсников и магистрантов ездили в Москву на месячную стажировку в период 2016–2019 г. Двое студентов-русистов обучались в продолжение одного семестра в Институте гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Н. Носова в 2019 г. С российской стороны к нам также приезжали на стажировку группы будущих славистов и русистов. Координатором деятельности по обмену студентами и преподавателями в рамках этих двух международных договоров является доц. Н. Делева.

В 2018–2019 гг. в рамках договора между Софийским университетом и Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан) научную стажировку на нашем отделении проходили докторанты Жанаргуль Азкенова и Айгуль Есентемирова. Координатором стажировок была доц. С. Петкова.

Бакалавры и магистранты отделения русской филологии принимают участие в мероприятиях по продвижению русского языка и культуры, которые проводятся представителями российских вузов при содействии представительства Россотрудничества в Болгарии – Российского культурно-информационного центра, Дома Москвы в Софии, Фонда «Русский мир» и др. Широкое разнообразие образовательных форумов: семинаров, круглых столов и летних школ, в которые включаются наши студенты, безусловно, способствует повышению их профессиональной компетенции. Среди таких форумов следует особо отметить ежегодный международный студенческий фестиваль *«Друзья, прекрасен наш союз»*, который в

течение нескольких лет проводился на территории комплекса «Камчия», а в 2019 г. прошел в Китене. На нем молодые русисты Софийского университета имеют прекрасную возможность пообщаться на русском языке со своими сверстниками из разных стран мира, а также проявить свои творческие способности, участвуя в театральных и музыкальных конкурсах. Мы гордимся тем, что наши студенты неоднократно завоевывали призовые места на этом фестивале. Отличных результатов добиваются представители нашей специальности и на международном научно-практическом семинаре «Обучение переводческому мастерству», регулярно организуемом Центром Русского языка и культуры Пловдивского университета.

II. Исследование русского языка и литературы в СУ

Достижения наших коллег в научно-исследовательской деятельности нашли отражение во множестве публикаций. Остановимся лишь на тех монографиях и учебниках, которые вышли в свет в последние годы – с 2016 г. до настоящего момента (о публикациях предыдущих лет см. [4, с. 24–37], [6, с. 6–9], [1, с.6–8], [2], [5]).

В 2016 г. вышли в свет две монографии, представляющие собой ценный вклад в палеославиистику. В своей книге *Древнеболгарские переводные тексты и проблема лексических моравизмов* (София, УИ «Св. Климент Охридски») проф. Ростислав Станков предлагает новый взгляд на ряд дискуссионных вопросов, касающихся изучения раннего периода славянской письменности. Проблемы лексико-грамматического и текстологического анализа памятников славянской книжности рассматриваются в монографии доц. Ценки Досевой *Химнографският репертоар за свети пророк Илия в славянската книжнина* (Изд-во ТУ). За издание книги «Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), том 3, Гръцки извори» (София: изд. БАН «Проф Марин Дринов», 2015, 1242 стр.) научный коллектив авторов, в состав которого вошли преподаватели кафедры русского языка доц. Цветана Ралева и доц. Ценка Досева, был удостоен Высшей награды Софийского университета за научно-исследовательскую деятельность за 2016 г. Важно отметить, что трехтомное издание Симеонова сборника (том 1 – 1991 г., том 2 –

1993 г.) является одним из крупнейших проектов кафедры русского языка и болгарской палеославистики в целом. Он был инициирован проф. Румяной Павловой и акад. Петром Динековым, которым посвящен том 3.

Актуальные проблемы сопоставительного изучения синтаксиса были разработаны фундаментально проф. Аллой Градинаровой в *Очерках по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков* (София, 2017). Единицы междометного характера подвергнуты многоаспектному сопоставительному анализу в монографии доц. Красимиры Петровой *Сопоставительное исследование междометий в русском и болгарском языках* (София, 2016). Разнообразные формы речевых колебаний в устной коммуникации исследует в своей монографии *Явления хезитации в русском спонтанном дискурсе* (София, «Парадигма», 2017) проф. Татьяна Алексиева. В 2020 году вышли в свет две книги доц. Надежды Делевой: в монографии *Русско-болгарские аналоги (лексикографический аспект)* (София, «Парадигма») в сопоставительном аспекте исследуется семантика и синтагматика близких по форме слов в русском и болгарском языках, а в монографии *Пространственные предлоги в русском и болгарском языках (лексикографический аспект)* (София, «Парадигма») обсуждаются вопросы структурно-семантического анализа служебных слов в целях двуязычной лексикографии. В своей недавно опубликованной книге *Стилистическая и социокультурная типология каламбуров в российской и болгарской прессе* (София, «Парадигма», 2021) гл. асс. Елена Меснянкина анализирует стилистические функции каламбуров в медиатекстах с учетом влияния как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов.

Преподаватели кафедры русской литературы подготовили и издали несколько авторских монографий, а именно: Румяна Парашкевова, *Руският бретъор на прицел. Опити върху фигурата на бретъора в руското социокултурно и литературно пространство от първата половина на XIX век* (София, 2017); Галина Петкова, *«Да се даде ръководеща нишка...»: История на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.)* (София, 2017);

Людмил Димитров, *Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона*. Второ издание (София, 2017); Ренета Божанкова, *Дигиталната хуманитаристика и знанието за литературата. Избрани ракурси* (София, 2018); Румяна Евтимова, *Рецепции и рефлексии. Руска литература XX век* (София, 2019; книга получила Премия Факультета славянских филологий за лучшую книгу в области литературоведения – 2019 г.); Константина Пунева, *Лев Толстой на екрана: литературна и кинопоетика* (София, 2021). Продолжалась и традиция издавать сборники серии *Классика и канон в русской литературе (Класика и канон в руската литература. Юбилеят*. София, 2016).

Впечатляющее количество научных статей (более ста), авторами которых являются преподаватели кафедры русской литературы, опубликованы на протяжении последних пяти лет в авторитетных журналах и сборниках в Болгарии и за рубежом. Статьи посвящены проблематике, отражающей все этапы развития русской литературы от древности до современности, как и темам славистики, восточнославянского фольклора, эмигрантологии, литературоведческой компаративистики, художественного перевода, литературного образования.

Проблемам методики преподавания РКИ посвящены труды преподавателей кафедры методики доц. Антонины Радковой и гл. асс Аглаи Мавровой. Они активно занимаются и написанием учебников русского языка для болгарских школ. В 2016 г. было опубликовано учебное пособие А. Мавровой *Смях в час. Учебно помагало по руски език и методическо приложение*. Доц. А. Радкова является соавтором учебного комплекса *Матрешка* (София, «Просвета», 2016–2018), предназначенного для обучения русскому языку учащихся болгарских школ (2–7 класс). Старшеклассникам, изучающим русский язык, адресован учебный комплекс *Привет!* (9–12 класс) (София, «Просвета», 2018–2020), написанный доц. А. Радковой в соавторстве.

Преподаватели кафедры русского языка также вносят весомый вклад в разработку школьных учебников и учебных пособий. Проф. Татьяна Алексиева является соавтором двух учебных комплексов для изучающих русский язык в болгарских школах: *Конечно!* (5–7 класс)

(София, Klett, 2017–2018) и *Класно!* (уровни А1 и А2, второй иностранный язык) (София, Klett, 2018–2020). Гл. асс. Николина Нечаева приняла участие в написании учебника *Матрешка* для 7-го класса (София, «Просвета», 2018), а также тетрадей для 9-го и 10-го классов, входящих в учебный комплекс *Привет!* (София, «Просвета», 2018).

Доцент кафедры русского языка Илка Бирова рассматривает вопросы преподавания русского языка посредством применения игровых приемов в своей книге *Игра в обучении русскому языку как иностранному. Исследование игры как образовательного феномена* (Москва, НИЦ «Еврошкола», 2017) / болгарское издание: *Играта като образователен феномен в чуждоезиковото обучение* (София, УИ «Св. Климент Охридски», 2021).

В тесном сотрудничестве с представителями Министерства образования и науки русисты Софийского университета принимают участие в качестве экспертов в изготовлении материалов для школьных олимпиад и ЕГЭ по русскому языку. Проф. Татьяна Алексиева была членом коллектива, разработавшего государственные стандарты и учебные программы для профилирующей и общеобразовательной подготовки по иностранным языкам (МОН, 2019).

За последние годы на кафедре русского языка защищены 4 диссертации. Диссертационное исследование Елены Раденковой (2016 г.) посвящено игровым трансформациям фразеологизмов в газетных заголовках, Николина Нечаева (2016 г.) изучает функционально-прагматический аспект диминутивов в русском диалогическом дискурсе, а Анна Баранова (2017 г.) анализирует национально-культурные коннотации в переводе с русского на болгарский язык. Объектом исследования в диссертации Ирины Мановой (2017 г.) является концептуальное поле «Фрукты» в русской и болгарской лингвокультурах.

На кафедре русской литературы были защищены три диссертации. В 2016 году Ивайло Пеев получил ученую степень доктора филологии, защитив диссертацию *Езици на телесното в прозата на А.П.Чехов* (научный руководитель доц. Румяна Евтимова). Научный труд гл. асс. Константины Пуневой *Л. Н.*

Толстой като екранен сюжет: литературна и кинопоетика был защищен под руководством проф. Людмила Димитрова в 2017 году. Проф. Ренета Божанкова была научным руководителем Димо Димова, получившего степень доктора филологии в 2017 г. после защиты диссертационного труда *Пространството «град» в прозата на Йосиф Бродски*.

Особо следует отметить теоретическую и практическую значимость проектной деятельности преподавателей-русистов. В последние годы нашими коллегами было реализовано множество образовательных и научно-исследовательских проектов при финансовой поддержке Софийского университета, национального Фонда научных исследований, Министерства образования и науки Республики Болгарии и др.

Представители кафедры русского языка участвуют в разнообразных по своей тематике научно-исследовательских проектах. Проф. Т. Алексиева является членом коллектива, работающего над проектом *Просодические аспекты болгарского языка в сопоставлении с другими языками с лексическим акцентированием* (2020–2021 г., ФНИ). Проф. Р. Станков был участником исследовательской группы, реализовавшей проект *Современная палеославистика и медиевистика* (2017–2018, оперативная программа «Наука и образование за интеллигентен растеж», МОН, ЕС), в результате которого был издан словарь языка Патриарха Евфимия, терминологический и словообразовательный словари. Доц. И. Бирова (в качестве руководителя) и гл. асс. В. Манчев (в качестве члена научного коллектива) работали над проектом *Русский язык в сфере экономики и бизнеса в целях обучения болгарских студентов* (2020 г., Фонд НИД при СУ). Доц. И. Бирова была также руководителем проекта *Формы игры в языковом обучении в Университете (русский и болгарский языки)* (2017 г., Фонд НИД при СУ), а членом исследовательского коллектива была гл. асс. И. Манова. Научный коллектив в составе доц. С. Петковой, гл. асс. Е. Раденковой и гл. асс. Н. Нечаевой изучал специфику языка современных российских СМИ в рамках двух проектов, осуществленных при финансовой поддержке Фонда НИД при СУ: *Экспрессивность и оценка в российской прессе с начала 21 века до*

наших дней (2019 г.) и *Современный российский медиадискурс (коммуникативные стратегии и метафорические модели)* (2018 г.).

Преподаватели кафедры русской литературы участвовали в ряде университетских, национальных и международных проектах. Вся кафедра работала по проекту *Чтения по русской литературе* (2017 г., руководитель проф. А. Вачева). Добавим еще темы таких проектов как *Преводна рецепция на съвременната руска литература в българската култура* (2019–2020 г., руководитель проф. Р. Божанкова), *Литература и социални медии* (2021 г., руководитель проф. Р. Божанкова). Проф. А. Вачева участвует в международном проекте *Französisch-russischer Kulturtransfer im Zeitalter der Zarin Katharina II / Transferts culturels franco-russes à l'époque de l'Impératrice Catherine II / Французско-русские культурные трансферы времен императрицы Екатерины II*, как и в проекте Института балканистики БАН *Между традицията и модерността: Интердисциплинарни диалози в изучаването на Балканите* (2017). Доц. Г. Петкова приняла участие в проекте *Международный фестиваль с элементами научной школы «Живая Азбука: русская детская литература в славянских странах»* (2017, программа «Русский язык. 2016–2020 гг.»). Доц. И. Чекова участвовала в проекте *Южните и източните славяни: разнообразие и взаимодействие на писмените култури XI-XXI век – SESDiva* (2019-2020) и в научном сборнике проекта *Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни* (Международная научная конференция, 21–22 ноября 2019 г., София големина на шрифта), составители и редакторы сборника: А. Милтенова и И. Калиганов (С., 2020).

Преподаватели кафедры русского языка приняли участие с докладами во многих международных научных форумах, среди которых: XIV Конгресс МАПРЯЛ *«Русское слово в многоязычном мире»* (Нур-Султан, 2018 г.), Международный симпозиум МАПРЯЛ *«Русистика в современном мире»* (Великотырновский университет, 2018 г.), XVI международный конгресс славистов (Белград, 2018 г.), ежегодные Паисиевы чтения (Пловдивский университет, 2017-2021), Международный симпозиум *Преславска книжовна школа* (Шумен и Великий Преслав, 2017, 2019-2021), Палеославистические чтения

(Институт славяноведения РАН, Москва, 2019 г., 2020 г., 2021 г.), международная конференция «*Зографската обител сред Атонската монашеска общност*» (Софийский университет, 2019 г.), международная конференция «*Пътят на Кирил и Методий – пространствени и културно-исторически измерения*» (БАН, 2021), и мн. др.

В апреле 2018 г. в Софийском университете состоялась научная конференция с международным участием «*Перевод. Культура. Коммуникация*». Ее организаторами были члены кафедры русского языка доц. Н. Делева, доц. С. Петкова, гл. асс. Н. Нечаева, гл. асс. А. Баранова и С. Ганчева. В октябре 2020 г. в УНСС (София) прошла международная научно-практическая конференция *Современные тенденции в изучении русского языка, культуры и истории*, организованная Обществом русистов Болгарии. В ее оргкомитете активно работала доц. Цветана Ралева – член Совета правления Общества русистов Болгарии. На конференции выступили с докладами многие русисты Софийского университета.

Кафедра русской литературы организовала научную конференцию, посвященную проф. Петко Троеву, и доклады были отпечатаны в сборнике: *Интерпретираме руската литература. Сборник в чест на 75-годишнината на проф. дфн Петко Троев*, (София, 2018). В честь 70-летия доц. Румяны Евтимовой также был подготовлен юбилейный сборник *За смисъла на догадките. Сборник в чест на доц. д-р Румяна Евтимова* (София, 2019).

Литературоведы-русисты Софийского университета участвовали на протяжении последних пяти лет во множестве научных конференций в Болгарии и за границей. Каждый из преподавателей сфокусировал свои доклады на актуально разрабатываемые темы, например, проф. А. Вачева освещала переписку Валентина Жамре-Дюваля и другие аспекты культуры 18 века, проф. Р. Божанкова представила результаты своих исследований в области современной русской литературы и цифровой гуманитаристики, проф. Л. Димитров опубликовал разработки по русской классической литературе и в частности о творчестве Пушкина, Толстого, Достоевского; доц. Р. Парашкевова выступала с докладами, посвященными Тургеневу и А.К. Толстому;

доклады доц. Г. Петковой отражали ее работу над проблемами наследия П. Бицилли и других русских эмигрантов в Болгарии; доц. И. Чекова обратилась к проблематике Кирилло-Мефодиевского наследия и рецепции древнеболгарской литературы в древнерусской литературе (проникновения ораторского творчества Климента Охридского в древнерусскую литературу и воздействия «Шестоднева» Иоанна Экзарха на «Поучение Владимира Мономаха»); гл. асс. К. Пунева комментировала в своих докладах экранизацию литературной классики.

Толчком в профессиональной деятельности русистов Софийского университета стало торжественное событие, состоявшееся в мае 2018 года: Дом русского зарубежья им А.И. Солженицына (Москва) передал в дар кафедре русского языка и кафедре русской литературы 300 экземпляров книг ведущих российских гуманитарных издательств – книги по истории России, произведения русской классической и современной литературы, книги, посвященные историческому и культурному наследию русской эмиграции, словари, справочники и учебные пособия по русскому языку. Это примечательное событие было ознаменовано открытием выставки подаренных книг в двух аудиториях СУ.

Коллеги постоянно стремятся к повышению своей квалификации, принимая участие в научно-практических семинарах для преподавателей русского языка как иностранного. Последним из таких крупных образовательных мероприятий был международный педагогический форум, проведенный в декабре 2019 г. Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) совместно с кафедрой русского языка Софийского университета, Болгарской национальной сетью преподавателей русского языка и культуры и Институтом национальной памяти. Форум состоялся в Российском культурно-информационном центре при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. Его участниками были преподаватели и студенты вузов, учителя средних школ, воспитатели детских садов, представители образовательных учреждений из России, Болгарии, Армении, Грузии, Казахстана, Украины, Северной Македонии и других стран.

Преподаватели кафедры русского языка и кафедры русской

литературы работают в редколлегиях ряда международных и болгарских научных журналов: «*Cuadernos de Rusística Española*», Гранада, Испания (проф. Т. Алексиева), «*Црквене студије*», Ниш, Сербия (проф. Р. Станков) «*Съпоставително езиковзнание*» (доц. С. Петкова), «*Годишник на СУ*» (проф. Р. Станков – до 2020 г.), «*Съвременна лингвистика*» (доц. Н. Делева), «*Болгарская русистика*» (доц. И. Бирова, доц. Ц. Досева, гл. асс. Вл. Манчев).

Члены кафедры русской литературы также активно участвуют в редакционных советах и редколлегиях периодических изданий и сборников. Проф. Ренета Божанкова является главным редактором ежегодника «*Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии / Annual of Sofia University "St. Kliment Ohridski" Faculty of Slavic Studies*». Проф. Ангелина Вачева является членом редакционных советов журнала «*Quaestio Rossica*» и издания *ВИВЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. Доц. Илиана Чекова была редактором сборника *Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. Семнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура»*, в настоящее время она входит в состав комиссии по фольклористике при Международном комитете славистов, в редколлегию журнала «*Древняя Русь. Вопросы медиевистики*», научной серии «*Герменевтика древнерусской литературы*», «*Вестника Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*». Доц. Галина Петкова является составителем издания *Шкатулка со сказками. Стихи поэтов Болгарии для детей в переводах Михаила Яснова. Иван Цанев, Виктор Самуилов, Зоя Василева, Мая Далгачева, Петя Кокудева* (Санкт-Петербург, ГРИФ, 2019).

Преподаватели кафедры русской литературы выступают также и в роли переводчиков литературных произведений русских писателей 19 и 20-го веков (проф. Л. Димитров, доц. Р. Евтимова).

Русисты Софийского университета занимают достойное место в болгарском и международном культурно-образовательном пространстве. Бережно храня традиции своих предшественников, они уверенно смотрят в будущее, усваивают и эффективно применяют

инновационные обучающие технологии, создают электронные лекционные курсы, обогащают существующее учебное содержание, обсуждая со студентами наиболее актуальные аспекты современной филологии. Кафедры русского языка и русской литературы являются важными научными центрами в рамках Факультета славянских филологий Софийского университета. Современное гуманитарное знание, создаваемое и распространяемое преподавателями, докторантами и студентами – русистами, получило высокие оценки коллег и признание академического сообщества. Перспективы развития науки и образования в 21 веке зависят от упорного труда и устремленности новых поколений ученых и преподавателей, а результаты – от осознания ответственности перед культурой будущего.

Поздравляем всех преподавателей, студентов и выпускников отделения русской филологии Софийского университета с 75-летием нашей специальности! Дорогие коллеги, желаем вам блестящих успехов, творческого вдохновения и новых интересных идей!

Библиографический список

1. Алексиева Т., Вачева А. Развитие русистики в Софийском университете – современное состояние и достижения // Русистика сегодня: традиции и перспективы. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23–25 ноября 2016 г). – София: Тип-топ пресс, 2017. – С. 10–23.
2. Божанкова Р. Литературоведческая русистика в Болгарии. Кафедра русской литературы Софийского университета // Болгарская русистика. Альманах. Отв. ред. В. Аврамова и И. Владова. – София, 2007. – С. 12–39.
3. Градинарова А., Делева Н., Липовска А. (составители). История языковедческой русистики в Софийском университете // Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете. (1946–2006). К 60-летию специальности Русская филология. – София: УИ «Св. Климент Охридски», Форум «България – Русия», 2006. – С. 9–51.
4. Градинарова А., Липовска А. Лингвистическая русистика в Болгарии. Кафедра русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского // Болгарская русистика. Альманах. – София, 2007, С. 68–72.
5. Петров И. Восхождение болгарской литературоведческой русистики // Болгарская русистика. Альманах. Отв. ред. В. Аврамова и И. Владова. – София, 2017, С. 118-138.

6. Ралева Ц. Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете: традиции и современность // Русистика: язык, культура, перевод. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23–25 ноября 2011 г.). – София: Изток-Запад, 2012, С. 3–10.
7. Чекова И. Поглед към историята на преподаването на руски фолклор и етнология в Софийския университет „Св. Кл. Охридски“ // Болгарская русистика. 2010, № 1-2. – С. 170–185.

ЛИНГВИСТИКА

Ралева Цветана Христова
доктор, доцент
Софийский университет
им. св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: tzvetanar@abv.bg

Raleva Tzvetana Hristova
PhD, Associate Professor
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: tzvetanar@abv.bg

Ц.Х.Ралева

К ВОПРОСУ О ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЕ В УСПЕНСКОМ КОМПЛЕКТЕ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЫХ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (на материале Мучения св. Александра Римского)

Аннотация: В работе рассматриваются графико-орфографические особенности двух списков Мучения св. Александра Римского, помещенных в томах на март и май Успенского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария. Описываются и сравниваются проявления репрезентативных для церковнославянской письменности середины XVI в. признаков графики и правописания. Выявляются различия в орфографической практике трех копистов (майский список переписан двумя писцами) и устанавливается отсутствие единой орфографической нормы в этих текстах.

Ключевые слова: минеи митрополита Макария, орфография, агиография, св. Александр Римский.

Tz.H.Raleva

TO THE QUESTION OF THE GRAPHICAL AND SPELLING NORM IN THE ASSUMPTION LIST OF THE GREAT MENAION READER OF THE METROPOLITAN MACARIUS (Based on a material from the Torment of St. Alexander of Rome)

Abstract: The present article examines the graphical and spelling features of two copies of the Torment of St. Alexander of Rome contained in the volumes for March and April of the Assumption list of the Great Menaion Reader of the Metropolitan Macarius. Certain examples of the representative for the Church Slavonic writing of the middle of the 16th century signs of graphics and spelling are described and compared. The revealed differences in spelling practice of the three scribes (the copy for May is written by two scribes) indicate that there is no uniform graphical and spelling norm in the examined

texts.

Keywords: Menaia of the Metropolitan Macarius, orthography, hagiography, St. Alexander of Rome.

Работа является частью предпринятого нами исследования графики и орфографии агиографических текстов Успенского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария (УВМЧ). Успенский комплект создавался в середине XVI в. Соответственно в нем отразились представления книжников об орфографической норме церковнославянского языка этого времени. Успенский комплект, как и остальные два комплекта макарьевских миней – Софийский и Царский – состоит из 12 томов – на каждый месяц года, каждый том объемом ок. 1000 листов «в десь». В создании УВМЧ принимали участие многие книжники, и сравнение результатов их работы поможет ответить на вопрос, какие орфографические признаки считались ими нормативными и какие – нет. Этот вопрос важен, поскольку считается, что Великие Минеи Четьи митрополита Макария выполняли нормализующую функцию в развитии церковнославянского языка XVI в.

Для анализа нами выбрано Мучение св. Александра Римского (МАР). Память этого святого (как и многих других святых) отмечалась в разные дни¹. По этой причине списки Мучения даются в разных рукописях под разными датами. В УВМЧ такие содержатся в томах на март и май. Наличие двух списков Мучения, включенных в разные тома УВМЧ и переписанных разными писцами, идентичность содержащегося в них перевода [5, с.532; 6, с.38], а также непопулярность Мучения в русской средневековой агиографии, т.е. отсутствие длительной традиции его распространения, делает этот текст очень подходящим для сравнительного изучения в языковом, в т.ч. графико-орфографическом плане. Сам по себе майский список МАР тоже представляет интерес в этом аспекте, потому что он – продукт работы двух писцов из коллектива 8 переписчиков, работавших над томом.

¹ Самая частотная дата почитания святого – 13 мая (к этой дате приурочены краткое житие, служба святому, часть списков пространного Мучения), но Александра чтили также 10 и 14 мая, 25 февраля, 14 марта, 27 марта [6, с.35-38].

Несколько слов о святом, которому посвящено Мучение. Александр – воин римской армии, пострадавший за Христа в конце III – начале IV в. (284 – 305 гг.) при императоре Максимиане. Мученика вели из Рима в Византию, через земли нынешней Болгарии, подвергая его по дороге пыткам. Скончался он во Фракии, в районе Дризипары/Друзипары (ныне Буюк Караштиран в Турции), недалеко от Адрианополя (Эдирне). По этой причине святого называют также Александром Дризипарским и Фракийским. Предполагается, что культ святого – ранний, возник во Фракии и пользовался популярностью еще до VII в. В древнеболгарский календарь он вошел уже в момент своего становления [6, с.37]. Тем не менее в византийской и славянской книжных традициях культ оставил мало следов – сохранились краткое (в Простом и Стишном прологе) и пространное житие святого (Мучение), а также служба ему. Пространное житие (Мучение) А. Римского известно в латинском переводе и в его греческой версии, сохранившейся целиком в рукописи XII в. № 1534 Парижской Национальной библиотеки¹. Перевод Мучения Александра Римского на славянский язык сделан, судя по языковым приметам, в Болгарии в первой половине X в., в книжном центре, отличающемся консервативностью [6, с.43]. Древнейший сохранившийся список МАР находится в русской четвѣй минее на май РГБ ф. 113 № 597 к. XV в. под 13 мая [10, с.15]. Кроме него известно еще 7 списков XVI-XVII вв. – один сербский, остальные – русские. Сопоставительное исследование текста и языка части списков см. в [6, 10, 8].

Итак, к сравнению графико-орфографических особенностей привлекаются списки Мучения Александра Римского в томе на март (ГИМ Син 992, л. 371a1-376a36, под 14 марта) и в томе на май (ГИМ Син 994, л. 465a7-469d22, под 13 мая)² УВМЧ. Работа велась нами по изданиям двух рукописей [12, 13].

1. Графические особенности. Наблюдается различие в наборе использованных в двух списках букв и пунктуационных знаков.

В мартовском МАР употребляются все буквы кириллического

¹ Рукопись издана болгарским археологом Д. Димитровым [2].

² Текст в этом томе озаглавлен «Страдание св. мученика Александра». Заголовок добавлен поздней рукой [13, с.929, сноска].

алфавита, за исключением йотированных юсов, ъ, ѣ, ѵ. Ограниченным количеством употреблений характеризуются буквы ѕ (18)¹, і (15, в числовом значении и в составе нескольких антропонимов), љ (12, в имени Александр, непоследовательно), ꙗ (8), Ѹ (5), ѿ (4), ѡ (3), ѱ (2), Ѵ (2, в составе лигатуры ѡѵ). Пунктуационные знаки: точка, запятая (2, в одном из случаев – вместо точки при обозначении числа), точка с запятой (2), двоеточие (1).

Список в майском томе УВМЧ скопирован двумя писцами: л. 465a6-467a27 – вторым почерком, л. 467a28-469d22 – пятым почерком [7, с.XLII, XLIV]². Для графики первой части текста, воспроизведенной вторым почерком, характерно отсутствие йотированных юсов, ꙗ, ъ, ѿ, ѵ, ограниченное использование љ (22, в именах Александр и Максимиан, непоследовательно), і (5, в числовом значении и в имени Иисус), ѵ (3, в лигатурах), ѕ (2), ѱ (1), Ѹ (1), полное отсутствие запятой. По мнению палеографов, второй почерк «принадлежит опытному каллиграфу, искусному профессионалу», а письмо этого кописта «отличается стабильностью начертаний, небольшой вариантностью основных графем, постоянным размером букв» [7, с.XLII]. Графика второй части списка, скопированной пятым почерком, характеризуется отсутствием йотированных юсов, ꙗ, ъ, ѿ, љ, ѵ, спорадическим употреблением ѱ (4), ѕ (3), ѵ (3, в лигатурах), частым использованием і и более редким ї (25), а также ощутимым присутствием запятой – в 74 случаях.

При сравнении письма трех переписчиков в качестве отличительных примет выделяются наличие ꙗ и большая частотность ѕ в мартовском списке, предпочтение љ сочетанию ꙗс копистом

¹ В скобках здесь и дальше указано число примеров с данным явлением.

² Почерки выделяются в рамках соответствующего тома (рукописи).

первой части майского списка, предпочтение *ı* варианту *ї* копистом второй части майского списка. Всеми тремя переписчиками *ѣ* употребляется только в лигатурах.

2. Орфографические особенности. Для большей наглядности представим результаты наблюдений в виде таблички. Учитываем репрезентативные для церковнославянской орфографии XV-XVI вв. признаки [см. 3, с.658-736, 821-887].

ПРИЗНАКИ	КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ МАР – март	КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ МАР – май <i>I нисец</i>	КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ МАР – май <i>II нисец</i>
1. <i>ї</i> перед буквой гласного (<i>велѣніе, тиверианъ, бѣію</i> и т.д.)	250 Исключения: 5, в т.ч. 3 антропонима.	39 Исключения: 31, в т.ч. 26 словоформ заимствованных слов, преимущественно антропонимов.	77 Исключения: 61, в т.ч. 37 словоформ заимствованных слов (<i>тиверианъ</i> – 30 примеров).
2. <i>Ѧ</i> после буквы гласного – отражение т. наз. зияния (<i>своа, діа, моѦа, оѦаанне</i> и т.д.)	135 Исключения: 24 (18 с <i>Ѧ</i> и 6 с <i>Ѧ</i> на месте <i>Ѧ</i>).	24 Исключения: 35, все с <i>Ѧ</i> . Среди них 29 антропонимов.	3 Исключения: 77. Из них с <i>Ѧ</i> – 56 (<i>тиверианъ</i> 33), с <i>Ѧ</i> – 21.
3. Употребление <i>Ѧѣ</i> и <i>Ѧ</i>	<i>Ѧѣ</i> – 358: в начале слова – 49, после согласной – 309, после гласной – 1. <i>Ѧ</i> (и <i>Ѧ</i>) – 95: в начале слова – 1, после согласной – 95 (из них в конце строки – 25).	<i>Ѧѣ</i> – 118: в начале слова – 26, после согласной – 86, после гласной – 0. <i>Ѧ</i> – 68: в начале слова – 1, после согласной – 67, после гласной – 0.	<i>Ѧѣ</i> – 55: в начале слова – 42, после согласной – 13, после гласной – 0. <i>Ѧ</i> – 247, все – после согласной.

4. Употребление Ѡ и Ѧ	<p>Ѡ – 223: в начале слова и самостоятельно – 187, после согласной – 32, после гласной – 4 (в заимствованиях и после приставки).</p> <p>Ѧ – 1262: в начале слова – 11 (в основном, на л. 374а и последующих), после согласной – 1251, после гласной – 0.</p>	<p>Ѡ – 246: в начале слова или самостоятельно – 85, после согласной – 153, после гласной – 8 (в заимствованиях и после приставки).</p> <p>Ѧ – 387, только после согласной.</p>	<p>Ѡ – 121: в начале слова и самостоятельно – 98, после согласной – 18, после гласной – 5 (в заимствованиях и после приставки).</p> <p>Ѧ – 799: в начале слова и самостоятельно – 5, после согласной – 794, после гласной – 0.</p>
5. Ѣ – Ѧ на конце слов	<p>Этимологически правильных написаний: 536.</p> <p>Написаний с Ѣ в м. Ѣ – 69, с Ѣ в м. Ѣ – 2.</p> <p>Окончания 3 л. ед. и мн. ч. презенса/простого будущего: -ть (17), -тъ (15).</p>	<p>Этимологически правильных написаний: 247.</p> <p>Написаний с Ѣ в м. Ѣ – 26, с Ѣ в м. Ѣ – 2.</p> <p>Окончания 3 л. ед. и мн. ч. презенса/простого будущего: -ть (20), -тъ (6).</p>	<p>Этимологически правильных написаний: 243.</p> <p>Написаний с Ѣ в м. Ѣ – 32, с Ѣ в м. Ѣ – 19.</p> <p>Окончания 3 л. ед. и мн. ч. презенса/простого будущего: -ть (16), -тъ (0).</p>
6. Употребление Ѣ	<p>Этимологически правильных написаний: 390.</p> <p>Словоформ с Ѣ в м. Ѣ – 32.</p> <p>Гиперкорректные формы: лицѢ 3.</p> <p>Словоформа с и в м. Ѣ: повели (как форма аориста;</p>	<p>Этимологически правильных написаний: 181.</p> <p>Словоформ с Ѣ в м. Ѣ – 16.</p> <p>Гиперкорректная форма: ѡдрѢцы.</p> <p>Словоформ с и в м. Ѣ – 2 (во флексиях</p>	<p>Этимологически правильных написаний: 177.</p> <p>Словоформ с Ѣ в м. Ѣ – 39.</p> <p>Гиперкорректных форм нет.</p> <p>Словоформ с и в м. Ѣ – 22 (во флексиях и корнях</p>

	возможно, из-за непонимания).	имен).	имен и глаголов, в наречиях). Гипперкорректные формы: повелѣ (форма повел. наклонения 2 л. ед. ч.) и попрѣщѣ.
7. Употребление А	В начале слова и самостоятельно: 4. После буквы согласного (не считая сА): 155, в т.ч. в окончании 3 л. мн. ч. аориста -ша – 21 (срв. -ша – 29). После буквы гласного – 18.	В начале слова и самостоятельно: 10. После буквы согласного (не считая сА): 46, в окончании 3 л. мн. ч. аориста -ша – 0 (срв. -ша – 10). После буквы гласного – 35.	В начале слова и самостоятельно: 1. После буквы согласного (не считая сА): 73, в окончании 3 л. мн. ч. аориста -ша – 0 (срв. -ша – 31). После буквы гласного – 21.
8. Рефлексы сочетаний типа *тъгт (Дръжавѣ, мзлнѣи, вър'хъ и т.д.)	Древнеболгарский рефлекс с постпозицией редуцированного – 42, русский рефлекс – 4.	Древнеболгарский рефлекс с постпозицией редуцированного – 2, русский рефлекс – 17.	Древнеболгарский рефлекс с постпозицией редуцированного – 5, русский рефлекс – 18.
9. Рефлексы *dj	Ж _д – 4, ж – 11.	Ж _д – 0, ж – 6.	Ж _д – 5, ж – 5.
10. Неполногласие – полногласие	С неполногласием – 169, с полногласием – 0. Неполногласных форм с -ре- 32, с -ръ- – 1 (прѣщѣиѣн).	С неполногласием – 65, с полногласием – 0. Неполногласных форм с -ре- 14, с -ръ- – 5 (прѣ- 4 случая, прѣдь – 1).	С неполногласием – 87, с полногласием – 0. Неполногласных форм с -ре- 17, с -ръ- – 1 (прѣстоѣщим).
11. Ы и И после букв заднеязычных	Кы, ги – 48. Ки, ги – 3. Сочетания хы, хи не встретились.	Кы, ги – 16. Ки, ги – 3. Сочетания хы, хи не встретились.	Кы, ги – 7. Ки, ги – 27. Сочетания хы, хи не встретились.

12. Употребление г̃г̃ и н̃г̃ (дг̃г̃лъ, дн̃г̃лъ)	Форм с г̃г̃ – 14, с н̃г̃ – 0.	Форм с г̃г̃ – 7, с н̃г̃ – 0.	Форм с г̃г̃ – 4, с н̃г̃ – 7.
--	----------------------------------	---------------------------------	---------------------------------

Несколько комментариев к таблице. Описанные в пунктах 1 и 2 явления характеризуют орфографию периода Второго южнославянского влияния. Наиболее последовательно им следует писец мартовского списка. В XV-XVI вв. употребление омеги становится более частотным. Нередко омега приобретает смысловоразличительную функцию, обозначая множественность. Эта функция отмечена К. Костенечским [11, с.42] и закреплена ранними церковнославянскими грамматиками. В мартовском списке и во второй части майского списка, буква продолжает употребляться согласно правилам древнерусской орфографии: самостоятельно, в предлоге ѿ, в начале слов и после буквы гласного. В позиции после буквы согласного омега используется чаще в первой части майского списка – как знак конца слова, чаще односложного (вѡ, нѡ и т.д.), в корне мнѡг- и, реже, во флексиях дат. п. мн. ч. существительных м.р. (дѣмѡнѡмъ, бѣгѡмъ и т.д.). Буквы ѡ и ѣ на конце слов пишутся, в основном, в согласии с этимологией. Отклонений немного, и они, как правило, отражают отверждение [м]. Правило, привнесенное Вторым южнославянским влиянием, писать в конце ѣ, а в середине слов – ѡ, не соблюдается писцами наших текстов. Его отголоски заметны во второй части майского списка. В той же части прослеживается более частая замена ѡ на и по сравнению с первой частью того же списка и с мартовским списком. Вряд ли обе части майской копии списаны с разных апографов, поэтому в этой связи можно сделать два предположения: либо второй копист был носителем данной особенности юго-западных и северных древнерусских диалектов [1, с.137-138], либо он переписывал текст, не исправляя диалектизмы в апографе. Уже было сказано, что первый копист майского текста, очевидно, был профессионалом и, следовательно, мог

отредактировать ненормативные случаи правописания. Актуальному правилу писать малый юс после буквы согласного лучше всего следует писец мартовского списка, причем, за небольшим исключением, употребляет букву правильно. Во многих случаях он сохраняет ее даже во флексии 3 л. мн. ч. аориста -ша наряду с нормативной для древнерусской письменности и кодифицированной ранними грамматиками церковнославянского языка флексией -ш.

Написание малого юса после буквы гласного наблюдается прежде всего в собственных именах. В отношении признака № 8 копист мартовского списка следует норме периода Второго южнославянского влияния и употребляет почти исключительно болгарские рефлексy, остальные писцы отдают предпочтение русским рефлексам, вставляя очень часто паерчик или ерь/ер после буквы плавного. Вернувшееся в орфографическую норму сочетание жд, уступает русскому рефлексу ж, а в первой части майского списка оно полностью отсутствует. Всеми кописцами неполногласное сочетание -ръ- передается в виде -ре-, что соответствует древнерусской орфографической норме. Вариант -ръ-, привнесенный Вторым южнославянским влиянием, встречается в наших текстах редко. В передаче сочетаний букв заднеязычных с [и] списки МАР противопоставлены. Кописты мартовского списка и первой части майского придерживаются старой орфографии и пишут преимущественно кы, гы, следуя старым именным парадигмам и употребляя в соответствии с ними формы с палатализацией вм. форм с ки, ги. Писец второй части майского списка предпочитает новые сочетания ки, ги. Он, однако, в отличие от обоих других писцов, употребляет наряду с новым и старое сочетание н̄г̄.

Помимо русизмов, отмеченных в таблице, в текстах Мучения встречаются и немногочисленные другие проявления общерусских и диалектных фонетических особенностей. В мартовском списке отмечено 4 случая редукции безударного О (въдѣти, въдоу, въведѣ, въведѣ,

тзи – ж.ед. мест.), ассимиляция по звонкости (зДѣ/ѣ 3, гДѣ), произношение И как Ы после приставки на согласный в основе изид-, (последовательно изыд-, 6). В первой части майского списка имеет место отражение редукции гласного [и] (маѡимѡан 12, тиверьѡнѡ, возложѡти); копист регулярно пишет изид-, (4). Во второй части майского списка отражена редукция гласных [и] (маѡсимѡѡнѡ) и [у] (ѡмѡ в. ѡмѡу, 2), а также произношение И как Ы после согласного в основе изид-, (последовательно изыд-, 4).

3. Выводы. Текст каждого писца характеризуется набором определенных орфографических признаков, представляющим собой интересную амальгаму старых и новых правил. Наиболее последовательным соблюдением воспринятых орфографических правил отличается мартовский список. В нем находим и наиболее ощутимое отражение признаков Второго южнославянского влияния, с чем однако контрастирует почти полное отсутствие запятой в списке.

Различия в орфографии первой и второй части майского списка скорее всего следует отнести за счет творческого отношения писцов к орфографии апографа – текстуальное единство списка не позволяет предполагать использование для него разных апографов.

В результате проделанного наблюдения устанавливается факт отсутствия жестких графико-орфографических норм в исследованных текстах. На их орфографии сказывается влияние рукописей, с которых они переписаны, а также установка самих копистов.

Библиографический список

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М.: Наука, 1965. – 555 с.
2. Димитров Д. Пътуването на св. Александър Римски през Тракия // Известия на Българския археологичен институт. – 1934. – Т. VIII. – С., 1935. – С. 116-160.
3. Живов В.М. История языка русской письменности. Т. I-II. – М.:

Университет Дм. Пожарского, 2017. – 1240 с.

4. Заимов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. В 2 тома. Т. 1. – С.: Издателство на БАН, 1982.
5. Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. – С.: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2008. – 720 с.
6. Иванова К., Йовчева М. Путешествие Александра Римского (Фракийского) из Рима и Карфагена по балканским землям и дальше // Древняя Русь. – 2004. – 4 (18). – С. 35-45.
7. Костюхина Л.М. Палеографическое описание // Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 1. – 8. Mai / Великие минеи четьи митрополита Макария. Успенский список. 1 – 8 мая. Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. – Weiher-Freiburg i. Br., 2007. – S. XXXIX-LXXXVII (= Monumenta Linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. T. LI.).
8. Ралева Ц. Три неисследованных списка Мучения св. Александра Римского (Дризипарского) // Шъствоуѣжъ нзынѣ по слѣдѣоу оучителю. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анна-Мария Тотоманова. – С.: УИ „Св. Климент Охридски“, 2021. – С. 166-178.
9. Тасева Л., Йовчева М. Мъчението на св. Александър Римски (Един рядък агиографски текст в книжнината на православните славяни) // Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher. Hrsg. von J. Bestres-Dilger und A. Rabus. – München–Berlin: Otto Sagner, 2009. – S. 67–94. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборники. Bd. 39)
10. Творогов О.В. Переводные жития в русской книжности XI-XV веков. Каталог. – М.-С.-П.: Альянс-Архео, 2008. – 142 с.
11. Тотоманова А.-М. Константин Костенечки. Съчинения. Сказание за буквите. Житие на Стефан Лазаревич. Изд. е подготвено от А.-М. Тотоманова. – С.: Славика, 1993. – 210 с.
12. Weiher E. Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 12. – 25. März / Великие минеи четьи митрополита Макария. Успенский список. 12 – 25 марта. Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. – Weiher-Freiburg i. Br., 1998. – 1250 S. (= Monumenta Linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. T. XLI. Bd. 2)
13. Weiher E. Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 9. – 23. Mai / Великие минеи четьи митрополита Макария. Успенский список. 9 – 23 мая. Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. – Weiher-Freiburg i. Br., 2009. – 1290 S. (= Monumenta Linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. T. LIII. Bd. 2).

Досева Ценка Георгиева
доктор филологии, доцент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, София
e-mail: zenka.dosseva@gmail.com

Dosseva Tsenka Georgieva
PhD, Associate professor,
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: zenka.dosseva@gmail.com

Ц. Г. Досева

**СЛУЖБА СВ. ПРОРОКУ ИЛИИ В МИНЕЕ 1260 Г.
(ГИМ, СИН. 895)**

Аннотация: В статье рассматриваются песнопения в Службе пророку Илии (Канон Иоанна Мниха и малые жанровые формы) в восточнославянской праздничной минее 1260 г. (Син. 895, ГИМ, Москва) в сопоставлении с восточнославянскими и южнославянскими рукописями (минееми) XI-XIV вв.

Ключевые слова: Пророк Илия, гимнография, минеи.

Ts.G. Dosseva

**THE SERVICE FOR THE ST. PROPHET ELIJAH IN FESTAL
MENAION OF THE 1260 S. (GIM, SIN. NR. 895)**

Abstract. The paper studies the Repertory of Hymns in the Service for the Prophet Elijah (the Canon of the Ioann the Monk and the small Hymnographic forms) in the Festal Menaion of 1260 C. (Sin. Nr. 895, State Historical Museum, Moscow) in comparison to the Eastern Slavic and South Slavic Manuscripts (Menaions) of the 11th–14th centuries.

Keywords: Prophet Elijah, Hymnography, Menaions.

Гимнографический материал о пророке Илии в ранних восточнославянских минеех является уникальным источником славянской литургической культуры, исторической агиологии и геортологии. Он чрезвычайно важен для выяснения сложной и все еще мало изученной истории славянской Минееи – повседневной и праздничной, и судьбы южнославянского наследия у восточных славян.

Объект наших наблюдений – праздничная восточнославянская минееа за февраль-июль из рукописного собрания ГИМ-а Син 895. Она состоит из двух частей: 1260 г. и 1352 г. Минееа 1260 г. написана

уставом и содержит 212 пергаменных листов¹.

По всей вероятности, существовал ранний древнеболгарский перевод Службы св. Илии, содержащий канон, седалны, тропарь пророку, группы стихир. Следы архаической древнеболгарской версии зарегистрированы в Ильиной книге. Версия Службы пророку, созданная, вероятно, до Студийско-Алексиевской, засвидетельствована в двух болгарских минеях – Драгановой (Зогр. I.e.9) и Минее из собрания РНБ (Ф.п.I.72)². Восточнославянские студийские минеи демонстрируют редактированную преславскую версию. А в Службах пророку в сербской Деч 32, в западно-болгарской НБКМ 113 и др. имеется редакционная правка в связи с введением Евергетидского устава в южнославянскую практику. Списки староизводной Службы в среднеболгарских праздничных минеях и в ранних минеях с сербским правописанием датируются, как правило, XIII–XIV вв.

Л.В. Столярова, исследуя глаголические надписи в древнерусских пергаменных кодексах XI–XIII вв. (надписей на книгах, написанных глаголицей 11–13 вв., дошло всего шесть), обращает внимание на то, что на л. 176 об. в Син 895 на нижнем поле слева сделана надпись почерком второго писца Минее, теми же чернилами, что и основной текст. Текст записи на глаголице, т. е. *Камени в каменах б(ог)ъ же нашема* датируется временем не позднее 27 апреля 1260 г. – даты, указанной в выходной записи первого писца „раба божия Леукья“ на л. 212 об. Всего в ней употреблено 13 глаголических букв. Книжник *Василий В. Кондратъ* переписал часть 1260 г., а писец *Левкий* ее конец – *...конца паса книгъ си отъ раба бж҃на Леукья* [11, с. 63–64 и др.]; см. дигитализованную

¹ Древнейший славянский текст Службы пророку засвидетельствован в Ильиной книге. По мнению И. М. Ладыженского, по совокупности признаков наиболее вероятным временем создания Ильиной книги следует считать последнюю четверть XI в. [7, с. 121]. Публикации ее текста см. в изданиях [6; 1]. Некоторые разночтения Службы по Син 895 даны у В. Б. Крысько [6, с. 641–657]. Иногда в Син 895 имеется более правильный перевод, ср., напр., начало первого тропаря 9-ой песни - *Нетьрьно чл҃вкомъ...* [6, с. 653].

² Сходную позицию о достудийской версии Службы св. Николаю в тех же двух минеях выражает В. Легких [8, с. 134].

рукопись Син 895 на сайте ГИМ-а:
<http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT?album=622494765>.

По мнению Л. Мошковой и А. Турилова, писец праздничной Типографской Минеи № 130 (РГАДА, Тип 130), также участвовал в написании Минеи. Авторы считают, что поэтому «есть все основания полагать, что речь идет о двух томах редкого трехтомного комплекта Минеи праздничных (обычно эта книга занимает один том), разрозненного в 1788 г. при разделении пергаменов Печатного двора между собственно Синодальной и Типографской библиотеками» [9, с. 152].

Служба пророку Илии в минее Син 895 засвидетельствована под 20 июля на л. 148 об. – 154¹. Канон в Син 895 представляет собой перевод канона Иоанна Дамаскина (Мниха). Ему предшествуют восемь песнопений, принадлежащих малым жанрам. Такая организация гимнографического материала наблюдается, например, и в двух ранних восточнославянских минеях из собрания РГАДА – Тип 121 и Тип 122 (см. Источники). В староизводных (восточнославянских и южнославянских) минеях, отражающих богослужебную практику до введения Иерусалимского устава в XIV в., как правило, песнопения расположены в зависимости от жанра, а не с учетом их богослужебной позиции.

В восточнославянских минеях сохранилось древнее ядро Службы пророку. Текстовые версии тропарей в Каноне в них, в том числе и в Син 895, совпадают с версиями в южнославянских кодексах старого извода. Сопоставление восточнославянских и южнославянских миней – как в отношении их состава, так и с точки зрения текста служб, позволяет реконструировать с известной долей вероятности некоторые первоначальные чтения Службы².

¹ Электронные версии Службы в Син 895, в еще двух ранних восточнославянских и в десяти списках южнославянских миней опубликованы мною на сайте Encyclopaedia Slavica Sanctorum - <http://www.elslavsanct.net/viewobject.php?id=198.lang=bg> (последнее обращение 2 октября 2021 г.), а также в печатном варианте [2].

² Изучая Службу 40 мученикам в восточнославянских минеях, И. Христова-Шомова констатирует, что в трех болгарских рукописях – в Драгогиной минее, сохранившейся в палимпсесте рукописи № 880 из НБКМ начала XII в., в Скопльской минее № 522 из НБКМ XIII в. и в рукописи с Синая № 25 XIV в.

В Син 895 канон 2-го гласа начинается с тропаря:

*Пѣти оубѣженнѣ. наниъ уюде-
съ. огнедѣхновеоу слоу. огнь-
ѡбразна. устьна. гзъика дѣо-
вна слоу достононо въси да прѣ-
зовемъ :~*

Канон в Син 895 содержит по 3 тропаря, в четвертой песне – четыре, в восьмой – два. Третий тропарь в 8-ой песне пропущен, но он зарегистрирован в Тип 121 и Тип 122, а также в некоторых южнославянских староизводных минеях.

Как правило, в ранних восточнославянских минеях *малые жанровые формы* в Службе помещены перед каноном: это седален, кондак, икос (иногда он отсутствует, как, напр., в Син 895), стихиры. В Ильиной книге седален и стихиры помещены в конце Службы.

В Син 895 Служба начинается с седальна 8-го гласа: *Ико прѣкъ истиннаго. бѣжнѣ свѣта прѣкы лѣжнѣна ннзъложин...* Далее следует кондак 2-го гласа: *Прѣуе и провндѣуе. велнѣ дѣаннѣ бѣ нашего. ннѣ велноконеннѣ. нже вѣщаннѣмъ свонмъ. оуставн водоточнѣны облакты. молн за ны юдннго уѣколюбьца :~* Три стихиры на „Господи, воззвах“ 1-го гласа с инципитами *Илнѣ оезвнтѣннѣ. въ оружнн огньнѣ. ѡ земля щедрын. прѣложнѣтъ спсе...; Въ вхрѣ н вѣтрѣ тѣнѣцѣмъ бѣдѣ бѣжнѣ прншьствнѣ. ннѣ прѣблжнѣ...; Иерѣѣ стѣуднѣна ножмъ заклан нѣо гзъыкомъ. на землю не одѣжннѣти...* зарегистрированы в Син 895, Ил, Тип 121, Тип 122, а также в староизводных южнославянских службах [2]. Далее в Син 895 записаны три хвалитные стихиры 8-го гласа: *Игда ты прѣуе уюднѣ. бѣн добродѣтелью. н жнзнь уѣоу съпрѣмѣшь са...; Ръвнѣовавъ по гн. ражнзѣа са. безаконнѣннхъ црѣ. ты обанцнлѣ юсн дѣла...; Игда прѣуе съказалѣ юсн намѣ нѣнѣн жнвотѣ...* Эти стихиры обнаруживаются

сохраняется редакция, представленная в восточнославянской праздничной минее Син 895. По мнению автора, по всей вероятности, в трех болгарских и в русской праздничной минее имеется первоначальный перевод [12, с. 157].

как в Син 895, так и в Тип 122. Вышеупомянутые три стихиры можно найти под датой 14 июня и в Службе пророку Елисею (ему св. Илия передал свой пророческий дар и вознесся на небо на огненной колеснице) в нотированной служебной минее за июнь, XII в. из комплекта новгородских Софийских миней (Син 167) [10, с. 126-127].

Для всех песнопений малых жанров в Син 895, за исключением светильна (см. ниже), обнаружен греческий текст. Два тропаря канона: *Ѣ Та бѣю достошно вѣрнни нѣнѣ блжнѣ. бѣдѣхновеннхъ словесѣ твонхъ послѣдѣще. ты бо юдѣна земнннмѣ бѣ родн (!) юсн. съмьртѣ раздрѣшннка мѣтн дѣво* :— в Син 895 и Тип 122; Драг, Ф.п.І.72, НБКМ 113, Брат, Деч 32, ЦИАИ 501 и *Иакоже оужасно гавѣ холнсѣю. кооннннмѣ шѣствннѣмѣ. вѣ глѣбннѣ вѣздѣшннѣн. крыла са ѡѣе* :— в Син 895, Тип 121, Тип 122; Хл 166, НБКМ 113, Син 25 пока не имеют греческих параллелей, но наличие таких вполне вероятно, поскольку большинство греческих рукописей все еще не описано и не исследовано.

Производит впечатление наличие *светильна* в Син 895, в самом конце Службы :

*Фезвѣтннна нлню. прндѣте вѣспон-
ннѣ всн. гакѣ на колесннцн огнь -
нѣ. прѣставѣ са на свѣтѣ бжн того свѣта ѡ прѣце
съподѣвѣ прѣ-
вѣцл сн*¹

В инципитарии Д.Штерна данный светилен цитируется единственно по праздничной минее Син 895 [14, № 25209]. В этой связи заметим, что гимнографический репертуар Службы пророку мог бы дополнить сведения в существующих справочниках. В древнейших восточнославянских минеях нет светильна, но с XIII в. его иногда включают в Службы. В рукописи Син 895 помещены светильны и в службах для больших праздников: на Сретение Господне, Благовещение, Рождество св. Иоанна Крестителя, св. пророку Илию, на Преображение и на Успение Богородицы. Данный

¹ Этот светилен встречается в южнославянских минеях - Хл 166, НБКМ 113, ЦИАИ 501, Брат, Ф.п.І.72, Драг [см. Источники].

светилен имеется и во многих южнославянских студийских минеях¹.

В отношении орфографических особенностей Службы в Син 895, в ней можно обнаружить новгородско-псковские диалектные черты, напр. сочетание жг: *на ороужѣн же сѣда четвероконыхънемь нѣо прѣблжжѣши. страннолѣпно. южжжѣмь бѣдѣхновене* – в стихире; *покараѣши дѣжга врата и двѣри дѣхомь п. 1, 3 тр.*; *дѣжгити* п. 3, 3 тр.; *дѣжгениемь* п. 6, 2 тр.; *наполъ. юси дѣжгьмь* п. 6, 3 тр.; *дѣжгевьнага, южжжѣмь* в стихирах; ц на месте ч – *шлцилѣ юси* и др. – п. 1, 2 тр.; сравнительную степень *лущѣ* (в стихирах). Словоформа *ражжажѣши* п. 7, бог., по всей вероятности, является отражением конкуренции общеславянского жл и псковского диалектного жа произношения [6, с. 649]. Встречаются сочетания чю-, цю-, щю-, -чл, -жл, например: *чюдодѣтелѣ, жнзнодавѣцю, дѣржжжщюоуоуоу* и т.д. (мягкие согласные ш', ж', ц', ч' сохраняются в XII-XIII вв. на всей территории распространения древнерусского языка [3, с. 68]; в минее имеются формы с о вм. ѣ – *олнсѣови, нолнсѣю, вѣськатель* (с малым ерем ѣ на месте ѣ), (в нескольких новгородских берестяных грамотах XII-XIII вв. также засвидетельствовано написание ѣ на месте ѣ [3, с. 49]. Буква л употребляется после согласных, кроме [j]), а на после гласных, [j] и в начале слова.

Среди морфологических особенностей Службы в Син 895 можно указать на неконтрагированные формы имперфекта: напр., *вѣпнташе* п. 3, 3 тр.; п. 8, 2 тр.; *доулаше* п. 4, 3 тр.; *вѣспѣваше* п. 8, 1 тр.; местоименные причастия – *роженоуоуоуиѣ, обновльшоуоуоуоу* п. 1, бог.; *роженоуоуоуоу* п. 7, бог.; *доброуоуоуоу дѣржжжщюоуоуоу* п. 8, 2 тр.; местоименные прилагательные *коныхъиньмь* п. 4, 4 тр. *сквѣрънааго* п. 5, 2; п. 5, бог.; *земельнѣхъ* п. 9, 2 тр.; *земельнѣиньмь* п. 9, бог.; *неповннѣиньма* п. 5, 3; *всауѣскѣиньмь* п. 5, бог.

¹ В древнеболгарской Драгогиной минее 12 в., представляющей собой палимпсест, светильны записаны почти во всех ее службах [13]. М. Йовчевой было высказано предположение по поводу Пражских глаголических листов о том, что в древнеболгарских рукописях были светильны [5].

Из-за ограниченности объема данной статьи лексические особенности Службы в Син 895 будут объектом отдельных наблюдений.

Нужно подчеркнуть, что в гимнографическом материале в праздничной восточнославянской минее Син 895, как и в ранних восточнославянских, а также в южнославянских староизводных минейных текстах сохраняется протоперевод древнеболгарской службы св. пророку Илии. Песнопения в данной Службе в минее Син 895 – свидетельство живого интереса к предыдущей гимнографической традиции и стремления сохранить ее и развивать.

Источники

Восточнославянские минеи

Ил – Праздничная минея за сентябрь-февраль XI в., № 131 из собрания РГАДА (ф. 381), Москва, Служба на лл. 143об.–147об.; *Син 167* – Службная Минея, июнь, нотированная, XII в., ГИМ, Син 167; *Тип 121* – Службная Минея за июль, 16–31 июля, РГАДА, Москва, ф. 381, Син. Тип. 121, XI–XII вв. Служба на лл. 14–16об.; *Тип 122* – Службная минея за июль, 1–31 июля, РГАДА, Москва, ф. 381, Син. Тип. 122, XII в. Служба на лл. 13–16об.; *Син 895* – Праздничная минея за февраль-июль, ГИМ, Син 895, 1260 г. (л. 1–212 об.) и 1352 г. (л. 213–232 об.). Служба на лл. 148об – 15431.

Южнославянские минеи

Брат – Минея Братка (или Браткова минея). Служба в последней ее части – праздничной минее за февраль-август, XIV в., НБ Белград, Рс 647. Служба на лл. 284–28об; *Деч 32* – Минея служебная, июль-август, НБ Белград, Дечаны № 32, XIII– XIV вв., серб. Служба на лл. 27–32; *Драг* – Минея праздничная (Драганова), с проложными чтениями, Афон, Зографский монастырь, № 54 (I.e.9), XIII в., ср.-болг. Служба на лл. 204об.–207об.; *НБКМ 113* – Минея на 29 июня – 31 августа, с проложными чтениями, НБКМ 113, XIII в., ср.-болг. Служба на лл. 39–45; *Хл 166* – Минея праздничная, ГИМ, собрание Алексея Хлудова № 166, 1-я четверть XIV в., серб. Службана лл. 148об.–152; *ЦИАИ 501* – Службная минея за май-июль, ЦИАИ 501, серб., 1320 г. Служба на лл. 86–89; *F.n.I.72* – Минея праздничная, РНБ, F.n.I.72, XIII–XIV вв., ср.-болг. Служба на лл. 224об.–228об; *Син. 25* – Минея праздничная из собрания Синайского монастыря Св. Екатерины, Sin. № 25, XIV в., ср.-болг. Служба на лл. 249об.–252об.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Ильина книга: Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подгот. Е. М. Верещагин. М.: Индрик, 2006.
2. Досева Ц.Г. Химнографският репертоар за свети пророк Илия в славянската книжнина. София: Изд-во Технически университет - София, 2016. – 364 с.
3. Иванов В.В., Иорданиди С.И., Вялкина Л.В., Сумникова Т.А., Силина В. Б., Крысько В. Б. Древнерусская грамматика XII-XIII вв. М., 1995.
4. Ильина книга. XI век. Исследования. Указатели / Подгот. В. Б. Крысько, И. И. Ладыженский, Т. И. Межиковская / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2015. – 286 с.
5. Йовчева М. Пражките глаголически листове в контекста на старобългарската химнография // Wiener slavistisches Jahrbuch, Band 47, Wien, 2001, С. 51-72.
6. Крысько В. Б. Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., Индрик, 2005.
7. Ладыженский И.М. Ильина книга: Палеография, графика, орфография, фонетика // Ильина книга (XI в.). Исследования. Указатели / Подгот. Крысько В. Б., Лодыженский И. М., Межиковская Т.И. / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2015. С. 49–121.
8. Легких В. Служба свт. Николаю по сербским минеям конца XIII в. // Палеославистика – 3 / Славянское и балканское языкознание. Вып. 20 / Отв. редактор В. С. Ефимова. М., 2020.
9. Мошкова Л.В., Турилов А.А. О датировке и атрибуции трех (неполных) комплектов пергаменных служебных Миней середины XIII – первой четверти XV вв. // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М., 2021.
10. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. С. 198–199.
11. Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М.: Наука, 1998.
12. Христова-Шомова И. Службата за св. 40 мъченици в руските минеи // Език и литература, кн. 1-2. (Старобългарската книжнина и руската ръкописна традиция. Четения, посветени на 80- годишнината на проф. д.ф.н. Румяна Павлова). София, 2013. С. 156-182.
13. Христова-Шомова И. Драготин миней. Български ръкопис от началото на XII в., запазен като палимпсест в Драготиния Апостол (НБКМ 880).

София, 2018.

14. Stern D. Incipitarius liturgischen Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis. 13. Jahrhundert. Besorgt von D. Stern. Hrs. von H. Rothe. T. 1: A – H. T. 2. K – П. T. III. P – È. Paderborn – München – Wien – Zürich, 2008.

Сокращения

бог. – богородичен

ГИМ – Государственный исторический музей, Москва

НБ – Национальная библиотека Сербии, Белград

НБКМ – Национальная библиотека имени святых Кирилла и Мефодия, София

п. – песнь

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва

РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

серб. – сербская

ср.-болг. – среднеболгарская

тр. – тропарь

ЦИАИ – Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской Патриархии, София

Занглигер Валерий Францевич
доктор филологии, доцент
Софийский университет
Им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: zangliger@abv.bg

Zangliger Valery Frantsevich
PhD, Associate Professor
Sofia University Kliment Ohridsky
Bulgaria, Sofia
e-mail: zangliger@abv.bg

В.Ф.ЗАНГЛИГЕР
**ПОСЛОВИЦА И ПОГОВОРКА: ПРОБЛЕМА
РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

Аннотация. Обсуждаются различия между пословицами и поговорками. Предложены структурные и функциональные характеристики для разграничения этих единиц.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, структура, функция, разграничение.

V.F.Zangliger

PROVERBS AND SAYINGS: PROBLEM OF DIFFERENTIATION

Abstract. Difference between proverbs and sayings is discussed. Some structural and functional characteristics are suggested for differentiating the units.

Keywords: proverbs, sayings, structure, function, differentiating

Пословицы и поговорки имеют так много общих и схожих свойств, что их всегда рассматривали совместно, а «вопрос об отличии пословиц и поговорок остается дискуссионным на протяжении всей истории их изучения» [17, с.5].

Еще в конце XIX века Е.А. Ляцкий писал: «Провести вполне определенную границу между пословицей и поговоркой положительно невозможно» [10, с.9]. Эту точку зрения разделяли Ф. Буслаев, А. Потебня, И. Иллюстров и другие исследователи. В результате и в теории, и в лексикографической практике уже давно сложилась традиция рассматривать пословицы и поговорки как один пословично-поговорочный жанр. И хотя по вопросу о разграничении пословиц и поговорок в современной паремиологии уже многое определилось, давнишняя традиция объединения пословиц с поговорками сохраняется до сих пор, а «русское выражение *пословицы и поговорки* обычно используется как единый термин и

изначально не расчленяется на составные части» [13, с.12]. Между тем в русской фольклористике и паремиологии интерес именно к поговоркам имеет давнюю историю.

Первым, кто указал на своеобразии поговорок в сравнении с пословицами, был И.М. Снегирев. Рассуждая о пословицах и поговорках, он исходил из этимологии самих этих слов: пословица происходит от *слово*, поговорка – от *говор*. В пословицах получает свое словесное выражение «здравый разум», пословицы «составляют умственное богатство целого народа». Поговорка же – всего лишь «удачный оборот», используемый при разговоре [18, с.4-5]. И.М. Снегирев противопоставляет пословицу и поговорку по характеру выражаемого ими содержания. Пословица выражает законченную мысль (это «изречение здравого разума»), а поговорка лишь удачно называет что-то (это «удачный оборот»).

В 1897 году свои замечания о пословицах и поговорках публикует Е.А. Ляцкий. В этих замечаниях особенно интересно указание на то, с какой целью используются поговорки в речи. Е.А. Ляцкий пишет: «Поговорка употребляется «к слову» и не столько подтверждает мысль, сколько красит, сдобривает речь, вносит в нее оживление и игривость» [10, с.16]. Здесь подчеркивается функциональное различие между пословицами и поговорками. Пословица подтверждает мысль, поговорка красит и оживляет речь.

Еще более отчетливо на функциональные особенности поговорок указал Н.А. Добролюбов. Среди кратких фольклорных изречений Н.А. Добролюбов выделял «собственно пословицы» и поговорки. В пословицах выражается «правило народной мудрости в нескольких словах», а поговорки – это удачно схваченное изображение предмета, его характеристика, которая потом осталась за ним навсегда и прилагается к целому ряду однородных предметов» [5, с.527]. В соответствии со своей формой и содержанием пословица используется в речи прежде всего как авторитетное народное мнение. Поговорки же украшают речь, и в этом состоит их основное предназначение. Поэтому основному признаку, как считал Н.А. Добролюбов, пословицы и отличаются от поговорок.

Эти идеи о формально-смысловом и функциональном своеобразии поговорок, высказанные еще в первой половине XIX

века, были в дальнейшем развиты другими исследователями и прежде всего В.И. Далем.

В своем понимании пословицы и поговорки В.И. Даль исходит из народного определения этих понятий, выраженного в фольклорном изречении: *Поговорка–цветочек, пословица – ягодка*. В Напутном (так названо предисловие к Сборнику) В.И. Даль пишет: «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [4, с.14]. В этом описании поговорки подчеркивается ее формально-смысловая незавершенность: это выражение, не содержащее суждения и заключения. В пословице же содержится «полная притча», завершенная нравоучительная мысль. В поговорке нет назидания и поучения, это «простое иносказание», украшающее речь, и в этом смысле это только цветочек, а не ягодка.

В дальнейшем далевское понимание поговорки существенно не изменилось. Как отмечает Л.А. Морозова, посвятившая вопросу разграничения пословиц и поговорок специальную работу, «определение поговорок Далем... оказалось самым полным и наиболее точно характеризующим основные свойства поговорок, отличающие их от пословиц» [11, с.64].

Последующие исследования показали, что поговорки не обязательно имеют структуру словосочетания, они могут быть и предложениями, сохраняя при этом поговорочные признаки. Разрабатывая типологию малых фольклорных форм и характеризуя каждую из этих форм, Г. Л. Пермяков приходит к выводу, что «поговорки представлены всеми возможными видами предложения» [15, с.18]. Проблема отграничения поговорок от пословиц фактически концентрируется вокруг поговорок со структурой предложения, поскольку другие поговорки легко отделить от пословиц по одному лишь структурному признаку.

Относительно поговорок со структурой предложения сформировалось две точки зрения. Одна из этих точек зрения была высказана еще в 30-х годах О. Широковой, которая разделяла пословицы и поговорки в зависимости от наличия/отсутствия у них переносного смысла. Она пишет: «Основным отличием пословиц от

поговорок считается переносный смысл, которым обладает пословица, и отсутствие его у поговорок» [21, с.117].

Наиболее четко эта точка зрения представлена в работах В.П. Жукова и проведена им в лексикографическую практику. В.П. Жуков считает, что все поговорки имеют структуру предложения и это структурно сближает их с пословицами. Но если пословицы обязательно должны иметь переносный смысл, то «под поговорками понимаются краткие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение: *Деньги – дело наживное; Коса – девичья краса*» [6, с.11]. Пословицу и поговорку В.П. Жуков определяет фактически по одному доминантному признаку – наличию/отсутствию у них переносного смысла. Из определения и примеров видно, что здесь поговорками считаются единицы, которые А.А. Потеня называл «безобразными пословицами». В соответствии с указанным пониманием поговорки в разряд поговорок, а не пословиц попадают такие изречения, как:

*Век живи, век учись.
Кончил дело – гуляй смело.
Лучше поздно, чем никогда.
Друзья познаются в беде.*

Что же касается образных выражений, имеющих структуру словосочетания (*ни к селу, ни к городу, одного поля ягода, кожа да кости* и т.п.), то они, по мнению В.П. Жукова, «являются типичными фразеологизмами» и должны рассматриваться как таковые. Более того, «в разряд пословиц и поговорок не входят также выражения, образованные по типу так называемых предикативных словосочетаний: *глаза на лоблезут, искры из глаз посыпались, медведь на ухо наступил* и т.д. Подобные выражения являются фразеологизмами, ибо каждое из них может быть противопоставлено переменному словосочетанию такого же лексического состава и обладает лексическим значением» [6, с.10].

Кроме пословиц и поговорок, В.П. Жуков выделяет «обширный тип пословично-поговорочных выражений. Эти выражения

характеризуются тем, что часть слов в их составе сближается или совпадает со словами свободного употребления, а другая часть (нередко реальные или потенциальные фразеологизмы) имеет фигуральное или переносное значение» [6, с.12]. В качестве примеров пословично-поговорочных выражений приводятся такие образования, как:

*Пьяному море по колено.
 Всякому овощу свое время.
 Береги платье с нову, а честь с молоду.*

Такая трактовка пословично-поговорочного материала представляется неприемлемой по ряду причин.

Вызывает возражение прежде всего то, что огромное количество народных образных выражений выводится за рамки фольклорных образований и рассматриваются лишь как «типичные фразеологизмы». Но типичные фразеологизмы—это, как писал Г.Л. Пермяков, «чисто языковое явление, тогда как пословицы и поговорки – не только явления языка, но более сложные образования» [14, с.15].

Все так называемые безобразные пословицы считаются поговорками и тем самым исключаются из пословичного репертуара. И если пословицы, как писал И.М. Снегирев, «составляют умственное богатство целого народа», то это богатство оказывается неполным, усеченным.

Если одна часть поговорочного материала относится к «типичным фразеологизмам», а другая – к пословицам, то никаких поговорок не остается и сам термин «поговорка» оказывается излишним. В. П. Жуков так и пишет: «Во избежание терминологической путаницы можно, по нашему мнению, или упразднить термин «поговорки» как аналог фразеологизмов, или по-новому его осмыслить» [6, с.11]. Он все-таки использует этот термин, но скорее как дань давно устоявшейся традиции.

Другая точка зрения на поговорки со структурой предложения сформировалась в процессе развития традиционных представлений о пословицах и поговорках, восходящих к Снегиреву и Далю. Согласно

этой точке зрения, пословицы и поговорки следует разграничивать на основе целого комплекса структурно-смысловых признаков, характеризующих пословицы, с одной стороны, и поговорки – с другой. Такой комплексный подход больше соответствует современному взгляду на языковые явления, согласно которому «теоретически явно предпочтительно такое описание языковой формы, которое учитывает и ее содержание, и ее конкретную «упаковку» [9, с.11].

Именно с позиции учета комплексных характеристик следует подойти к разграничению пословиц и поговорок. Среди важнейших разграничительных признаков отметим следующие.

1. Известно, что поговорки отличаются от пословиц своей **структурно-смысловой и функциональной незавершенностью**. Это относится и к поговоркам со структурой предложения. Многие поговорки-предложения не являются завершенными, замкнутыми структурами и требуют обязательного распространения:

(Кому-л.) медведь на ухо наступил.

(У кого-л.) руки чешутся.

Тучи сгущаются над (чьей-л.) головой.

(Кого-л.) за уши не оттянешь (отчего-л.).

Структурно-смысловая завершенность пословиц и незавершенность поговорок отражается и на их функционировании. Пословица всегда оформлена полноценным предложением и не требует для своей речевой реализации никаких обязательных распространителей. «Пословица достаточна для отдельного функционирования» [19, с.36], хотя чаще всего она выступает как часть более обширного текста. Но и в этом случае пословица включается в речь как целая структурно-смысловая единица. В тексте «пословица имеет синтаксическую изолируемость» [12, с.11]. Связи пословичного текста с соседними предложениями носят не чисто синтаксический, а прежде всего смысловой характер.

Поговорка же не выражает суждения и потому не может выступать в качестве самостоятельной смысловой единицы, «у нее более гибкая и подвижная, чем у пословиц, форма, позволяющая ей

органически вплетаться в речь» [2, с.181]. При функционировании в речи поговорка включается в более крупную синтаксическую структуру в качестве ее сложного компонента с отчетливо выраженными синтаксическими связями. Это легко заметить, сравнивая функционирование пословицы в первом примере и поговорки – в другом:

Говоря откровенно, обсуждение запоздало. И многим казалось, что уже вообще поздно что-либо предпринять, дело сделано, а **после драк и кулаками не машут...** Что тут поделаешь? Изменишь что? (Литературная газета, 1975, 10 сент.).

У этого ветерана отечественного машиностроения не было не только колес, но и мотора. По сути дела **сыр бор разгорелся** из-за ржавого кузова. (А. Суконев. Спорное наследство).

Как видно из примеров, пословица включается в контекст как самостоятельное структурно-смысловое целое. Поговорка же (во втором примере) ««получает свое окончательное оформление только в контексте, из которого она получает недостающие для полноты предложения элементы» [13, с.13] (в указанном примере – обстоятельственное распространение). Структурно-смысловую незавершенность поговорки, ее «открытость» Г. Л. Пермяков считал главнейшим признаком, отличающим пословицы от поговорок со структурой предложения. Другие исследователи «открытость» поговорок называют «дискурсивной зависимостью идиом-высказываний [поговорок] по сравнению с пословицами» [1, с.62].

2. Пословицы отличаются от поговорок **своеобразием своего построения**, типичным и для них словами и синтаксическими конструкциями, нехарактерными для поговорок. Даже при беглом взгляде на пословичные тексты обращает на себя внимание обилие пословиц, в которых используются лексемы типа *всякий, каждый* и глаголы в обобщенно-личной форме. Эти конструктивные элементы обеспечивают «наличие кванторного значения всеобщности в плане содержания пословиц» [1, с.62].

Своеобразный пословичный синтаксис подробно исследовал З.К. Тарланов. На основе анализа синтаксической формы 32 000

пословиц он выделяет наиболее типичные для пословичных текстов синтаксические конструкции (обобщенно-личные, неопределенно-личные, инфинитивные и некоторые другие структуры). Эти конструкции он называет «маркированным ядром синтаксиса пословиц» [19, с.369], особенно выделяя обобщенно-личные предложения.

Анализ столь обширного пословичного материала позволил выделить важные закономерности построения пословицы, отличающие ее от поговорки. Одна из этих закономерностей состоит в следующем: «Недопустимы в строе пословицы указательные, лично-указательные, за редким исключением притяжательные местоимения; слова, обозначающие конкретные количества (количественные числительные за исключением таких, как *один, двое, семеро, сто* и некоторых аналогичных); наречия с конкретными временными, пространственными, причинными и близкими к ним функциями» [19, с.48-49]. Наличие в тексте перечисленных элементов «привязывает» его к конкретной ситуации, пословица же всегда выражает обобщенный смысл. Поэтому поговорками, а не пословицами следует считать такие фольклорные образования, как:

Это еще цветочки, будут и ягодки.

Этот номер не пройдет.

Твой намек мне невдомек.

Здесь сорвалось, так там удалось.

При разграничении пословиц и поговорок важно принимать во внимание и то, что «пословица избегает слов открыто оценочных, способных выражать субъективную или субъективно-модальную оценку говорящим содержания высказывания» [19, с.49]. Пословица призвана оценивать ситуацию не с позиции говорящего, а с позиции народной морали, на чем и основывается авторитетность пословицы. Поэтому не являются пословицами образования типа *Мне бы твои заботы // Твой бы приговор да тебе же во двор*, в которых содержится субъективно-модальная оценка. З. К. Тарланов обращает внимание на одну характерную особенность поговорок со структурой предложения: «В поговорках-предложениях глагольные предикаты

выражаются (и) формами прошедшего времени, что совершенно исключено для пословиц, если они не оформлены в виде сложных синтаксических структур» [19, с.36]. Форма прошедшего времени, как правило, не используется в пословичном тексте, поскольку пословица выражает обобщенный смысл, имеющий «всевременную направленность». Особенность же глагольной формы прошедшего времени состоит в том, что она «почти неспособна без достаточно широкого контекста выражать значение общевременной (или вневременной) направленности действия, и, следовательно, она не может стать организующим компонентом пословичной структуры, построенной по типу простого предложения» [19, с.51].

Это значит, что наличие в фольклорном изречении формы прошедшего времени глагола в большинстве случаев можно считать индикатором принадлежности этого изречения к поговорочному жанру. Исходя из этого, поговорками следует считать такие изречения, как:

*Нашего полку прибыло.
Сорока на хвосте принесла.
Гора родила мышь.
Бог дал, бог взял.
Нашла коса на камень.*

Следует иметь в виду и то, что «пословица не может иметь форму прямо-вопросительного предложения» [19, с.57], поскольку прямой вопрос слишком конкретизирует ситуацию. Например:

У огня да не погреться? (т.е. как не поддаться искушению?)

*Полно судиться: не лучше ль помириться?
Что за шум, а дракинет?*

Особо следует выделить довольно многочисленную группу фольклорных изречений, которые выделяются своеобразной семантикой и, соответственно, функцией. Эти изречения не называют типовых ситуаций, как пословицы, а выражают главным образом

отношение говорящего к ситуации. Эти поговорочные речения сопровождают ситуации определенного содержания и маркируют правильность поведения участников ситуации. Каждое поговорочное речение этой группы используется в строго определенных рече-поведенческих (РП) ситуациях. «Типичной РП-ситуацией можно назвать регулярно повторяющийся (интеративный) «фрагмент социальной жизни» [3, с.95]. Например:

Милости прошу к нашему шалашу. [Говорят шутливо, приглашая гостей в дом.]

Чем богаты, тем и рады. [Говорят, когда просят отнестись со снисхождением к скромному угощению.]

За что купил, зато и продаю. [Говорят, когда не ручаются за достоверность сообщаемого.]

Слышал звон, да не знает, где он. [Говорят тому, кто сам не знает как следует того, о чем говорит.]

Эти поговорочные речения функционально сближаются с так называемыми этикетными междометиями типа *Спокойной ночи // С праздником // Всего хорошего* и т.п. Их принято говорить в определенных ситуациях, соблюдая правила речевого поведения. Н.М. Шанский называет их «разговорно-бытовыми штампами речи, своеобразными присловьями к случаю» и характеризует их следующим образом: «Эти воспроизводимые и ходячие предложения не содержат в себе никакого нравственного содержания и не являются назиданием или истиной. Их содержание всегда однопланово и тесно связано с речевой ситуацией» [20, с.101]. В языке они образуют тип рече-поведенческих узуальных фраз, отвечающих оценке «так говорят» (имеется в виду: в данной ситуации)» [3, с.96].

К этой же группе поговорочных речений относятся те изречения междометного характера, которые обслуживают эмоциональную сферу и выражают чувства и эмоционально-волевые состояния говорящего. Например:

*Была не была!
 Будь что будет!
 Гулять так гулять.
 Где наша не пропадала!*

От поговорочных речений вышеуказанной группы следует отличать пословицы, которые в некоторой степени сближаются с междометными речениями и по смыслу, и по функции. Например:

*Семь бед – один ответ.
 Риск – благородное дело.*

Эти изречения сближаются с поговорками типа *Была не была!* // *Будь что будет!* Они тоже выражают решимость действовать. Но они оформлены как пословицы (у них типичная пословичная образность и структура), они называют типовые ситуации и обладают нравоучительным смыслом. Поэтому их и следует отнести к пословицам.

3. Важнейшим признаком пословицы является ее **дидактичность**, передаваемое ею **нравоучение**. Еще Аристотель называл пословицы «нравоучительными выражениями». Пословицы – это кладезь народной мудрости, «судебник, никем несудимый», как назвал их В.И. Даль. Выражая народные суждения и оценки, пословица имеет соответствующий смысл, она «содержит в себе какое-либо нравоучение, меткую мысль, несомненную истину и житейское наблюдение»; пословица должна «представлять собой как бы языковое выражения „ходячей” народной мудрости» [20, с.101]. Поэтому пословица всегда поучительна и назидательна. Она всегда прямо или косвенно указывает на то, как следует поступить в той или иной ситуации. есть лишь образное описание какого-либо явления или ситуации. «Поговорки в отличие от пословиц лишены ссылки на народную мудрость назидательного и поучительного характера» [8, с.59]. Их главное предназначение, как указывали еще Е.А. Ляцкий и Н.А. Добролюбов, – украшать речь, а не поучать. Поэтому, «в отличие от пословиц, поговорки лишены прямого дидактизма, философски обобщенного содержания. Поговорки ничего не требуют, ничего не объясняют, а только живописуют образ» [11,

с.64]. Пословицы же не только называют типовые ситуации, но и предписывают рациональный способ поведения в этих ситуациях. И это предписание основывается на обобщенном социальном опыте.

Принято считать, что поучение формально выражается чаще всего повелительной формой глагола. Поэтому так много пословиц имеют глагольный компонент в повелительной форме (*Куй железо, пока горячо. // Готовь сани летом, а телегу – зимой.* и т.п.).

Однако не любой текст с глаголом в повелительной форме имеет поучительный смысл. Выражения типа *Знай наших // Держи карман шире // Ищи ветра в поле* и т.п. не содержат назидания. Поэтому наличие в фольклорном изречении глагола в повелительной форме не может служить надежным показателем принадлежности изречения к пословицам. Поучение, назидание может выражаться и другими грамматическими формами, а также лексическими средствами. Именно поэтому не все пословицы имеют однотипную структуру, хотя все они содержат поучение.

4. Важнейшим разграничительным признаком пословиц и поговорок является их различное **функциональное предназначение**. Фольклорные жанры различаются по целому ряду признаков, но в этом ряду признаков определяющая роль принадлежит функции: «функция – основная характеристика фольклорного жанра, определяющий жанровый признак» [16, с.12]. Функция является важнейшей характеристикой не только пословицы, но и любой языковой единицы. Поэтому функциональную характеристику предлагается рассматривать в качестве одного из трех обязательных дифференциальных признаков всякой языковой единицы. Г. А. Золотова пишет по этому поводу: «Есть возможность и необходимость рассматривать функцию как имманентное свойство каждой языковой единицы, как идентифицирующий ее третий, наряду с формой и значением, дифференциальный признак» [7, с.66].

Пословица используется в речи прежде всего в аргументационной, или аксиоматической функции. Говорящий использует пословицу чаще всего как неопровержимый аргумент, как неоспоримое доказательство своей правоты. Поговорка же, не будучи законченным самостоятельным суждением, не может использоваться в аксиоматической функции. Ее главное функциональное

предназначение –украшение речи.

Таким образом, разграничивать пословицы и поговорки можно по следующим основным показателям:

- структурно-смысловая завершенность/незавершенность,
- наличие типичных для пословиц и для поговорок синтактико-морфологических признаков,
- наличие/отсутствие назидания и поучения в содержании пословиц и поговорок,
- возможность/невозможность выступать в аргументационной функции.

Жанровую принадлежность того или иного изречения следует определять не по одному признаку, а по совокупности показателей.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5.– С. 51–64.
2. Благова Г.Ф. Пословица и жизнь. –М., 2000.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Рече-поведенческое исследование притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 90–117.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сб. в 2-х т. М., 1984. Т.1.
5. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. –М., 1934. Т.1.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. –М., 2001.
7. Золотова Г.А. О возможностях функционального следования явка // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 65–73.
8. Исабеков С.Е. О семантической структуре немецких поговорок // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – М.1972. – Вып. 71. – С. 58–60.
9. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальные проблемы когнитивной лингвистики // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2004. – Т.63. – С. 6–17.
10. Ляцкий Е.А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках. I-V. –СПб., 1897.
11. Морозова Л.А. Пословицы и поговорки (к вопросу об определении и шпация разграничении) // Вестник Московского университета. Серия X. – 1972. – № 2. – С. 57–65.
12. Панина Л.С. Образование фразеологических единиц на базе русских ословиц в русском языке. Автореф. канд. дисс.– Ростов-на-Дону, 1986.
13. Пермяков Г.Л. 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки.

–М.-С., 1986.

14. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988.

15. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. –М., 1970.

16. Померанцева Э.В. О русском фольклоре. – М., 1977.

17. Савенкова И.Е. Структура и семантика пословиц и поговорок современного русского языка. Автореф. канд. дисс.– М., 1989.

18. Снегирев И.М. Опыт рассуждения о русских пословицах. – М., 1823.

19. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. –Петрозаводск, 1999.

20. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. –М., 1969.

21. Широкова О. Жизнь пословицы // Русский язык в школе. – 1931. – № 6-7.– С. 116–121.

Петрова Красимира Александрова
д-р, доцент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: krapetrova@slav.uni-sofia.bg

Petrova Krasimira Aleksandrova
Associate Professor, PhD.
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: krapetrova@slav.uni-sofia.bg

К.А.Петрова

КОМПЬЮТЕРНАЯ МОРФОЛОГИЯ НА ПОЛЬЗУ РУСИСТУ

Аннотация. В статье представлено одно из направлений современной компьютерной лингвистики – компьютерная морфология. Рассматриваются лингвистические основы в создании и применении морфологических ресурсов русского языка в таких областях, как морфологическая разметка национального корпуса русского языка, поиск по частям речи, поиск по грамматическим категориям, морфологический анализ и синтез, снятие многозначности, синтаксический разбор, машинный перевод, автоматическое резюмирование и синтезирование, создание текстов, преподавание, изучение иностранных языков и др. На примерах показана польза в познании существующих электронных языковых ресурсов и решении практических задач с их помощью, что поможет в профессиональной деятельности филолога-русиста в его реализации как исследователя, преподавателя, переводчика.

Ключевые слова: компьютерная морфология, разметка, маркеры, морфологический анализатор, таггер, электронные ресурсы русского языка

K.A. Petrova

COMPUTER MORPHOLOGY FOR THE BENEFIT OF THE SPECIALISTS IN RUSSIAN PHILOLOGY

Abstract: The article presents one of the directions of modern computer linguistics – computer morphology. The linguistic knowledge in the creation and use of morphological resources of the Russian language in such areas as morphological markup of the national corpus of the Russian language, search by parts of speech, search by grammatical categories, morphological analysis and synthesis, disambiguation, parsing, machine translation, automatic summarization, creating texts, teaching, learning foreign languages, etc. The examples show the benefits of existing electronic language resources in solving practical linguistic problems, which will be useful in the professional activity of a philologists in Russian studies in their professional realization as a researcher, teacher, translator.

Keywords: computer morphology, markup, markers, morphological analyzer, tagger, electronic resources of the Russian language

Нам срочно нужна справка, где находится такая-то улица, когда пройдет концерт любимого исполнителя, мы хотим прочитать свежие новости, пока едем на работу в автобусе или на метро, или же нам необходимо проверить электронную почту, заказать такси, забронировать гостиницу, прочитать этикетку, но мы не знаем, как переводится именно это слово; а как же спросить правильно по-русски и т.п. Мы быстро набираем очередной запрос в строчке интернет-поисковика. А если не хочется писать, можем просто прогуглить, внятно произнося свой вопрос. Все это возможно, потому что у нас в руках «умный» мобильный телефон или планшет, ноутбук, компьютер с интернетом. А точнее, потому что мы пользуемся встроенными в эти устройства достижениями новой научной области – **обработки естественного языка (ОЕЯ)**. Иными словами, нам помогает **компьютерная лингвистика** – относительно новая интердисциплинарная область, сложившаяся в середине XX в. в результате усилий осуществить одну мечту – создание машинного перевода[4]. Ученые рассматривают ее как зону пересечения смежных областей, а проблематику связывают с: 1) **лингвистикой** (моделированием языка на разных уровнях, компьютерным тестированием разных лингвистических теорий); 2) **компьютерной наукой** (взаимодействие естественного и формальных языков – распознавание языка, синтаксический анализ, структурирование данных и т.д.); 3) изучением **литературы** (обработка огромных корпусов литературных текстов, гипертекст, установление авторства анонимных текстов и т.д.).

Взаимосвязь и взаимодействие между лингвистическим знанием, математическими формализмами, и компьютерными технологиями и приложениями, в том числе и усилия команд профессионалов разных специальностей, объединяются в целях создания **электронных языковых ресурсов** на всех уровнях языковой системы (лексические базы данных и Word Net, грамматический словарь, банк синтаксических деревьев (tree bank), разные виды корпусов и др.). На этой основе развиваются компьютерные системы и приложения, направленные на обработку речи (автоматическое распознавание и синтез), текстовые редакторы, извлечение информации, поиск документов, диалоговые системы,

машинный перевод, электронные словари, системы обучения и др.) [6].

Исключительно увлекательным путеводителем по истории, современному состоянию ресурсов, инструментов и перспективам развития **компьютерной морфологии** в Болгарии является обобщающая монография Е. Паскалевой – русиста, первопроходца в области компьютерной обработки естественных языков и машинного перевода наряду с Ал. Людскановым [5].

Компьютерная морфология – часть компьютерной лингвистики. Подобно традиционной морфологии она изучает слово с точки зрения словоизменения, морфемного и словообразовательного строения, грамматических категорий и единства словоформ в парадигме слова, только уже в формате, «понятном» на языке машин. При создании компьютерного грамматического приложения соединяются достижения традиционной лексикографии и новых информационных технологий. А это, со своей стороны, открывает возможность дальнейшей разработки морфологических модулей в ресурсах и инструментах компьютерной обработки естественного языка. Грамматический (или морфологический) словарь и в общей, и в компьютерной лексикографии содержит полный набор словоформ по словоизменительным и формообразующим категориям определенного языка, образованных от основных форм слов – т.наз. **лемм** данного языка. Словарь участвует в реализации разнообразных задач ОЕЯ в двух направлениях – морфологический анализ и синтез – и является основой не только орфографических, орфоэпических словарей и текстовых редакторов (spellcheckers), но и других систем – морфологического анализатора, поисковых и диалоговых систем, систем обработки звучащей речи.

Среди первых шагов обработки текста компьютерными инструментами – распознавание и выделение слов в тексте, отграничение от других символов (цифр, специальных знаков и др.), разграничение синтетических и аналитических форм. Парадигмы, содержащие все словоформы лексемы из исходной (т.е. ее формообразование), необходимы для распознавания и генерирования отдельных словоформ.

Любопытный пример из совместной деятельности лингвистов и программистов по созданию компьютерных приложений в Лаборатории по лингвистическому моделированию при Институте математики БАН связан с обсуждением (в 2005 г., насколько помнится) электронного грамматического словаря для болгарского языка. Одна из проблем была связана с тем, как представить генерирование звательных форм от неодушевленных существительных (например, *земьо, Родино, народе, истино...*). Лингвисты предлагали составить список из немногочисленных исключений, зафиксированных в текстах, но из соображений экономии ресурсной памяти программисты ввели сверхгенерирование форм (т.е. образование звательных форм от всех неодушевленных существительных). Так огромное число словоформ останутся невостребованными, но анализатор «не пропустит» единичные формы в художественной литературе и текстах СМИ. Иногда в компьютерной морфологии приходится принимать компромиссные решения, противоречащие традиционной грамматике, но они остаются скрытыми от потребителей во имя создания более быстрого и эффективного приложения.

Компьютерный грамматический словарь может быть предназначен как для непосредственного использования конечным потребителем, так и в качестве основного компонента разных видов компьютерных систем, скрытых от пользователя. Как языковедческое пособие словарь-программа функционирует в виде базы данных – можно делать быстрые справки не только об отдельном слове, но и о группе слов на различных срезах грамматики и лексики (т.е. искать по грамматическим категориям, лексико-семантическим группам и др.).

Это стало возможным, потому что такой основополагающий труд в области русской морфологии, как «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, был трансформирован в базу данных в электронном формате (<https://gramdict.ru/>). Со временем появилась необходимость пополнять грамматический словарь новыми словами из СМИ, научными терминами, географическими понятиями и решать проблемы их словоизменения (например, такие слова, как *микроволновка, айпад, айфон* и т.д., около 8000 слов,

создатель сайта – С. Слепов <http://odict.ru/>).

Среди словарей, созданных на основе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>), следует отметить еще одно пополнение – Е.А. Гришина, О.Н. Ляшевская, «Грамматический словарь новых слов русского языка», 2008, А.В. Санников (создание сайта, техническая поддержка) – <http://dict.ruslang.ru/gram.php>). Например, мы хотим узнать, склоняется ли данное новое слово и по какому типу (*синематограф*, *пиф*, *энерготариф*, *гербалайф*, *плей-офф* относятся к типу **1 а м** и склоняются по образцу слова *завод* – <http://dict.ruslang.ru/gram.php?act=search&abc=%D4&orderby=reverse#>; ср. *ПИФ* – -а (сокр.: паевой инвестиционный фонд), «Словарь русского языка» В.В. Лопатина, 2012, <https://slovar.cc/rus/lopatin/945150.html>). В указанном словаре Е.А. Гришиной, О.Н. Ляшевой возможен также расширенный синтаксис запросов (напр., **ивать*, **нсв**). При запросе **нсв** результат – 155 новых глаголов НСВ (http://dict.ruslang.ru/gram.php?act=search&orderby=reverse&word=&gram=%ED%F1%E2*). По обозначенным грамматическим пометам сразу же бросается в глаза выборка двувидовых глаголов с наиболее типичными суффиксами **-изовать**, **-ировать**: *либерализовать*, *генерализовать*, *минерализовать*, *стерилизовать*, *металлизировать*, *склеротизировать*, *ингибировать*, *сорбировать*, *турбировать*, *рецидивировать*, *инактивировать*, *иннервировать* и др., всего 40 пар. В поиске примеров можно обратиться к другим ресурсам, например, к Национальному корпусу русского языка (<https://ruscorpora.ru>). Там слово *рецидивировать* отсутствует среди 337 025 184 слов по запросу (дата обращения 10.10.2021). Зато появляется в Викисловаре, но со скудными сведениями и без образца парадигмы – «глагол. мед. появляться вновь как **рецидив** ♦ #В одних случаях запой **рецидивирует** через 3—4 дня и продолжается 6—7 дней, в других он при продолжительности в 3—4 дня может **рецидивировать** раз в месяц. А.А. Портнов, И.Н. Пятницкая, «Клиника алкоголизма», 2013 г. (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>).

Бесценным помощником для подбора иллюстративных примеров и наблюдений над сочетаемостью, разрешения разнообразных лингвистических задач, в грамматических

исследованиях и создании современных академических словарей в работе русиста является Национальный корпус русского языка (НКРЯ). основополагающей частью в создании корпуса является морфологический модуль, основанный на том же «Грамматическом словаре русского языка» А. Зализняка (<http://www.ruscorpora.ru/corpora-morph.html>). Морфологическая информация, приписанная к каждой словоформе и организованная в системную иерархию (т. наз. **морфологическая разметка**), – это часть архитектуры корпуса и связана с акцентологическим, семантическим, синтаксическим аннотированием.

Разработан метаязык грамматических помет («тегов» или **маркеров**), который позволяет проследить параметры морфологического анализа в приведенном контексте (с помощью щелчка мыши на словоформу), отсылает к исходной словоформе (**лемме**), участвует в **снятии многозначности** (грамматической и лексической). Формат поиска по НКРЯ дает возможность введения конкретной словоформы, а также поиск по лексико-грамматическим параметрам (<https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>). Разработана сложная онтология семантических признаков по частям речи (<https://ruscorpora.ru/new/reqsem.html> – напр., таксономия предметных имен по тематическим группам, наличие положительной или отрицательной оценки в значении, словообразовательные параметры – диминутивы, аугментативы, сингулятивы, *nominaagentis*, *nominafeminina* и т. д.). Среди возможностей лексико-грамматического поиска в НКРЯ присутствуют такие грамматические параметры, как части речи, основные грамматические категории (<https://ruscorpora.ru/new/reqgrm.html>). Включение в морфологическую разметку таких тегов, как «родительный 2, винительный 2, предложный 2, счетная форма, общий род и др., дает возможность исследователю, педагогу набирать быстро огромное количество представительных примеров при решении исследовательских задач, при составлении учебных упражнений и лексикографических пособий. Например, при выборе параметра **comp 2** (сравнительной степени 2) за доли секунды найдено 88 362 примеров – вхождений (Объем всего корпуса: 126 901 документ, 337 025 184 слова. Найдено: 15 935 документов, 88 362

вхождения. – дата обращения 10.10.2021) – *побольше, подальше, поосторожнее, получше, подороже, пораньше* и т.д. Даются отсылки к исходной лемме, результаты можно скачать в таблицу в разных форматах, дается статистика употребления словоформ и лексем. Поиск проводится в основном корпусе, можно дополнительно задать поиск в газетном, региональном, диалектном, поэтическом, устном, акцентологическом, мультимедийном корпусах.

- [Лилия Рэйман, nick]. *Не бывает такого, что всё есть, всегда хочется большего!*
- [alla, nick] *Дайте мне **таблеток** от жадности! Побольше, побольше...*
- [Лилия Рэйман, nick] *Всех денег в мире не заработать, всех кушаний не перепробовать...* [Коллективный форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]

Грамматические признаки - Google Chrome
<https://ruscorpora.ru/new/reqgfm.html>

Часть речи ☐ существительное ☐ прилагательное ☐ числительное ☐ числ-прил ☐ глагол ☐ наречие ☐ предикатив ☐ вводное слово ☐ мест-сущ ☐ мест-прил ☐ мест-предикатив ☐ местоименное наречие ☐ предлог ☐ союз ☐ частица ☐ междометие	Падеж ☐ именительный ☐ звательный* ☐ родительный ☐ родительный 2 ☐ дательный ☐ винительный ☐ винительный 2* ☐ творительный ☐ предложный ☐ предложный 2 ☐ счётная форма	Наклонение / Форма ☐ изъявительное ☐ повелительное ☐ повелительное 2 ☐ инфинитив ☐ причастие ☐ деепричастие	Степень / Краткость ☐ сравнительная ☐ сравнительная 2 ☐ превосходная ☐ полная форма ☐ краткая форма
	Число ☐ единственное ☐ множественное	Время ☐ настоящее ☐ будущее ☐ прошедшее	Переходность ☐ переходный* ☐ непереходный*
Имена собственные ☐ фамилия ☐ имя ☐ отчество	Род ☐ мужской ☐ женский ☐ средний ☐ общий*	Лицо ☐ первое ☐ второе ☐ третье	Прочее ☐ цифровая запись ☐ аномальная форма* ☐ искаженная форма* ☐ инициал* ☐ сокращение* ☐ несклоняемое* ☐ топоним**
	Одушевленность ☐ одушевленное ☐ неодушевленное	Залог ☐ действительный ☐ страдательный ☐ медиальный	
		Вид ☐ совершенный ☐ несовершенный	

OK Очистить Отмена

* - только в корпусе со снятой омонимией
 ** - только в корпусе с неснятой омонимией

Рис.1. Грамматические признаки лексико-грамматического поиска в НКРЯ

Таким образом, эти ресурсы полезны при исследовании

грамматических и семантических характеристик слов, в т.ч. новых, для выявления тенденций в развитии современной грамматической системы и языка вообще, в языковедческих исследованиях, а также являются неоценимыми пособиями для различных видов работы, связанных с обучением по языку.

Морфологический словарь как компьютерный продукт, с одной стороны, предназначен для непосредственного использования конечным потребителем. Он также может быть основным компонентом разных видов компьютерных систем, скрытых от потребителя. В разных применениях необходимо сначала установить связь между грамматическими формами определенного слова (словоформами), представленными в данном тексте, и их главным представителем – основной (исходной) формой или леммой.

Другие важные **компьютерные модули обработки естественного языка** – это: **морфологизатор** (морфологический анализатор), **таггер** (англ. tagger), связанный с морфологической разметкой и служащий для снятия грамматической многозначности (англ. disambiguation), **парсер** (синтаксический анализатор – англ. chunker, parser) [1, 2]. Все они разработаны и настроены на основе популярного лексикографического источника – грамматического словаря. Эти технологические компоненты и модули остаются скрытыми для конечных потребителей, но они необходимы для развития информационных технологий, обработки больших массивов реальных текстов, в создании и обслуживании информационных систем в области юриспруденции и администрации, в систематизации текстовых данных, поисковых систем (поисковиков, WEB-искалок), текстовых редакторов для разных языков (англ. spell-checker), в синтезирующих компонентах систем машинного перевода и многих других областях.

Морфологическая разметка (маркирование по частям речи, англ. Part Of Speech (POS) tagging) – автоматическая разметка морфологических компьютерных программ, к какой части речи принадлежит каждое слово – важный шаг во многих приложениях обработки естественного языка (англ. NLP – naturallanguageprocessing). К каждому слову в предложении приписывается определенный этикет (маркер, тэг, маркёр, англ. tag) с

его морфосинтаксической категорией, напр. существительное, глагол и т.д. [3].

Доходчивое объяснение принципов работы **морфологического анализатора** представлено на материале сказки Л. Петрушевской «Пуськи бятые», что является очень хорошей иллюстрацией разграничения лексического и грамматического значения, морфологической многозначности (напр., *Пуськи* – мн.ч. то ли от *Пуська*, то ли от *Пусек*) (<http://habrahabr.ru/blogs/python/49421/>). После «Глокойкуздры» Л.В. Щербы эта сказка – замечательный лингводидактический материал в обучении по морфологии, а результаты обработки «хабрахабра» – знак достижений компьютерной морфологии. Одной словоформе может соответствовать много морфологических интерпретаций. Например, у словоформы *стали* есть две интерпретации: {СТАЛЬ, С, "но", ("жр,ед,рд", "жр,ед,дт", "жр,мн,им", "жр,мн,вн")}; {СТАТЬ, Г, "нп,св", ("мн,дст,прш")}

Одна из самых мощных систем Автоматической Обработки Текста (<http://aot.ru/>) содержит несколько компонентов, связанных с морфологическим, синтаксическим анализом текстов, построением поверхностных семантических графов, возможности машинного перевода, поиска по морфологически размеченному массиву текстов. Эти технологии, базирующиеся на многоуровневом представлении естественного языка И.А. Мельчука, О.С. Кулагиной, Н.Н. Леонтьевой и др., послужили основой многих других систем: вероятностного морфологического анализатора (nlpub.ru/Stemka), морфологического анализатора и Part-Of-SpeechTagger, направленного на снятие многозначности, устранение орфографических ошибок, распознавание грамматических характеристик незнакомых слов и т.д. (http://www.solarix.ru/for_developers/docs/morphology_analyzer.shtml). Множество ссылок к полезным ресурсам, справочным сайтам, учебникам, разработкам дает портал (<http://www.morpher.ru/Russian/Links.aspx>). Подробная морфологическая информация об исходной форме, всех морфологических формах, перевод на английский язык дает анализатор (<https://starlingdb.org/morph.htm>). Например, введение

исходного слова *хорошо* распознает грамматическую омонимию – как наречие или форму ср.р., ед.ч. краткого прилагательного от *хороший*, дается полная парадигма с ударениями и степенями сравнения.

Как дополнительный материал для морфемного, словообразовательного, морфологического анализа полезны многочисленные проявления языковой игры на морфологическом уровне языка:

Рис.2. Примеры языковой игры на морфемном, морфологическом, лексическом уровнях.

Богатейший материал выдающихся ученых собран в серии сборников «Диалог» с материалами «крупнейшей в России международной конференции по компьютерной лингвистике и ведущего мирового форума по проблемам компьютерного анализа русского языка с богатыми историческими традициями», которая проводится с 1995 г. до сих пор (<https://www.dialog-21.ru/about/>).

Обобщая обзор основных понятий, ресурсов и областей применения такой новой теоретико-прикладной области, как компьютерная морфология, можем отметить обновление университетских курсов для бакалавров и магистров. В их рамках студенты знакомятся с **лингвистическими основами** современных средств и технологий **компьютерной обработки естественных языков**. Программы по современному русскому языку (Морфология), спецкурса «Прикладная лингвистика» предполагают ознакомление с основными **электронными языковыми ресурсами**

русского языка (а также частично болгарского и других языков), с их **теоретико-исследовательским** и **практико-прикладным потенциалом**. Необходимо создавать умения пользоваться существующими электронными **морфологическими ресурсами** русского и болгарского языков с их практическим применением в работе филолога-русиста. Среди этих ресурсов – морфологический словарь, текстовые редакторы, морфологические анализаторы, поиск отдельных словоформ в корпусе, параллельные корпуса по определенным грамматическим параметрам и др. И в «Сопоставительной лингвистике» для магистров программы «Язык. Культура. Перевод», и в написании магистерской диссертации электронные ресурсы полезны в ходе сбора и анализе материала и иллюстративных примеров. Повышенный уровень использования **ИКТ** (информационных и коммуникационных технологий) в эпоху глобализирующегося и интернационализирующегося образования, необходимость в повышении **мотивации** учащихся, а также **качества их интердисциплинарного обучения**, диктуют необходимость в познании существующих **электронных языковых ресурсов** и будет создавать, развивать умения их использования, решение практических задач с их помощью, что поможет в профессиональной деятельности **филолога-русиста** в его реализации как **исследователя, преподавателя, переводчика**.

Вспоминая с глубоким уважением нашего учителя М. Янакиева, в памяти оживают воспоминания конца 80-х, начала 90-х гг. XX столетия, когда, обучая нас работе на персональных компьютерах на Факультете славянских филологий, профессор вдохновенно говорил о «компьютерщиках и компютриотах» («компьютерджии» на болгарском, кто разрабатывают хардвер и софтвер, и «компютриоти» на болгарском, кто применяет технику в гуманитарных исследованиях). Вот, уже давно пришла пора, когда его пророческие мечты и методологические наставления сбываются, и филологи располагают мощными программными инструментами и необозримыми электронными ресурсами для проведения лингвистических, литературоведческих, методических и интердисциплинарных исследований.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: МГУ, 2001; 2003 (2-ое доп.изд.).
2. Бочаров В. В., Митренина О. В. Компьютерная морфология // Прикладная и компьютерная лингвистика / Николаев И.С., Митренина О.В., Ландо Т.М. (ред.), М.: URSS, 2017. С. 14–34.
3. Ермаков А.Е., Плешко В.В. Компьютерная морфология в контексте анализа связного текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции Диалог'2004. – Москва, Наука, 2004.
4. Митренина О.В., Николаев И.С., Ландо Т.М. Прикладная и компьютерная лингвистика, М.: [URSS](#), 2016. 320 с.
5. Паскалева Е. Компьютерна морфология. Ресурси и инструменти. С.: ИПОИ-БАН, 2007. –<http://lml.bas.bg/~hellen/>(дата обращения: 10.10.2021)
6. Петрова К.А., К.С. Алексова, П.Н. Осенова. Обзор электронных ресурсов славянских языков с птичьего полета: виды и применение – 1. // Интернет-конференция «Славянская филология: инновации и традиции». 10 мая – 10 июня 2009 года, Ставропольский государственный университет. <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=793> (дата обращения: 10.10.2021)

Меснянкина Елена Игоревна
доктор филологии, гл.ассистент
Софийский университет
им. Св. Кл. Охридского
Болгария, г. София
e-mail: emesnyankina@slav.uni-sofia.bg

Mesnyankina Elena Igorevna
PhD, Senior Assistant Professor
St. Kliment Ohridsky Sofia University
Bulgaria, Sofia
e-mail: emesnyankina@slav.uni-sofia.bg

Е.И.Меснянкина

К ВОПРОСУ О ДИГИТАЛЬНЫХ ЖАНРАХ

Аннотация. В статье рассматривается природа и характеристики дигитальных жанров. Обсуждаются некоторые особенности функционирования неофициального Интернета на фоне примеров креолизованных текстов.

Ключевые слова: язык и стиль, интернет-общения, дигитальный жанр, креолизованный текст

E. I. Mesmyankina

TOWARDS THE PROBLEM OF DIGITAL GENRE

Abstract: The article describes nature and characteristics of digital genres. Some features of functioning of unofficial world wide webare discussed as well.

Keywords: language and stylistics, internet-communication, digital genres, creolized text.

Каждый языковой акт, как составляющая единица коммуникативного процесса в Интернете, может быть отнесен к конкретному дигитальному жанру, характеристики которого являются основополагающими для сетевого общения.

Именно поэтому исследование виртуальной коммуникации нереально осуществить без лингвистического и экстралингвистического анализ явлений, реализующихся в рамках отдельных жанров на фоне релевантных для среды технических особенностей. Они определяются «каналом и средством коммуникации: электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, а/синхронность и комбинаторика видов по количеству и эксплицированности коммуникантов»[11, с.38].

Еще в 70-х гг. прошлого века М. Бахтин приходит к выводу, что функционирование языка осуществляется в виде единичных конкретных высказываний с устойчивым тематическим

содержанием, стилем и композиционным построением и отграниченных от других аналогичных единиц заменой субъектов речи [3,с.247]. Речь идет о коммуникативной ситуации, экспрессии и экспрессивной интонации, объеме, концепции адресата и наддресата [4,с.192], а также целостности и целенаправленности завершеного процесса, прямом контакте с реальностью, отношении ко всем участникам коммуникации, адресованности и типичной воспроизводимой жанровой форме [3,с.254].

Неслучайно в «Ситуационной теории жанров» Т.Эриксона жанр сравнивается с «коммуникативным шаблоном», причины формирования которого бывают индивидуальные, социальные и технологические. Жанр строит сам коммуникативный процесс, создавая «разделяемые ожидания о форме и содержании общения и, таким образом, облегчая производство и воспроизводство коммуникации»[18,с.2].

Подтверждение можно найти и в работах Дж. Йейтса и В. Орликовски, которые сравнивают жанр с институализированным шаблоном, цель которого – обеспечить платформу для социального взаимодействия и обмена вербальной информации [20], что, как они и полагали, сегодня, в рамках процесса общения в Интернете, привело к использованию и адаптации существующих жанров и к появлению новых таких.

В данном контексте следует отметить мнение В. Бхатия, которая дает исчерпывающее определение жанру, ставя в качестве его основной задачи осуществление коммуникации. Основными элементами жанра В. Бхатия называет выбор языковых средств, стиль и форму [15,с.3].

Со своей стороны, западные генристические школы фокусируют внимание на социальный компонент при определении термина и отдают важную роль контексту как базе функционирования любого жанра. В этом плане, нам представляется весьма интересным сравнение А. Фридмана, которое исходит из понимания жанра как логическое продолжение речевого акта, придавая ему характеристики игрового процесса, обусловленного социальной обстановкой [16,с.5-6]. Имеется в виду та социальная среда, которая ныне, в условиях пандемической реальности, прочно

«перекочевала» на территорию виртуального сетевого пространства.

Именно социальная направленность Интернета и такие его характеристики, как электронная форма существования, интерактивность, а/синхронный формат общения, анонимное авторство, линейность/нелинейность текста, возможность добавлять подвижные или статичные изображения, оперативно менять не только внешний вид, но содержание и структуру текста, оказывают исключительное влияние на эволюцию и функционирование разнообразных жанров.

Современная языковедческая наука рассматривает цифровой жанр с точки зрения лингвофилософской категории и модификации речевого жанра, а подход к его изучению происходит через позицию когнитивно-прагматических основ создания *виртуальной личности* [7]. Ученые обращают специальное внимание на образ последней и вводят в научный обиход понятия просто «читатель» и «читатель-навигатор», которые влияют на жанр благодаря коммуникативному характеру среды, представленной в виде глобального полижанрового интернет-гипертекста и способа его прочтения [14,с.4]. Это определяет цели и формы цифровых жанров, что важно учитывать при их дальнейшей классификации.

Сложно не согласиться с утверждением, что на цифровые жанры серьезное влияние оказывает образ потребителя: для него создается конкретный текст, принадлежащий определенному жанру. Содержание материала может быть направлено как на необъятную сетевую аудиторию (жанр рассылки по спискам эл. почты, чата и т. д.), так и на ограниченный круг адресатов (жанр блога, дневника и т. д.).

С другой стороны, персональные и социальные характеристики автора могут воздействовать на коммуникативные цели, которые должны быть реализованы текстом (например, через жанр личной страницы). Поэтому отдельный вопрос возникает по отношению к процессу взаимодействия между автором и потребителем с точки зрения типичных характеристик виртуальной генристики. Это может привести к созданию новых или гибридных интернет-жанров, так как «интерактивное общение «...», где существует возможность давать комментарии к тексту «...», приводит как к гибридизации жанров,

так и к усилению степени полижанровости всего веба в целом»[14].

Вышеупомянутые характеристики достаточно точно описывают содержание понятия цифровой жанр и его разновидности, учитывая языковые и внеязыковые явления и процессы, оказывающие влияние на интернет-коммуникацию.

Доказательством тому служит и эксперимент, проведенный в 2000 г.[17], задача которого заключалась в классификации подобранных на случайном принципе интернет-документов и их соотношения к конкретному жанру.

Результаты выявили, что самый высокий процент исследуемого материала заняли бумажные жанры (60%) и бумажные жанры, приспособившиеся к существованию в сети (30%). Самый низкий результат выборки составили неклассифицируемые и новые жанры Интернета (5%). Интересный факт был обнаружен и по отношению к наличию текстов, в которых переплетались сразу несколько жанров и которые были соотнесены к группе гибридных жанров.

Основной вывод, к которому пришли авторы исследования, заключается в существовании серьезной необходимости в создании самостоятельной системы жанров, которая была бы адекватной по отношению к документам и текстам, существующим в Интернете. Поэтому и большинство из последовавших опытов классификации цифровых жанров теперь исходят из существующего деления т. наз. «бумажных» жанров, а новые явления, не присутствующие в реальном общении, описываются с точки зрения их спонтанного возникновения или медленно формирующегося характера.

Так, например, исследуя содержание, вид и функции текстов 96-ти интернет-сайтов, М. Шеперд и К. Уотерс смогли классифицировать материал в шесть жанров: поисковую систему, личную страницу, каталог, брошюру, ресурс и игру. Из их заключения следует, что все цифровые жанры могут быть упорядочены всего лишь в рамках нескольких классов, а также, что все они являются зависимыми от функциональных возможностей виртуальной среды [19].

Е. Горощко четко формулирует факторы, которые необходимо учитывать при классификации каждого виртуального текста по отношению к его принадлежности к определенному цифровому

жанру, перечисляя:

- гипертекстуальность и интерактивность среды;
- (а)синхронность коммуникации;
- частоту обновления информации в Интернете;
- адресата электронного текста;
- фигуру автора текста: особенности его языковой личности;
- использование возможности поддержания связи между автором текста и аудиторией;
- интенсивность использования мультимедиа;
- географию Интернета [5, с.380].

Первый опыт классификации дигитальных жанров российская наука делает, опираясь на жанровую тематику. Л. Иванов, однако, в «Заметке лингвиста» описывает слабость данного подхода, так как любая подобная совокупность „остается открытой, да и границы между тематическими группами не являются столь уж четкими, как это можно было бы предположить. Некоторые жанры могут обслуживать несколько тематических групп одновременно» [6, с.40]. Со своей стороны, автор предлагает разграничивать следующие жанры: общеинформационные (новостные), научно-образовательные и специальные информационные, деловые и коммерческие, художественно-литературные, жанры непрофессионального общения и развлекательные жанры.

Специального внимания, на наш взгляд, заслуживает идея классификации дигитальных жанров, предложенная Л. Щипициной, которая рассматривает их через призму четырех аспектов: медийность, прагматичность, структурно-семантические и стилистико-языковые характеристики [12, с.20]. Автор приводит следующую модель описания «жанра компьютерно-опосредованной коммуникации»:

Медийные параметры	Прагматические параметры	Структурно-семантические параметры	Лингвистические параметры
<i>Каковы форматные признаки жанра?</i>	<i>Кто? Кому? Зачем? Где?</i>	<i>Что?</i>	<i>Как?</i>

<i>оформление жанра</i>	<i>Адресант</i>	<i>темы и подтемы</i>	<i>фонетико-графические средства</i>
<i>гипертекстуальность</i>	<i>Адресат</i>	<i>развертывание темы</i>	<i>лексические</i>
<i>мультимедийность</i>	<i>Цель</i>	<i>текстовые единицы</i>	<i>морфологические</i>
<i>синхронность</i>	<i>сфера коммуникации</i>	<i>0</i>	<i>синтаксические</i>
<i>интерактивность</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>стилистические</i>
<i>количество и эксплицированность коммуникантов</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>0</i>

Характер анализируемых параметров позволяет говорить о медийных дигитальных жанрах (электронная почта, поисковые системы, социальные сети, электронные библиотеки, веб-страницы, блоги, форумы и т.д.). На основании ведущей функции жанра Л. Щипицина предлагает осуществлять функциональную классификацию и разграничивать 6 интернет-жанров:

- информативный, в текстах, связанных с обменом информацией;
- коммуникативный (социальный), реализующий и удовлетворяющий функции общения и соблюдающий этикетные нормы;
- директивный, побуждающий адресата к действию;
- презентационный, используемый для самовыражения и представления подробностей о составителе текста или его творческих произведениях;
- эстетический, реализующий художественно-творческий потенциал и воздействующий эстетически на адресата, создавая воображаемую реальность;
- развлекательный, для реализации гедонистической функции при участии в виртуальных ролевых действиях.

При этом уточняется, что «лингвистическая значимость предложенной классификации состоит в возможности ее применения

для лингвистического описания каждого жанра, включающей выявление общих форматных (т.е. технически обусловленных) признаков разных жанров и их влияния на использование языковых средств и организацию текста» [12,с.21].

В контексте интернет-стилистики жанры могут восприниматься и с точки зрения места и способа изложения различных интернет-стилей: публицистического, официально-делового, литературно-художественного и разговорного.

Чаще всего жанровые интернет-стили обслуживают тексты с преобладающим разговорным характером. Они «выделяются своей оригинальностью, непредсказуемостью и особым стилистическим эффектом» и «возникают в поиске новых способов выражения и попытке создания особых форм языковых конструкций» [9,с.92].

Существуют и такие дигитальные жанры, которые сложно привести к знаменателю одного из четырех основных функциональных интернет-стилей или даже определить как сетевой межстиль. Так, например, если рассматривать примеры креолизованных текстов, то большинство жанров, в которых они присутствуют, следует распределить в группу уникально-развлекательных стилей неофициального Интернета.

Основанием для подобного вывода послужил факт, что наличия таких креолизованных дигитальных жанров, как мем и его разновидности, не было обнаружено нигде, кроме как в виртуальном пространстве. Они ориентированы на реализацию гедонистической функции, поэтому, если Интернет условно можно разделить на две – официальную и неофициальную – части, то данные примеры должны быть отнесены ко второй.

В них нет ни малейшего намека на обстоятельность, большую долю логики, обдуманность или обоснованность, а, следовательно, они не являются надежным источником информации. В них почти всегда смываются границы письменной и устной речи в силу их направленности на общение в широком кругу потребителей, в котором все лично, но анонимно, как в примере:

Ср. *потерять совесть* – предмет

Как можно заметить, креолизация текста осуществляется благодаря содержанию графического элемента, который при взаимодействии с вербальными средствами сформировал законченный смысл постера. Влияние на результат подобных примеров также могут оказать фоновый цвет оформления, шрифт, символы, орфография, пунктуация, их нарочитое нарушение и т. д.

При этом вербальный и графический компоненты могут взаимодействовать по-разному, о чем пишут В. Сазонов и К. Шошников, предлагая следующую классификацию функциональных отношений в рамках креолизованных текстов:

А) *выделение* – визуальный элемент передает часть информации, акцентируя внимание на каком-то из аспектов, а полное описание объекта содержится в языковом элементе (Рис.1);

Б) *воспроизведение* – вербальный и визуальный компоненты текста совпадают, но это не приводит к информационной перегруженности (Рис.2);

В) *дополнение* – в случаях, в которых компоненты, использованные в содержании знаковых систем, дополняют друг друга и обогащают знание об объекте как одно целое (Рис.3);

Г) *противопоставление*, когда гибридные элементы креолизованного текста входят в оппозиционные отношения (Рис.4) [8, с.378–379].

В качестве доказательства приведем следующие примеры:

Рис.1

Ср.: паронимию в паре сушка-сучка

Рис.2

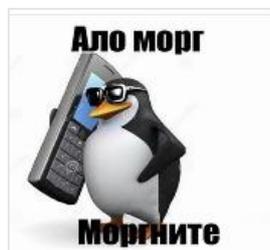
Ср. многозначность
гл.открыться

Рис.3

Ср. *лежит*: пыль – человек

Рис.4

Ср.этим. гл.моргнуть

Важной характеристикой креолизованных текстов, обуславливающей неофициальные дигитальные жанры, является спонтанное творческое новаторство и нестандартность репрезентации текстов, заключающуюся в их непредсказуемости. Это относится как к оформлению языкового, так и графического компонентов:

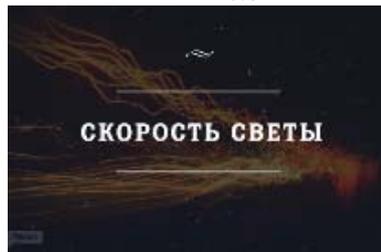
Пример ложной этимологии слова *невроза*

Исключительно модной в этом плане на сегодняшний день является креолизация текстов в стилях ретро (Рис.5: включение визуальных элементов интерьера, актуальные в прошлом), футуризм (Рис.6: применение элементов «из будущего», компьютеров и др.), классика (стиль известных порталов), гранж (дизайн сплошного хаоса), журнальный (наподобляющий печатное издание), а также мультипликационный стиль. Классическими считаются темный и светлый виды дизайнов:

Рис.5

Рис.6

Языковые трансформации и обогащение примеров разнообразными смыслами за счет знаков иных семиотических систем привлекает внимание потребителей оригинальностью подхода и способствует скоростному распространению материала в сети. Тем более, что для большинства видов характерна высокая степень смысловой компрессии, что не затрудняет оперативно расшифровать заложенную идею. Так, например, легко можно декодировать творческий замысел в следующем постере, сравнив подход искажения графического элемента с языковой антонимизацией:

Переворачивая знак лопаты на 180 градусов, автор превращает его в изображение бокала, что радикально меняет смысл описываемой ситуации в контексте выходных по случаю Дня труда 1-ого мая.

В ходе анализа подобных примеров возникает вопрос, какой из двух компонентов креолизованного текста – вербальный или графический – ассимилируется интернет-потребителем в первую очередь. Согласимся с мнением Е. Анисимовой, которая считает, что «информация, заложенная в поликодовом тексте, воспринимается по разным каналам, однако она объединяется и перерабатывается реципиентом в универсальном предметном коде» [1, с.13].

Ср. гл. несов. в. *вкалывать* в знач.(прост.) *много и долго работать* и в знач. *протыкать, прокалывать*, которое активируется благодаря невербальному компоненту.

Спора не вызывает и тот факт, что для окончательного понимания примера главным условием выступает наличие фоновых и социокультурных знаний, которые в комбинации с логическим мышлением потребителя приводят к его адекватной интерпретации смысла и содержания.

Неслучайно В. Чернявская утверждает, что «лингвистика текста „сдает“ свои позиции в пользу семиотического и культурного толкования текста» [10, с.210], а его ракетой-носителем служит высокий уровень вербально-визуальной культуры сетевых пользователей, которая в рамках «идеальной, мыслимой реальности» Интернета «существенно видоизменяет сознание и процесс познания себя виртуальной личностью» [2, с.17].

Исключительное количество креолизованных текстов в сети заставляет нас обратить на них специальное внимание как удачно используемую возможность для неограниченных опытов реализации креативных потребностей пользователей, а результат представляется нам не менее интересным. Он порождает новые лингвистические и экстралингвистические единицы, при взаимодействии которых

появляются совершенно иные значения. В будущем они могут покинуть виртуальное пространство и внедриться в реальность.

Вот почему примеры креолизованных дигитальных жанров часто выступают единственным содержанием целых сайтов, посвященных созданию и распространению творческих порывов и юмора в Интернете, что подтверждает мнение Б. Тошовича: «такие явления, „пахнущие” стилистической революцией, надо в первую очередь искать в новых каналах неформального общения и передачи информации в новых жанрах, стирающих грань между личным и публичным, объединяющим самые различные средства: слово, звук, голос, картину, знак, сигнал, графику, иллюстрацию» [9, с.55].

Посещение подобных страниц напоминает нам виртуальный прием у интернет-терапевта, который помогает бороться с ежедневным стрессом и напряжением, негативными эмоциями и пессимистическим настроением.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на основе креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. фил. наук. – Челябинск, 2005. – 265 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества./ Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С.Г. Бочаров – М.: Искусство, 1979.– 423 с.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
5. Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров // Жанры речи. Вып.5: Жанр и культура. – Саратов: Наука, 2007. – С.370-389.
6. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С.35-45.
7. Компанцева Л.Ф. Философия сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт. – Луганск, 2006. – С.293-318.
8. Сазонов В.В., Шошников К.В. О соотношении вербальной и визуальной информации в прессе // Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – С.374–389.
9. Тошович Б. Интернет-стилистика. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 238 с.
10. Чернявская В. Е. Поликодовое пространство текста: лингвистическая

парадигма языкознания. – М.: Либроком. – 284 с.

11. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296с.
12. Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дисс. д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011. – 446 с.
13. Arnold J., Miller H. Gender and Web Home Pages.1999.Available on: <http://ess.ntu.ac.uk/miller/cyberpsych/cal99.html>.
14. Askehave I., Nielsen A.E. What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective // Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences 2005.
15. Bhatia V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993.
- Breure L. Development of the Genre Concept. Available on: <http://www.cs.uu.nl/people/leen/GenreDev/GenreDevelopment.html> 2001.
17. Crowston, K., Williams, M.Reproduced and emergent genres of communication on the world wide web.*INFORMATION SOCIETY*,16(3),2000.,pp.201-215.Available on: <https://doi.org/10.1080/01972240050133652>
18. Erickson T. Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as genres, CMC Systems as Genre Ecologies // Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences. 2000.
19. Shepard M., Watters C.R. The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 1998.
20. Yates J., Orlikowski W.J. Genres of Organizational Communication: A Structural Approach to Studying Communication in Media // Academy of Management Review. Vol.17. № 2. 1992.

Манчев Владимир Симеонович
доктор филологии, гл. ассистент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: v.manchev@abv.bg

Manchev Vladimir Simeonovich
PhD, Chief Assistant Professor
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: v.manchev@abv.bg

В.С. Манчев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В предлагаемой статье предпринимается попытка рассмотреть ряд особенностей лексики современной русской фантастической литературы. На основе анализа более двадцати шести произведений автор статьи приходит к выводу о масштабности изменений, происходящих в словарном составе современного русского языка, выражающихся в активном проникновении в него англицизмов, разговорной, просторечной, жаргонной и специальной лексики.

Ключевые слова: современная русская фантастическая литература, изменения в словарном составе современного русского языка

V.S. Manchev

ON SOME FEATURES OF THE VOCABULARY OF MODERN RUSSIAN SCIENCE FICTION LITERATURE

Abstract: This article attempts to consider a number of features of the vocabulary of modern Russian science fiction literature. Based on the analysis of more than twenty-six works, the author of the article comes to the conclusion about the scale of changes occurring in the vocabulary of the modern Russian language, expressed in the active penetration of Anglicisms, colloquial, vernacular, slang and special vocabulary.

Keywords: modern Russian fantastic, changes in the vocabulary of the modern Russian language.

Связь языка с эпохой, в которой он функционирует, и с ментальностью его носителей неоспорима. Человек, безусловно, воздействует на язык, но и сам он живет в пространстве своей родной речи. Нельзя забывать также о таком важном факторе, как время. Новая эпоха диктует свои правила, меняется окружающая среда, образ жизни человека, в определенной степени его мировоззрение, меняется и его язык.

По мнению лингвистов, среди явлений, характерных для функционирования русского языка конца XX – начала XXI века, можно выделить такие как: раскрепощенность, диалогичность, возросшую роль личностного начала, стилистический динамизм, краткость («телеграфичность») речи, проникновение немалого числа заимствований и др.

В предлагаемой статье мы попытаемся рассмотреть некоторые особенности языка русской фантастической прозы наших дней. Следует заметить, что данный жанр литературы стал весьма популярным в последние десятилетия. Научная фантастика является тем жанром художественной литературы, который освещает актуальные проблемы развития науки и общества, их перспективы, а также возможные пути исторического развития России. Кроме того, у научно-фантастической литературы много читателей, среди которых немало молодых людей, чьи мировоззрение, эстетический, литературный и языковой вкус еще не сформировались полностью. Уже перечисленных причин достаточно для того, чтобы обратить пристальное внимание на упомянутый литературный жанр. Но для автора предлагаемой статьи данный пласт литературы интересен в основном тем, что в нем отражается масштабность процесса языковых изменений, происходящих в современном русском языке, прежде всего в области его лексики. Еще одним интересным и важным аспектом является вопрос совмещения свободы творчества писателя с необходимостью соблюдения языковой нормы. Последнее, надо заметить, удастся не всем литераторам и в современных художественных произведениях стали все чаще появляться жаргонизмы, просторечная и даже ненормативная лексика.

Жанр фантастики стал необычайно популярным в последнее время, трудно перечислить все произведения, к нему относящиеся, увидевшие свет в последние три десятилетия. Творят в данной области литературы многие, в том числе писатели, добившиеся успеха в других литературных жанрах (такие, как А. Бушков, например). В данной статье мы не будем рассматривать содержательную сторону произведений, а остановимся лишь на некоторых особенностях их языка.

Одной из особенностей лексики современных русских фантастических произведений является употребление лексики англоязычного происхождения, причем интересно отметить, что в данном случае подчас на лицо не простое заимствование, а приспособление иноязычной лексемы к русскому языку, когда она переходит из одной части речи в другую. На лицо словообразовательная продуктивность заимствования – знак его хорошей адаптации на русской почве, например – *имиджмейкерский*, *абгрейдить* и др.:

«Такая вот *имиджмейкерская* задумка по формированию у народа образа царя воина и защитника» [5, с.4] (здесь и далее курсив наш – В.М.).

«Трехдюймовую полевую скорострельную пушку образца одна тысяча девятисотого года ее конструкторы Бишляк, Соколовский, Липницкий и Забудский на мой взгляд *абгрейдил* по максимуму» [5, с.82].

Процесс заимствования лексики, ставший особенно активным в последние десятилетия, порождает немало дискуссий, в которых часто сталкиваются крайние точки зрения: с одной стороны – вполне благожелательное отношение к иностранным словам, с другой – стремление употреблять исконные русские либо славянские слова, или же давно освоенные языком заимствования. Вероятнее всего, истина, как обычно, находится где-то посередине. Мы же, не беря на себя смелость высказываться в поддержку той или иной точки зрения, просто проиллюстрируем данную тенденцию примерами.

«– *О'кей*, давай попробуем пойти от обратного, – предложил Петр. – Как вообще называется такой код?» [4, с.17].

«– Завтра собираем весь местный *истеблишмент*» [10, с.5].

«– Обнови еще раз, *плиз*» [4, с.17].

«Отдельно буклеты по электрооборудованию, тоже с *прайсом*» [11, с.24].

«Переживания нашего *драйвера* меня мало интересовали» [10, с.53].

Следует отметить также наличие стилистически сниженной, разговорной лексики, просторечных или жаргонных слов и словосочетаний, таких как, например, *забить на что-либо* в значении

«проигнорировать что-либо», «махнуть рукой/наплевать на что-либо»; *на голову сдвинутый* – «неадекватный, ненормальный человек»; *качать права* – «отстаивая свою правоту, требовать, настойчиво добиваться чего-либо», *дать в бубен* – «ударить, побить кого-либо», *головняк* – от: головная боль, т.е. «проблемы», *до кучи* – «заодно, еще, тоже, вместе» и др.:

«*Забив на немецкий и английский языки, вся школа дружно учила азбуку Морзе*» [11, с.2].

«Типа эти *на голову сдвинутые* на идеях фюрера молодые уроды на геноциде населения специализировались» [8, с.4].

«Мужик последовал доброму совету, не рискуя *качать права*» [8, с.3].

«*Дам разок в бубен, и баста, откачать не успеют*» [9, с.41].

«Вообще с подарками *головняк* был еще тот» [11, с.34].

«Поэтому, несмотря на все *хотелки* и *мечталки*, реально я планировал только освобождение пленных и их отвод на нашу территорию» [3, с.48].

«Там всё *до кучи*» [11, с.31].

Еще одним интересным примером, пожалуй, уже набившим оскомину, является выражение «в районе столько-то часов»:

«*В районе шестнадцати тридцати* на „Формидебле“ прогремел первый взрыв, за ним рванул пороховой погреб под кормовой башней главного калибра» [5, с.73].

«*В районе полудня* бригада вступила в серьезный бой на рубеже Успенское – Егорье» [1, с.53].

Другим сочетанием, ставшим довольно частотным в современном русском языке (преимущественно в разговорной речи) является «на порядок» – *матем.* «в десять раз (больше или меньше)», обычно некорректно употребляемое в значении «в несколько раз, существенно»:

«Не все такие гениальные, как Деевы или Румянцевы, но они *на порядок* превосходили тех управленцев, с кем мне доводилось общаться» [12, с.16].

Нельзя не упомянуть также жаргонные лексемы *облажаться* – «потерпеть неудачу, совершить ошибку»; *прикид* – «одежда, костюм»; *лохануться* – «совершить ошибку, прогадать», *офигеть* –

«сойти с ума, потерять способность логически мыслить; начать вести себя ненормально» и др.:

«Только вот наши исполнители *облажались*, а люди Николая нет!» [5, с.61].

«С другой стороны, я представляю руководство завода. Мне положено иметь достойный *прикид*» [12, с.11].

«Вот и посмотрим, прав я или *лоханулся*, как последний дурак.» [9, с.24].

«Они оба, „мягко сказать“, *офигели*» [6, с.14].

Интересно, что современная разговорная лексика порой встречается даже в речи персонажей 19 или начала 20-го веков, что само по себе не прибавляет достоинств художественному произведению.

«Или ты думаешь, что немцы нам захват столь важного города в их оперативном тылу, этот плевок прямо в их фашистскую харю, спустят без *ответки?*» [3, с.50].

Отдельно следовало бы, как нам представляется, выделить современные русские фразеологические единицы (ФЕ), встречающиеся в текстах фантастических произведений. Так, например, пословица «*Любишь советы давать – люби и на хрен ходить*» представляет собой не что иное, как модифицированную ФЕ «*Любишь кататься – люби и саночки возить*». Фразеологизм «*Писец котенку, больше гадить не будет!*» в современной русской разговорной речи употребляется при поломке, уничтожении чего-либо, неблагоприятном развитии событий, неприятностях, нарушающих планы и ожидания. Выражение «*пролететь, как фанера над Парижем*» означает: «упустить возможность получить что-либо или произвести какое-либо действие, оказаться не у дел, потерпеть неудачу» и, согласно странице dic.academic.ru, «данный фразеологизм возник в 1987 году в результате недоразумения при печати очередного номера „Комсомольской правды“» [16]. ФЕ «*выше гор, круче яиц*» (а также: «*Выше только звёзды, круче только яйца*») *жарг. мол. ирон.* определяет зазнавшегося человека [14]. А выражение «*как до луны задним ходом*» имеет значение: «очень далеко; недостижимо».

«Однако Клаусс, хоть и не русский, истину „*Любишь советы*

давать – люби и на хрен ходить“ знал хорошо» [8, с.10].

«– *Писец котенку, большие гадить не будет!* – Я и вправду так подумал» [9, с.29].

«Мне потом рассказали об истерике Дагмары (да, не люблю ее, но это уже личное!), понявшей, что она *пролетает, как фанера над Парижем*» [10, с.87].

«Тех, что отсидели пару лет по „несерьезной“ статье и вообразили себя *выше гор, круче яиц*» [8, с.47].

«Все же до настоящих блокпостов, сложенных из бетонных блоков подобий крепостей, ей было *как до луны задним ходом*» [8, с.59].

Проблема употребления сниженной лексики не нова и, по всей вероятности, еще длительное время не утратит своей актуальности. На вопрос почему одни писатели старательно избегают откровенно нелитературных слов, а другие, напротив, охотно их используют в подходящем контексте, невозможно дать универсальный ответ. Возможно, это связано с самим духом нашей эпохи, весьма непростой, противоречивой, антигуманной по своей сущности, и эмоциональным отношением к ней современных литераторов. А последнее, как известно, выражается именно сниженной лексикой. Конечно, нам могут возразить, что в данном случае речь идет не столько о языке, сколько о психологии, но мы можем на это ответить, что психология «выплескивается» в язык. Причем градус эмоционального напряжения в произведениях ряда авторов (Алексей Махров, Николай Болошнев и некоторые другие) настолько высок, что последние не избегают употребления нецензурной лексики.

Одним из способов предотвращения использования нецензурной лексики является употребление эвфемизмов (*блин, полный абзац, пипец, белый пушистый зверек* и др.). Как совершенно справедливо заметил Л.П.Крысин: «В современной русской речи достаточно отчетливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и к ее эвфемизации» [7]. К последней охотно прибегают многие авторы:

«...Многое чего, в общем, могли сделать с помощью напильника и *какой-то матери*» [5, с.60].

«Четыре этажа – небоскребы, *блин...*» [8, с.3].

«Людей разве что друг на друга не клали, а так *тисец* как тесно» [9, с.12].

Интересным способом избежания употребления нецензурной лексики является сокращение ненормативных или сниженных лексических единиц с последующей их заменой литературным словом или сочетанием. К нему охотно прибегают некоторые авторы:

«Если сказать, что все присутствующие в кабинете *ох...*, то есть *впали в степень очень сильного удивления*, это все равно, что ничего не сказать» [5, с.65].

«Если ему удастся хотя бы половину – да что там половину – хотя бы треть всех наших войск, пробегающих мимо от самой границы, остановить и под своим командованием организовать для обороны, тогда немцы со своими идеями окружения и организации там котла для быстрого уничтожения обескровленных и небоеспособных подразделений, пожалуй, хорошо так *обоср... изрядную конфузию* они там *потерпят*, со своими идеями» [2, с.22].

«Ну, дома тебя ждет жена – *с... суровая женщина*. Получишь от нее взыскание» [1, с.50].

«Да ё... *ёшкина кошка*, лейтенант! Ты уже *за... заелозил* меня вконец этими своими неожиданными идеями! Сколько можно?!» [3, с.33].

«Я посмотрел на лица моих слушателей и увидел на них выражения полного *ох...*, то есть *изумления*» [5, с.76].

Поскольку во многих современных фантастических произведениях на русском языке центральное место занимает война, то неудивительно присутствие в тексте военной лексики, например, специальных аббревиатур:

«Неожиданно прямо перед ним остановился *БТР-50*. Судя по количеству антенн на броне и приспособлений для развертывания еще и дополнительных, Трофимов понял, что это *КШМ*.» [1, с.22]. В данном случае БТР – бронетранспортер, а КШМ – командно-штабная машина.

«Завтра утром после артподготовки и при содействии авиации сорок третьей *САД* с рубежа Дендино – Шавеево *КМГ* переходит в наступление» [1, с.35].

В приведенном выше примере САД – смешанная авиационная

дивизия, а КМГ, соответственно, – конно-механизированная группа.

Встречаются также аббревиатуры иноязычного происхождения:

«Опираясь на эту информацию и детализируя ее в соответствии с последними сведениями, штаб группы потребовал помощи у *ОКХ*.» [1, с.24]. *ОКХ* – от нем. *ОКН* (*Ober kommandodes Heeres*) – верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год.

Иногда объяснения значений аббревиатур даются самим автором непосредственно в тексте произведения:

«У них основным специальным предметом был *СТПВ* – *служба-тактика пограничных войск*» [1, с.39].

«Этот полевой аэродром изначально имел статус вспомогательного, предназначенного для рассредоточения и обеспечения боевой работы истребительных частей 9-й *смешанной авиадивизии (САД)* 2-го (Белостокского) участка прикрытия госграницы, а также как аэродром подскока легкобомбардировочного полка этой же дивизии, дислоцированного значительно дальше от границы, в районе Волковыска» [3, с.45].

Наблюдается также использование военного жаргона. Приведем несколько примеров, в которых встречаются лексемы *люстры* – осветительные ракеты, *гражданка* – «В речи военных: не военная, гражданская жизнь (прост.)» [15] и др.:

«Немцы не беспокоили, *люстры* да, висели, но стрельбы не было» [9, с.49].

«Я такую байду на *гражданке* не терпел, а уж на войне...» [9, с.19].

«Крамаренко обещали подкинуть четыре “*немки*“ и восемь “*мотовок*“, я было попробовал поторговаться, но Аристарх Иванович посмотрел на меня, словно на маленького мальчика, выпрашивающего у родителей дополнительные конфеты» [10, с.96].

В последнем из приведенных выше примеров жаргонизмы «немка» и «мотовка» имеют значение, соответственно: «немецкая гаубица» и «русское полевое орудие калибра 76,2 миллиметра, отличавшееся высокой для своего времени скорострельностью, за которую в армии ее называли „мотовкой“» (объяснения наши – В.М.).

Следует заметить также, что в большинстве рассмотренных

нами произведений на лицо конфликт языка современных писателей с языком классиков русской и советской литературы. Как уже было отмечено выше, современные писатели считают вполне допустимым использовать в своем творчестве разговорную лексику и выражения, не принадлежащие литературному языку, например, ставшие частотными в современной русской разговорной речи слова *озвучить* (сказать), *озадачить* (поручить, дать кому-либо задание), *тусовка* (собрание, встреча, совместное времяпрепровождение), жаргонизм *подвалить* (приехать, прийти) и др.:

«Та информация, которую император *озвучил* на Государственном совете, заставила нас по-другому взглянуть на Ваше предложение» [5, с.75].

«*Озадачил* Василия созданием ретранслятора» [11, с.17].

«С этим авиашоу получилось много канители. Не мог же я послать извещение государю, типа „Жора, *подваливай* на *тусовку*!“» [12, с.55].

Определенный интерес вызывают также употребляющиеся (хотя и реже) в русской фантастической прозе междометия, среди которых, например, ставшее весьма популярным в современной России бла-бла (бла-бла-бла): «1. и так далее, и тому подобное. 2. болтовня, треп», а также пришедшее из английского *vaу*:

«Хвалил достижения российской науки в целом. Самой передовой, самой-самой и прочие *бла-бла*» [11, с.36].

«*Vaу!* Не к месту, конечно, это вражеское слово, но эффект тот же» [9, с.21].

Наличие неологизмов вполне уместно и объяснимо в произведениях научной фантастики, данный вопрос освещался достаточно подробно, по этой причине приведем лишь один, но весьма яркий пример – *попаданец*: «*неол. фанта.* персонаж фантастического произведения, который внезапно попадает, переносится в иную точку времени, пространства» [17]. В последние несколько десятилетий появилось и успешно развивается целое направление в научной фантастике, посвященное именно попаданцам, а во Всемирной Сети даже существует страница <http://popadanec.info/>.

В заключение отметим, что недооценивать те изменения,

которые происходят в словарном составе современного русского языка, было бы большой ошибкой. Как писал в своем труде «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневский: «Превращение строя языка, будучи вместе и превращением его состава, превратит в логику народа, и понятие его о красоте выражений, внутренней и внешней» [13]. Учет, регистрация и анализ данных изменений, среди которых и проникновение иноязычной лексики, и влияние разговорной речи на язык произведений художественной литературы, и такое интересное явление, как актуализация фразеологизмов, помогают исследователям-русистам не только проследить тенденции развития современного русского языка, но и ближе познакомиться с народопсихологией его носителей.

Библиографический список

1. Алексеев М. Стилет для «Тайфуна» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=94117&p=1 (дата обращения: 18.06.2021)
2. Байбаков И. Малой кровью на своей территории. 1941 – Своих не бросаем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=69654&p=1 (дата обращения: 12.08.2021)
3. Байбаков И. 1941 – Бои местного значения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=85918&p=1 (дата обращения: 17.08.2021)
4. Боллошев Н. Цифмин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=90985&p=1 (дата обращения: 21.05.2021)
5. Валериев И. Ермак. Контртеррор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=94509&p=1 (дата обращения: 21.05.2021)
6. Карпин Д. Мир, где нас не ждали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=95372&p=1 (дата обращения: 18.06.2021)
7. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. // Русистика. – Берлин, 1994, № 1-2. – С. 28-49 – <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения: 25.05.2021)
8. Михеев М. Т-34. Крепость на колесах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=86614&p=1 (дата обращения: 07.07.2021)
9. Мишин В. Боги войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=95124&p=49 (дата обращения: 18.06.2021)

28.05.2021)

10. Саликов А. Жандарм. На пороге двадцатого века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=66310&p=1 (дата обращения: 18.06.2021)

11. Соловей Д. Вернуть или вернуться? Книга 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=91017&p=1 (дата обращения: 23.05.2021)

12. Соловей Д. Не вернемся, не свернем! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=91018&p=1 (дата обращения: 10.06.2021)

13. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm> (дата обращения: 18.08.2021)

14. Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/23262/Выше> (дата обращения: 15.08.2021)

15. Академик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://academic.ru/searchall.php?SWord=гражданка&from=xx&to=ru&did=proverbs&stypе=> (дата обращения: 08.08.2021)

16. Академик [Электронный ресурс]. – в Режим доступа: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 15.08.2021)

17. Картаслов.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/попаданец> (дата обращения: 20.08.2021)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евтимова Румяна Крыстева
доктор, доцент
Софийский университет
им. Св. Кл. Охридского
Болгария, г. София
e-mail: osoba@abv.bg

Evtimova Rumiana Krasteva
Associate Proffesor, PhD
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: osoba@abv.bg

Р. К. Евтимова

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ БУЛГАКОВА

Аннотация. В статье рассматривается пьеса «Булгаков» известного польского драматурга, сценариста и режиссера Мацея Войтышко. При помощи богатого коллажа из цитат произведений М. Булгакова, А. Чехова, Н. Островского и т.д., в ней раскрывается трагическая участь писателя и его близких, и еще многих людей во время Великой чистки, проведенной под руководством Сталина. В драме наблюдается оригинальное сочетание документального и фикционального, мистерии и гротеска. Автор внушает, что «рукописи не горят». Эта вариация на тему Булгакова выявляется на фоне нескольких других, только упомянутых, пьес.

Ключевые слова: Войтышко, Булгаков, писатель, драма, документальное, фикциональное, мистерия, гротеск.

R. K. Evtimova

DRAMA VARIATIONS ON BULGAKOV'S THEME

Abstract:The paper examines the play *Bulgakov* by the famous Polish play wright, screen write rand director Maciej Wojtyszko. With the help of a rich collage of quotes from the works of M. Bulgakov, A. Chekhov, N. Ostrovsky, etc., it reveals the tragic fate of the writer and his relatives, as well as many more people during the Great Purge, under the leadership of Stalin. The play presents an original combination of documentary and fictional, mystery and grotesque. The author's implicationis that «Manuscripts donot burn». This variation on Bulgakov's theme stands out against the background of several other, briefly noted, plays.

Keywords: Wojtyszko, Bulgakov, writer, drama, documentary, fictional, mystery, grotesque.

Тема настоящей статьи подсказана творчеством самого Булгакова, в художественном наследии которого, наряду с рассказами, повестями, романами и драмами, можно отыскать также инсценировки и вариации на основе различных произведений. Писатель создал несколько версий в этом жанре по романам Н. В.

Гоголя «Мертвые души», Льва Толстого «Война и мир», М. Сервантеса «Дон Кихот», а по пьесе «Ревизор» Гоголя написал киносценарий. Детальное знакомство с делом мастера французской комедии Ж. Б. Мольера, чей образ Булгаков воскресил в драме «Кабала святош» («Мольер») и в романизированной биографии «Жизнь господина де Мольера», очевидно привело его и к замыслу пьесы «Полоумный Журден», стержнем которой является «Мещанин во дворянстве», но в ней просвечивают также сцены и герои из «Дон Жуана», «Брака поневоле» и «Скупого»[3]¹.

Любопытство писателей к классическим сюжетам имеет огромное значение для продолжения их жизни во времени. Каждое новое обращение к роману или драме из прошлого – суть своеобразного перевода на язык современности, ибо интенции автора в большинстве случаев направлены к тому, чтобы вызвать аллюзии с актуальными проблемами окружающей действительности. Ремейковые сюжеты, построенные на примерах событий из *жизни замечательных людей*, а также из их произведений, часто наводят на мысль, что все *новое – это хорошо забытое старое* и дают возможность задуматься как над драматическими повторами истории и человеческих судеб, так и над непреходящими эстетическими и моральными ценностями, которые художники утверждают испокон веков. Классика – это и точка отсчета для осмысления новых исканий и, без сомнения – достижений, современных художественных направлений.

В последних десятилетиях прошлого, и особенно с начала нового столетия, намечается повышенный интерес к парафразам биографий выдающихся личностей, к прозаическим и драматургическим инсценировкам произведений канона мировой литературы. Наблюдения над тематикой современных русских пьес² приводят к выводу, что многие писатели, среди которых самые известные Н. Коляда, О. Богаев, В. Леванов, являются любителями этих жанровых вариаций. На сцене воскресли образы Л. Толстого и

¹см. Булгаковскую энциклопедию, 1996.

²Даже если наблюдения проводятся только на материалах в Театральной е-библиотеке С. Ефимова, где собрано 14 434 произведений – можно подвести некоторые итоги.

Ф. Достоевского, зачастую в постмодернистской трактовке, со свойственными этому направлению приемами обрисовки. Наиболее чтимым среди классиков, является А. П. Чехов, а число ремейков «Чайки», «Трех сестер» и «Вишневого сада» – довольно внушительно. На фоне стольких оригинальных попыток *освежить* чтение русского наследия, стоит отметить, что почти нет аналогичных примеров об экспериментах над произведениями выдающегося творца XX века – Михаила Афанасьевича Булгакова. Конечно, такое утверждение не принимает в виду активную деятельность Музея им. М. А. Булгакова, а также те русские и иностранные кино- и театральные постановки его романа «Мастер и Маргарита»¹. И все же, трагическая судьба писателя, которая давно привлекает внимание ряда исследователей не только в России, но и по всему миру, легла в основу работы, которая является объектом последующих наблюдений.

Польский писатель, драматург, сценарист и режиссер Мацей Войтышко давно показал свой интерес к личности Булгакова. На протяжении более четырех десятилетий он является популяризатором его творчества, осуществил в театрах разных городов и на каналах польского телевидения постановки таких его произведений, как «Последние дни» (1977), «Мольер» (1979), «Театральный роман» (1986), «Морфий» (1989), а в 1988 году написал сценарий, а потом и режиссировал телевизионный сериал на основе «Мастера и Маргариты», который был высоко оценен кинокритикой. В 2001 году писатель возвращается к жизни автора знаменитого уже романа с собственной трактовкой в пьесе «Булгаков»², которую поставил в 2002 г. в краковском театре им. Ю. Словацкого, а в 2009 году объявился и ее телевизионный вариант. Оригинальный взгляд Войтышко на жизнь как владетелей, так и выдающихся деятелей философии, литературы³ и искусства всех времен, приносит ему успех и популярность не только на родине, но и за границей. Пьеса о

¹Имеются ввиду фильм А. Вайды, спектакль болгарского режиссера Т. Москова и др.

²В настоящем тексте использован русский перевод Л. Бухова.

³В двух драмах М. Войтышко встречается Ст. Выспяньского со Ст. Жеромским и Сл. Мрожека с В. Гомбровичем.

Булгакове оказалась среди его работ о других знаменитостях – это Фр. Петрарка и Дж. Боккаччо, Д. Дидро и императрица Екатерина II.

Драматург выбрал нетрадиционный путь для прочтения трагической судьбы Михаила Афанасьевича и не включил его среди активно действующих лиц. Благодаря мотиву отсутствия, М. Войтышко сумел более выразительно подчеркнуть эффект той страшной пустоты, которая воцарилась вокруг Булгакова в последние годы его жизни. Отстранение персонажа со сцены, несмотря на то, что произведение названо его именем, очевидно имеет символический характер, ибо таким образом зрителю/читателю внушается идея об его отстранении от текущего распорядка новой действительности. В драме отсутствующий протагонист будто бы еще при жизни списан с истории своей страны и литературы, что и на самом деле с ним случилось и длилось почти четверть века после его кончины в 1940-ом г.

Художественное решение Войтышко перекликается с подходами самого Булгакова в драмах «Последние дни»¹, посвященной смертельно раненному после дуэли Пушкину, которого нет среди действующих лиц, и «Полоумный Журден», в которой применяется прием *театр в театре*. Из-за болезни директор труппы Мольер не может принять участие в репетициях своей новой комедии и доверяет эту задачу актеру Луи Бежару, который распределяет роли и должен осуществить спектакль. И тут житейская реальность мистериозно заменяется театральной, после указания ремарки: *сцена волшебным образом изменяется* [1, с. 124]. Характерно, однако, что актеры сохраняют свои настоящие имена и фамилии, а разговаривают репликами из текста пьесы. Таким образом, будто все время осуществляется диффузия между двумя типами реальности, а это со своей стороны придает игровой характер происходящему.

Склонность к применению игровых стратегий, которая проявляется на протяжении всего творчества писателя и особенно заметна в романе «Мастер и Маргарита», воздействует осязаемо на выбранный М. Войтышко ключ к развитию и развязке действия в пьесе «Булгаков». Применяя такую же стратегию для изображения

¹ «Оттуда почерпнут основной композиционный замысел пьесы» – свидетельствует сам М. Войтышко [2, с. 33].

обстановки в последних месяцах тяжело больного Михаила Афанасьевича, автор подчеркивает ее ирреальность. Несмотря на то, что почти все персонажи – исторические личности, они постоянно оказываются в абсурдных положениях, которые преподносит им сама действительность. Эффект нелепой и жестокой игры постигнут Войтышко несколькими способами. В первую очередь необходимо отметить, что в репликах персонажей легко угадать обилие цитат из «Мастера и Маргариты». Связь между двумя произведениями осуществляет и сходство разных ситуаций. Место действия поочередно меняется и происходит во МХАТ-е, а точнее – в буфете театра, на квартире у Булгаковых и на Лубянке. В первых двух местах странным образом постоянно мерещатся коты, которые как-то незаметно проскальзывают и съедают то пищу из кастрюль на балконе квартиры, то лососину буфетчика Ермолая, о котором в ремарке к Сцене 4 указано, что он *прототип в частности Фокича из «Мастера и Маргариты»* [2: 17]. На Лубянке котов нет, но в каждой сцене, проходящей там – сообщают: *пришел барон Штейгер*,¹ который так и не появляется лично и не включен в список действующих лиц. Но этот «невидимый» гость со своей переделанной фамилией, сильно напоминает барона Мейгеля, пришедшего на Бал у Сатаны. Там Маргарита узнает этого низкого человека, шпиона и предателя, предложившего теперь «свои услуги» Воланду. По всей вероятности, такие «услуги» делает и Штейгер, приходящий регулярно на Лубянку, но его невидимость подсказывает, что он может иметь много лиц и что он вряд ли единственный в этой ловко расставленной сети. Самая убедительная связь пьесы с делом Булгакова – это осязаемое присутствие **романа**, о котором все слышали, а некоторые даже уже читали. Хотя это текст из подполья, он стался *притчей во языцех*. Читателям/зрителям не суждено встретиться с автором, но его дело остается в памяти потомков – таково послание Войтышко.

С одной стороны, в драме воскрешается мир Булгакова, но

¹М. Войтышко пишет, что у него есть «реальный прототип», но не указывает конкретное имя [2, с. 32]. В настоящем тексте выдвигается и другая гипотеза, которая воспринимает этот маргинальный персонаж как двойник Булгаковского Мейгеля, а также и как собирательный образ доносчиков.

одновременно воссоздается и экспрессивная картина напряженного времени, ровесником которого пришлось ему быть. События зимы 1939-1940 гг. обрисованы без эпической патетики, местами даже гротескно, но между репликами просвечивает весь трагизм, а также и весь фальшь происходящего. Сам драматург удостоверяет: *Пьеса содержит ряд исторических фактов, которые были почерпнуты из книги Виталия Шенталинского «Рабы свободы», часть 2 [2, с.32]*, но его текст осязаемо свидетельствует и о том, что он сумел проникнуть в биографию своего героя, являясь при этом и тонким знатоком его творчества, а также сущности русской – уже советской – действительности.¹ Новые постановщики ставят в ней жуткие сюжеты и распоряжаются судьбами людей. Очень оригинально противопоставление двух «театров»: МХАТ-а и Лубянки, ибо правящие там в пьесе Войтышко считают себя режиссерами и писателями. И если во МХАТ-е читается авторитет Немировича-Данченко и играют «Тартюфа» Мольера и «Вишневый сад» Чехова, то в «новом театре» следователь НКВД Николай Шиваров и его сотрудники Чертов и Правдин² расписывают правила «современной драматургии», они – мастера искусных ложных монтажей, которыми шантажируют арестованных и с удовольствием придумывают всякие приемы унижений и пыток. Правдин направляет Чертова: *Это же искусство, Вася! Искусство. И продолжает: Так-то, Вася. Тут надо быть инженером человеческих души [2, с. 8]*. Он хорошо усвоил новую лексику и новую стратегию управления и повторяет известные слова Правителя. Этой ссылкой вводится дискурс власти и у зрителя/читателя создается ощущение, что тень Сталина распростерлась повсюду. Его образ, выражения, поступки уже проникли как в жизнь общества, так и в сознание отдельных людей. М. Войтышко изобретательно подает несколько примеров по ходу действия:

¹В драме инкрустированы также цитаты из самых известных пьес Чехова, а особый штрих в обрисовке «театральной кухни» привносит образ жены А. П. Чехова – Ольги Книппер, с ее манерностью и претензиями. Но этим своим поведением она постоянно подчеркивает и глубокое расхождение между прошлым и настоящим. Традиции навсегда разрушены.

²Очевидна семантика выбранных для этих персонажей фамилии, которые говорят сами за себя.

I. Актер Берков получает незначительные роли на сцене,¹ но его роль в жизни тяжела – он «стукач», все обо всех должен знать, может проникнуть везде, мнит себе, что именно он подсказал Булгакову написать пьесу о «Вожде народов»², и тот действительно взялся за работу. Берков воображает себе, что осуществляет связь между теми, кто у власти, и писателем, который должен служить им.

II. Знаменитость МХАТ-а – Василий Качалов придумал, что коллектив театра может отправить письмо Сталину с просьбой позвонить больному, чтобы тот воспрянул духом, и даже успел приобщить к этой идее Сашу Фадеева.³ В конце драмы узнаем, что Булгаков умер, явно не дождавшись (как и в жизни) этого высочайшего благоволения. Финал у Войтышко перекликается с упомянутой выше пьесой «Полоумный Журден», где судьба Мольера подобна. Известно, что Михаил Афанасьевич был пристрастен к истории жизни и творчества великого французского комедиографа и проводил параллели со своим временем и с личными переживаниями в отношениях с властями, и конкретно со Сталиным.

III. Особое прочтение темы вездесущего владельца, которым пропитан весь организм общества, задает один из самых удачно обрисованных персонажей в драме – драматург и сатирик – Николай Эрдман. Он является своеобразным связывающим звеном, сцепляющим в одно целое довольно разрозненные своими социальными, эстетическими и нравственными позициями, а также и эмоциями, действующие лица в пьесе. Прибыв нелегально в Москву, ибо он выслан оттуда без права проживания, Николай Робертович появляется на квартире у Булгаковых и успокаивает Елену и Ольгу: *В данный момент я невидим, не существую [...] на собственный страх*

¹Это единственный среди артистов и служащих во МХАТ-е выдуманный образ, которому дают маргинальные роли. На сцене идет «Вишневый сад», а в ремарке поясняется: *Вбегают Берков в костюме Прохожего, слегка напоминающем Коровьева* [2, с. 18]. На примере его трагической судьбы – жена сослана и умерла в одном из многочисленных лагерей – а он в конце действия сходит с ума, Войтышко изображает жизнь миллионов погибших и затравленных во времена Великой чистки.

²Имеется ввиду последняя пьеса М. Булгакова «Батум».

³По тем временам и долгое время несменяемый председатель Союза советских писателей.

и риск [...] То-есть меня нет. А человек, которого нет на свой страх и риск – это вообще мистика [2, с. 12]. Реплики Эрдмана – источник аллюзий с романом «Мастер и Маргарита», также внушают ту ирреальность происходящего, о которой говорилось раньше. Но они и очень цветисты, насыщены цитатами из произведений Н. Островского и А. Чехова, из его уст звучит игорькая правда о политических репрессиях.

Эрдман у Войтышко полнокровный и правдивый образ. Он, несмотря на свое положение, успевает все время шутить, показывая исключительную стойкость характера во всех ситуациях. В сценах с ним, а он оказывается везде: приходит к Булгаковым навестить больного друга, прибывает тайком, но без страха в театр, сохраняет самообладание духа и когда приводят его на Лубянку, акцентируется контрастность между его моралью и отсутствием таковой у некоторых «новых людей». Неслучайно ему определена роль **главного свидетеля** происходящего в стране. В разговоре с Еленой он включает трогательный короткий рассказ о том, как арестованный и приговоренный Мейерхольд подарил ему свою шинель (и тут просвечивает что-то из призрачного мира любимого Булгаковым Гоголя). Его судьба застигла еще многих деятелей литературы и искусства. Список конкретных имен талантливых мастеров слова, который перечисляет Елена Сергеевна, озвучивает сцену как траурный марш и сильно воздействует на зрителя.¹ В роли Эрдмана очень оригинально сочетаются *factandfiction*, трагическое и комическое. Многогранность персонажа с коннотациями, подсказанными автором, внушают идеи о различных толкованиях. Одно из них подано вроде случайно буфетчиком, в ответ на вопрос постоянно расспрашивающего Беркова, не успевшего разглядеть удаляющегося с Качаловым Эрдмана, который кроме того говорил по-немецки! Ермолай неопределенно и незаинтересованно отвечает:

¹ Ограниченный объем не дает возможности более подробно уделить специальное внимание акустической организации драмы, указанной автором в ремарках. Он предлагает богатый фон из представлений, которые идут на сцене, но слышны в буфете МХАТ-а, или из страшного «озвучивания» с соседней невидимой комнаты пыток на Лубянке. Таким стереоэффектом воспроизводится плотная картина времени, а также создается возможность воспринимать реплики актеров, звучащие в унисон или в контраст под данным «аккомпанементом».

Не знаю. Вроде то ли делегат, то ли консультант [2, с. 19]. Кроме отсылки к образу вездесущего *консультанта* из романа Булгакова, тут происходит и сатирический стык контрастов происходящего. Но этот стык окончательно вспыхивает, когда арестованного вновь Эрдмана приводят на Лубянку, сажают на место следователя Шиварова и заставляют его, под угрозой дополнительного наказания, «сшивать» сценарий для их Ансамбля песни и пляски НКВД. По поручению товарища Берия этот коллектив примет участие в большом празднике – ведь вся страна готовится отмечать Юбилей Иосифа Сталина. Эрдману обеспечивают все условия для «творчества», но будучи за столом Шиварова, он оказывается в неожиданной ситуации: нечаянно узнает страшную тайну доносчика Беркова. Все увязли в расставленной системой сети, а часто роли палачей и жертв меняются.

Подводя итоги перечисленных примеров о незримом, но осязаемом везде присутствии Правителя, можно перефразировать знаменательное выражение: *«Все мы вышли из гоголевской шинели»* в *«Все персонажи Войтышко вышли из-под сталинской тени»*.

Польский драматург выдвинул нестандартное решение темы тоталитаризма, интерпретируя ее средствами комического и трагического, мистерии и фактологической достоверности. Выбрав тему сюжета «последние дни» жизни Булгакова, он развернул панорамное изображение, переходящее от конкретного к условному, от смеха к ужасу. И хотя в финальной сцене, после похорон Булгакова, которые проводились в театре (снова навязывается ощущение какой-то ирреальной, кошмарной игры), уборщица Аннушка говорит: *А сегодня я не очень-то и знаю, кого хоронили. Булгаков. Был, что ли, у нас такой?* [2, с. 27,28], то полоумный Берков, распрощавшись со всеми своими иллюзиями и прозрев свою никчемную, уничтоженную жизнь, достигает до прозрения, как можно при всех обстоятельствах жизни сохранить свое достоинство. Для этого нужен *Огромный талант. Обыкновенный человек имеет альтернативу – либо жить на коленях, либо умереть стоя. А гению дано – стоять на коленях, не будучи коленопреклоненным* [2, с. 29].

Войтышко, на примере жизни Булгакова, раскрывает заблуждение власть имущих, что могут принудить всех людей – и

обыкновенных, и талантливых – стоять перед ними на коленях, опустив голову. Таланты, даже с переломленными судьбами, никогда не будут **коленопреклоненными**.

Вслед за польской пьесой, в 2005 г. эстонским писателем и литературоведом Яном Ундуском была написана драма «Bulgakoff», которая, однако, мало известна за пределами его страны. В 2011 г. Джон Ходж, ставший популярным своими киносценариями и особенно фильмом «Трейспоттинг», оригинально интерпретировал отношения между Булгаковым и Сталиным в своей «сюрреалистической фантазии» (как определил ее критик Майкл Биллингтон) «Сотрудники»¹. Так Михал Миранек перевел на русский заглавие, но рассуждения над этим текстом, являются темой уже другого исследования.

В заключении можно обобщить, что драматургические вариации на тему Булгакова немногочисленны, но видно, что писатели разных стран продолжают проявлять интерес к его жизни и творчеству и предлагают оригинальные авторские решения.

Библиографический список

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Том четвертый. – М.: Художественная литература, 1990. – 124 с.
2. Войтышко М. Булгаков //Театральная библиотека Сергея Ефимова. Перевод, БуховЛ, 2003. – 8, 12, 17, 18, 19, 27, 28, 29, 32, 33 с. – Режим доступа: <https://theatre-library.ru/> (даты обращения: 22.08 – 29.09.2021).
3. Соколов Б.В. Булгаковскаяэнциклопедия. – М.: Локид; Миф 1996. Лежим доступа: www.bulgakov.ru/k./kabala/ (дата обращения: 7.09.2021).

¹Оригинальное заглавие, под которым пьеса прошла с большим успехом в Королевском национальном театре в Лондоне (преьера состоялась 25 октября 2011 года) – «Kollaborators». В Эстонском театре (в г.Таллин) Мерле Карусо поставила ее как «Соавторы».

Чекова-Димитрова Илиана Чекова
доктор филологии, доцент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского,
Болгария, г. София
e-mail: iliana_chekova@slav.uni-sofia.bg

Chekova-Dimitrova Iliana Chekova
PhD, Assoc. Professor
Sofia University St. Kliment Ohridski,
Bulgaria, g. Sofia
e-mail: iliana_chekova@slav.uni-sofia.bg

И.Ч. Чекова

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН –
ЗАМЕТКИ К ПРЕПОДАВАНИЮ СЛАВЯНСКОЙ
МИФОЛОГИИ
В СОФИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Аннотация: В статье рассматривается история преподавания славянской этнологии и фольклора в Софийском университете, присутствие славянской мифологии в лекционных курсах университета со времени его основания до наших дней. Обращается внимание и на историю преподавания русского фольклора и восточнославянской демонологии. Текст знакомит читателей с понятием фольклорная демонология и его терминологическими синонимами, с индивидуальными и общими особенностями персонажей восточнославянской фольклорной демонологии (домовой, ови́нник, банник, водяной, русалка, леший, полевик и др.), а также с современными научными исследованиями в данной области. В качестве визуального материала приводятся иллюстрации восточнославянских демонов русского художника Ивана Билибина.

Демоны отличаются зооморфными и человеческими признаками, способны превращаться, имеют особое звуковое поведение, появляются в пограничные пространства и временные периоды. Защитой от нечистой силы являются амулеты, определенные растения, предметы, определенное физическое и речевое поведение или антиповедение.

Ключевые слова: преподавание славянской этнологии и фольклора, Софийский университет, фольклорная демонология, восточные славяне, домовой, ови́нник, банник, водяной, русалка, леший, обереги, специфическое и общее

I.C. Chekova

**FOLKLORE DEMONOLOGY OF THE EAST SLAVS –
NOTES TO TEACHING SLAVIC MYTHOLOGY AT SOFIA
UNIVERSITY**

Abstract: The article examines the history of teaching Slavic ethnology and folklore at Sofia University, the presence of Slavic mythology in the lecture courses of the university from the time of its foundation to the present day. Attention is also paid to the history of teaching Russian folklore and East Slavic demonology. The text deals with the concept of folklore demonology and its terminological synonyms, with the individual

and general features of the images of East Slavic folklore demonology (spirit of the house, barn, bath, water, spirit of the forest, field, mermaid, etc.), as well as with modern scientific research on the topic. Illustrations of East Slavic demons by Russian artist Ivan Bilibin are presented as a visual material.

Demons are distinguished by zoomorphic and human characteristics. They are capable of transforming, have a special sound behavior, appear in border spaces and time periods. As means of protection against evil spirits serve amulets, certain plants, objects, certain physical and speech behaviour or anti-behaviour.

Keywords: teaching Slavic ethnology and folklore, folk demonology, Eastern Slavs, spirit of the house, barn, bath, water, spirit of the forest, field, mermaid, amulets, specific and general

Предлагаемая статья, посвященная 75-му юбилею специальности «Русская филология» в Софийском университете, выражает мою искреннюю признательность нашим преподавателям и учителям. Статья имеет своей целью познакомить студентов, изучающих «Русский фольклор и этнологию» с присутствием славянской мифологии в лекционных курсах университета со времени его основания, с понятийным комплексом и системой персонажей восточнославянской фольклорной демонологии, а также и современными научными исследованиями на данную тему.

Обращая взгляд к прошлому Историко-филологического факультета Высшего училища в Софии (основанного в 1888 г. и переименованного в 1904 г. в Софийский университет), и к истории преподавания славянского фольклора и этнологии в нем [23], можно увидеть, что мифологические верования славян были представлены еще в курсах основателей Университета и первого поколения профессоров: А. Теодорова-Балана, И. Шишманова, М. Драгоманова и Д. Матова, Л. Милетича и М. Г. Попруженко. Изложенные сведения взяты из архивных документов «Разписи на лекции в Софийския университет» в период 1897-1983 гг., которые хранятся в Информационном отделе Университетской библиотеки, из учебных планов, справочников и др.

Александр Теодоров-Балан (1859-1959) читает курс «Общославянская этнография и диалектология».

Выдающийся литературовед и фольклорист Иван Шишманов (1862-1928), профессор по всеобщей литературной и культурной истории, а также по сравнительной истории литературы, является

основателем и редактором (1889–1902) серии «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (СБНУ).

Украинский историк, лингвист, фольклорист и писатель Михайло (Михаил) Драгоманов (1841-1895) до эмиграции в Болгарию был профессором общей истории в Киевском университете. Он приглашен читать лекции в Софийском университете проф. И. Шишмановым и вместе с ним становится одним из основателей СБНУ. Драгоманов рассматривает в своих научных трудах судьбу ряда мифологических, евангельских и исторических сюжетов на славянской почве.

Димитр Матов (1864-1896) заканчивает историю, лингвистику, литературу и фольклористику в Харькове и слушает лекции Марина Дринова и Александра Потебни, специализируется в области славянской филологии у Ватрослава Ягича (1891) в Вене и у Августа Лескина (1892) в Лейпциге. Д. Матов закладывает основы этнологии у нас и в духе миграционной теории сравнивает болгарский фольклор с фольклором других славянских и балканских народов. В определенный период он (вместе с И. Шишмановым) является редактором серии СБНУ. Среди его статей, посвященных мифологическим образам, следует назвать «Нави» (1889) и «Верзиулового коло и навите» (1895), которые углубляют представления о навиях как злых духах, мучающих рожениц.

Основоположник сравнительного славянского языкознания в Болгарии Любомир Милетич (1863-1937) долгие годы преподает «Славянскую этнографию» и руководит «Славянским семинаром», переименованным позже в «Семинар по славянскому языкознанию и этнографии». С 1892 г. он является преподавателем Высшего училища в Софии.

Внимание на славянскую мифологию и русские фольклорные традиции обращал в своих лекциях по русской литературе, вероятно, и белоэмигрант, историк, филолог, славист и болгарист М.Г. Попруженко (1866 – 1944). Его карьера профессора до эмиграции связана с Новороссийским университетом, а с 1920 г. – с должностью профессора на Кафедре славянской литературы при Историко-филологическом факультете Софийского университета. Параллельно с курсами по литературе он читает курсы «Русская народная поэзия»

(1927-1928, 1933-1934, 1935-1936 гг.) и «Русская народная словесность» (1938-1939 и 1942-1943 гг.).

Аспекты славянской мифологии и фольклора бесспорно присутствуют в лекционных курсах общей и исторической славянской этнографии Стояна Романского (1882-1959). Названия учебных дисциплин достаточно красноречиво говорят о том, что в них рассматривались проблемы общеславянской этнологии: «Славянская этнография», «Введение в славянскую этнографию», «Славянская мифология», «Славянские обычаи», «Славянские свадебные и похоронные обычаи», «Славянские народы», «Славянский быт», «Славянская народная вера» и др.

В 1950 г. Историко-филологический факультет делится на два факультета: Философско-исторический и Филологический, а в 1965 г. на основе Филологического факультета обособляется Факультет славянских филологий и Факультет западных филологий. В 1946 г. создается специальность «Русский язык и литература», а с 1953 г. единая специальность «Славянская филология» профилируется в три самостоятельные специальности – «Болгарская филология», «Русская филология» и «Славянская филология». С 1953 г. студенты-слависты слушают «Славянскую этнографию» и «Славянский фольклор».

На Факультете славянских филологий в 50-70 гг. славянский фольклор и этнографию преподают Цветан Тодоров, Цветана Романска (Вранска), а в 80-90 гг. и позже – Антонина Афанасиева-Колева, Йорданка Холевич, Валентина Пирова, Флорентина Бадаланова. В учебниках Цв. Тодорова (*Лекции по славянска этнография. С.*, 1952) и Цв. Романской (*Славянски фолклор. Очерци и образци. С.* 1963, *Славянските народи. Етнографска характеристика. С.* 1969) славянская демонология не представлена. Возможно, она присутствует в исследованиях и дипломных работах, осуществляемых в рамках кружка по славянской этнографии и фольклористики, основанного и руководимого Цв. Романской. В 1976 году, восемь лет после кончины Цв. Романской, кружок, названный в ее честь, восстанавливает свою деятельность под руководством А. Афанасиевой-Колевой до 1990 г.

В период 1992-1994 г. основным преподавателем курса славянского фольклора является Флорентина Бадаланова. Сразу

после своего назначения она меняет старое название курса «Славянская этнография и фольклор» (который вела А. Афанасиева-Колева) на «Фольклор и культурная антропология славян». Наряду с лекциями и семинарскими занятиями по этой дисциплине, Ф. Бадаланова ведет и семинарские занятия по «Болгарскому фольклору». Она руководит также кружком им. Цв. Романской и до 1994 г. участвует в научной работе семинара по практической этнологии и медиевистике им. Ивана Шишманова (до 1989 г. кружок по болгарскому фольклору) вместе с коллегами из Ассоциации «Онгъл» Росеном Малчевым и Константином Рангочевым. В ее курсах (которые я слушала, будучи докторантом), а также в ее исследованиях, особое место занимают народные мифологические верования, отраженные в обрядах, песнях и фольклорной прозе.

На сегодняшний день культурную антропологию и фольклор студентам- болгаристам и славистам на Факультете славянских филологий преподают Николай Папучиев и Мария Илчевска.

Осенью 1946 г. на Историко-филологическом факультете Софийского университета основана специальность «Русский язык и литература». В 1948/49 г. Цв. Тодоров включает в обучение курс «Восточные славяне», который связан с потребностями новой специальности. В учебной программе первых выпусков студентов первоначально присутствуют как обязательные дисциплины «Славянская этнография», с 1953-1954 г. – «Славянская этнография со славянским фольклором», а с 1954-1955 г. – две самостоятельные дисциплины «Славянский фольклор» и «Русский фольклор», которые читали Цв. Тодоров и асс. Цв. Романска (Вранска).

Лекции по русскому фольклору в 50-70 гг. ведет Евдокия Метева, в 80-90 гг. и до 2001 г. Людмила Боева, а с 2001 г. – Илиана Чекова. Проведение семинарских занятий по русскому фольклору возлагается в разные периоды на С. Ставреву, Е. Николова, Е. Тотолакову, А. Вачеву, И. Чекову и Е. Анастасову в качестве штатных или внештатных ассистентов Л. Боевой. Мне посчастливилось быть ученицей проф. Боевой [22] и доц. Метевой [25], слушать лекции Людмилы Боевой по русскому фольклору и древнерусской литературе, а позже стать ее докторанткой и вести семинарские занятия по фольклору – сначала как внештатный (с 1991 г.), а потом

и как штатный преподаватель (с 1995 г.).

Для студентов-русистов, слушающих фольклорные дисциплины, очень важны имена двух преподавателей – не только как увлекательных лекторов, но и как авторов учебника и хрестоматии по русскому фольклору. Это Евдокия Метева, автор учебника *Русский фольклор* (С., 1982, 1991, второе издание), и Людмила Боева – автор учебника *Русский фольклор. Очерки и образцы* (С., 1991). Что касается фольклорной демонологии, некоторые ее аспекты затрагиваются в них в связи с жанром былички и сказки.

О фольклорных верованиях и низшей демонологии идет речь и в спецкурсе «Этнография», с уточнением «Русская этнография» (с 1998 г.), позже переименованном в «Русскую этнологию». В период 1987-2002 г. этот курс читают Е. Марушиакова, И. Чекова, Ф. Бадаланова и Е. Анастасова. С 1992 по 1994 г. Ф. Бадаланова развивает свой курс по этой дисциплине в направлении этнолингвистики и вводит некоторые научные принципы, выдвинутые Никитой Толстым.

На сей день языческая религия и фольклорные демонологические верования, как аспект культурной антропологии славян и славянского фольклора, присутствуют в разных лекционных курсах Софийского университета, а именно в курсах культурной антропологии, этнологии и фольклору для филологов болгаристов, славистов, русистов, а также для историков.

Тема восточнославянской демонологии в контексте общеславянских верований включена в программу русистов по фольклору с 2003 г., когда учебная дисциплина «Русский фольклор» была переименована по предложению И. Чековой в «Русский фольклор и этнология».

В настоящее время вопрос фольклорной демонологии затрагивается И. Чековой в спецкурсах, читаемых студентам бакалавриата «Быт и ритуал в Древней Руси» (2010-2016), «Святые и святость в Slavia Orthodoxa» (2017-2018), «Средневековые практики и ритуалы у православных славян» (2018-2019) и в обязательной дисциплине «Русская культурная антропология» (модули «Праздники и повседневность в Древней Руси»; «Семиотика

владельца и власти в Древней Руси») как часть магистерской программы Кафедры русской литературы «Русская литература, культура и художественный перевод».

В лекционном курсе для русистов «Страноведение России» Ростислав Станков останавливается на вопросе: *Дохристианская Русь. Древние славяне. Языческие верования древних славян*. Тема славянских мифологических верований разрабатывается также в спецкурсах «Средневековие и сакральность (Народное христианство)» и «Средневековое культурное пространство (К Encyclopaedia slavica sanctorum)» Росена Малчева и Константина Рангочева, издающих серию «Годишници на Асоциация *Онгъл*», а также в курсах «Миф и фольклор» Марии Илчевской и «Христианские праздники» Искры Христовой-Шомовой, которая является составителем сборника «Между ангели и демони» (С., 2005). Монография Р. Малчева «Агиология и демонология (Напряжения в структурата на фолклорната вяра)» (София, ИИК "РОД", 2017) затрагивает процессы взаимодействия между религиозными и фольклорными ментальными структурами в культурном пространстве.

В рамках Исторического факультета, который отделяется от Философско-исторического факультета в 1972 г., в тесном сотрудничестве с Институтом фольклора БАН в 1995 г. создается специальность «Этнология». Кафедра этнологии на Историческом факультете возглавляется Иваничкой Георгиевой с 1990–2000 г. Студентам новой специальности курс «Славянская этнология», «Болгарский фольклор» и спецкурс «Традиции и идентитет» (1996–2007) читает Екатерина Анастасова, акцентируя на мифологических верованиях отдельных групп славян. Спецкурс «Традиции и идентитет», специально разработанный Е. Анастасовой, после 2007 г. не читается. С 2007 г. до настоящего времени курс «Славянская этнология» ведет Мира Маркова.

*

Термин *фольклорная демонология* имеет ряд синонимов – народная демонология, низшая мифология [12], народные поверья, суеверия и предрассудки [8]; нечистая сила [16], народные верования [9, 7], мифологические представления, потусторонний мир [22],

сверхъестественные существа, мифические персонажи, пандемониум [1], альтернативный космос¹, демоны, демонические персонажи, неземные силы [18], потусторонний мир, демонологический антимир (С.Ю. Неклюдов) и др. Славянская фольклорная демонология, в отличие от языческой мифологии (известной еще как языческая религия славян, высшая мифология), вбирает в себя систему фольклорных представлений, которые бытуют неофициально и после принятия христианства. В 988 г. восточные славяне в Киевско-Новгородской Руси принимают христианство, но разлучиться с языческим прошлым было не так легко. Считается, что в обществе долгое время было характерно своеобразное «двоеверие»: следование одновременно христианским нормам и языческим ритуалам. В более поздние христианские времена уже давно утвердившиеся в христианстве славянские народы продолжают с осторожностью относиться к неведомым силам иного мира. Так, русские говорят: «Бога люби, но и черта не гневи!» [9, с. 411], а болгары – «*Не дърпай дявола за опашката*».

Корни фольклорной демонологии отдельных групп славян ведут нас к их общим языческим верованиям. Низшая мифология восточных славян имеет много общих черт с низшей мифологией южных и западных славян. Фольклорные источники сравнительно поздние – это записанные фольклористами устные предания, легенды, демонологические рассказы (былички), сказки, заговоры, пословицы и др. Некоторые из образов, такие как *бес/черт*, привнесены вероятно из византийских литературных источников или частично корреспондируют с ними [21]. Древнерусская литература также обогащает представления в этой области («Повесть временных лет», жития в патериках, «Путешествие на бесе Иоанна Новгородского», «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Савве Грудцыне» и др.).

Каков народный взгляд на *происхождение* существ низшей демонологии? Согласно одной восточнославянской легенде, *Господь бог прогнал с небес взбунтовавшихся ангелов, и они начали падать на землю*. Один ангел упал в лес и превратился в дух леса «леший»,

¹Термин введен в научное обращение Ф. Бадалановой в ее лекционных курсах в Софийском университете 1992–1994 г.

другой упал в воду – и превратился в дух воды «водяной», третий упал на дом и стал духом дома («домовой») и т. д. [8, с. 413]. Эта легенда имеет также апокрифические интерпретации (например, «Славянская Книга Еноха Праведного», «Легенда о Море Тивериадском», «Сказание о том как Архангел Михаил победил Сатанаила» и др.) [2, с. 360–363; 3, с. 59-95; 27, с. 105, 109-110; 29, с. 101–105]. Итак, бесы и демоны – падшие ангелы, которые восстали против Бога, за что они были сброшены с небес.

Существует и другое фольклорное понимание о происхождении нечистых духов. Большинство из них – это существа, которые происходят из группы «нечистых покойников» или «заложных покойников» (по терминологии Д.К. Зеленина). В «нечистые покойники» превращаются умершие неестественной (насильственной, «не своей») смертью, те, кто «умер молодым, раньше срока, предназначенного при рождении», те, чьи души после смерти блуждают в мире живых. Это те, кто доживает свой срок, «пребывая на границе земного и потустороннего миров». Согласно народным представлениям, в злые и мстительные демоны, которых называют нечистыми или «заложными покойниками», превращаются люди, в жизни и смерти которых наблюдается нарушение традиционных представлений, ритуалов, этических норм и пр. – насильственно убитые, самоубийцы, утопленники, проклятые, преданные анафеме и отлученные от церкви, погибшие в результате природных бедствий, над которыми не совершено отпевание, те, кто живет слишком долго, мертворожденные, некрещеные дети, родившиеся в нечистые дни, второй раз вскормленные, пьяницы, разбойники, ведьмы, колдуны и др. «Заложными покойниками» они называются в связи с представлением о том, что их надо похоронить не как обычно (хоронили за пределами кладбища, в ямах, оврагах, болотах, закладывая сверху листьями и ветками, т.е. они не зарытые в землю, а заложены бревнами), чтобы обезвредить их опасные для людей силы и предотвратить хождения тех, чьи земные дела не были завершены. «Нечистым покойникам» противопоставляются родовые покойники, предки покровители, которые считаются «правильными покойниками». [9: 352–354; см. также 14].

Фольклорную демонологию восточных славян можно

уподобить кипящему источнику, из которого бьет не «живая вода» исцеления, а странные существа, которые стремятся занять разные пространства – дома, двора, сараи, хлева, бани, леса, воды и неба. Похоже, что они сосуществуют параллельно и безнаказанно с христианскими представлениями о мире. Остановимся на главных существах этого альтернативного космоса, опираясь в основном на классический труд Д. К. Зеленина – *Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin, 1927 – по его изданию на русском языке: *Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография*. Москва, 1991 (гл. XII. Народные верования) и на соответствующие статьи из этнолингвистического словаря «Славянские древности». Отдельные образы иллюстрируются рисунками русского художника Ивана Билибина.

Домовой – это дух дома. Жилище – это культурный феномен, а

Рис.1 Домовой

сверхъестественные существа – покровители жилища, характерны для мифологических систем многих этносов [1]. Восточнославянский домовый сочетает элементы культа предков и культа домашнего очага, т. е. огня. Живет под печкой, за печью, на печи, под печным столбом, в подполе или под дверным порогом, т. е. в пространстве возле домашнего очага (Рис.1). Он «невидим, но иногда он показывается людям, чаще всего приняв облик самого хозяина дома, живого или мертвого. Он появляется также в виде старика с длинными седыми спутанными волосами и бородой, иногда без бровей...». Он обычно мохнатый и может

обращаться в образы разных животных, принимает зооморфный облик: кошки, собаки, коровы, бычка или, реже, змеи, крысы, лягушки. Домовой сторожит дом и оберегает его. «Если он сердит на хозяев, то ночью стучит, щиплет спящих, бьет посуду, а иногда даже выгоняет людей своими проделками из дому. В качестве жертвы ему оставляют на ночь еду» [9, с. 413].

Рис. 2 Кикимора

Домовой имеет и женский вариант – доманя, домаха, маруха, которых считают женами домовых. Кикимора – это злой женский дух дома (Рис. 2). Этимология названия ведет к древнему названию духа дома, известному славянам – марá, сохранившемуся в словах *mará*, (горнонемецкий), *night-mare* (английский) «кошмар», *chauche mar* (французский), и его вредоносным действиям (по Д.К. Зеленину). Корень *мор* имеет негативное значение, отраженное, по всей вероятности, в славянских словах *смерть*, *мор*, *мороз* и др.

Различаются также *дворовой*, *хлевник*, *овинник* и *гуменник*, которые

живут во дворе и в надворных строениях. *Дворовой* – повелитель двора и домашнего скота. В зависимости от своих симпатий он холит или мучает коней, заставляет петуха кукарекать, пересыпает жито в амбаре, увеличивая его количество, иногда стрижет шерсть с овец. *Овинник* и *гуменник* в славянских поверьях – помощники домового, они главные, соответственно в овине и сарае.

Овинник черный, похож на огромного черного кота с горящими глазами, на медведя, собаку или на высокого, лохматого старика (Рис. 3).

Рис. 3 Овинник

Он одновременно милостив и мстителен. «С одной стороны, овинник помогает своему хозяину: по ночам переносит снопы на ток, довозит зерно, ночью стережет солому...». «С другой стороны, овинник – опасный и мстительный дух: рассердившись, он может наказать человека угаром, сжечь, убить, а также спалить оwin

(рус.бел.), особенно если его топить в те дни, когда

овинник – «именинник». Рассерженный овинник способен закинуть хозяина в печь. Овинник пугает людей страшным хохотом, голосом, стуком и хлопанием в ладоши. Нельзя в овине без нужды упоминать овинника, особенно на ночь, иначе тот напугает и навредит». [15, с. 494].

Банник –получает свое имя по месту обитания в бане. Он обычно невидим, но может принять вид голого старика, покрытого листьями от веника или грязью, с длинными волосами (Рис. 4). Обитает за каменной печкой (каменкой) и под полком. Превращается в кошку, собаку или белого зайца. Чтобы умиловить банника, ему оставляют в бане кусочек мыла, воду в бочке и веник. Задабривали также хлебом и солью и чёрным петухом или курицей, которые закапывали под порогом новой бани. Рассерженный банник может задушить, ошпарить кипятком, напустить угар, бросать раскалённые камни и даже подменить новорожденного младенца на уродливого ребёнка. Особенно сердит он на купающихся поздней ночью или последними [4, 9, с. 285].

Рис. 4 Банник

Баня считается в народных верованиях «нечистым» и опасным локусом. В ней проводятся девичьи гадания о будущем браке и не только [21]. «Поверья о бане как о месте контактов с нечистой силой определяли особый характер отношения к ней. Перед входом в баню крестились. Войдя, произносили специальные формулы заклинаний, приветствий, просьб (...)

В бане следовало вести себя осторожно, нельзя было громко говорить, ругаться, смеяться, хвастаться. В бане не вносили икон, не делали крестов горячей страстной свечой, нельзя было входить в баню в праздничные дни. Баня считалась самым подходящим местом для колдовства, магии, гаданий, сделок с чертом и т. н.» [5, с. 140]

Баня присутствует в ряде обрядов инициации. Следует припомнить ритуальную баню будущей невесты в сопровождении подруг как прощание с девичьей жизнью и предсвадебные песни с описанием этого ритуала [25, с. 209]. Посещение бани рассматривалось Е. Кагаровым как пережиток древнего обряда свадьбы невесты с духом бани, которому она отдавала свою девственность. Мытье молодожёнов и попарное мытьё гостей, т.е. мужчины и женщины, устраивались в послесвадебные дни [9, с. 340].

Водяной властвует над царством вод, населенного рыбами. Он живет в глубоких омутах и опасных водоёмах. Его могут встретить обычно рыбаки и мельники, а иногда и пасечники. Водяной имеет зооморфный облик – принимает образ рыбы – щуки, сома или др. (Рис. 5). Если он появляется в образе человека, то ему присущи

Рис. 5 Водяной

зелёные или чёрные волосы и кожа как у налима. Поведение его амбивалентно – он помогает рыбаку в рыбной ловле, охраняет у мельника запруду, но того, кто купается в полдень и ночью утопает. Утопленники становятся слугами водяного, девушки – русалками или его женами. «Бурю на море также часто приписывают водяному. Рассказывают, что во время шторма, чтобы умиловить водяного, бросали в воду моряка, которому выпадал жребий» [9, с. 416].

Отголоски этих верований проникли в былинку

«Садко», где купцу и музыканту Садко выпал жребий пойти к морскому царю на дно моря. Дети водяного – это *шуликуны* (святочная нечисть). Они активны в период зимнего солнцестояния – накануне Рождества и Нового года до Крещения и водосвятия.

Русалка – это девушка, умершая преждевременной или насильственной смертью, утопленница, самоубийца и пр. На том свете она доживает свой срок, пока не наступит ее естественный конец. Русалки появляются там, где они умерли или похоронены. У севернорусских распространено представление о шутовке, водянице, хитке и чертовке. Восточнославянские русалки родственны болгарским самодивам, самовилам и вилам. «По народным представлениям, обычно русалки похотливые женщины, которые проводят время чаще всего в любовных играх с юношами и по отношению к человеку ведут себя враждебно без всякой на то

причины» [9, с. 419; см. также 10]. Любовная активность русалок, вероятно, развившееся позже представление, отсутствующее в изначальных образах. Она испытывает влияние литературы и конкретно творчества писателей-романтиков XIX века [6, с. 499]. С течением времени русалкам начинают придавать черты греческих нимф и сирен.

Рис.6 Русалка

Худ. Ст. Ковалев /*Александр Пушкин, Приказки*. Преводач Ал. Миланов. София, 1986. Приведенное ниже изображение русского художника Ив. Билибина стоит ближе к изначальным восточнославянским представлениям о русалке (Рис. 6).

Леший – глава лесного царства (Рис. 7), населенного в основном зверями и птицами. Эхо в лесу является криком лешего. Леший любит свист в лесу и игру в щекотки с людьми. Он «отличается от людей только тем, что у него синяя кровь и нет ни бровей, ни ресниц; кроме того, он не отбрасывает тени. Он может по своей воле увеличиваться или уменьшаться: в лесу он становится ростом с лес, в

Под влиянием греческой мифологии начинают представлять русалки с хвостами. т.е. хвост русалки – вторичное явление. Совсем не в духе исконного фольклорного представления о русалке как необычной девушке, но всё-таки с ногами, можно увидеть ее одновременно с хвостом и раскачивающейся на ветке дерева в иллюстрации к знаменитому стиху («У лукоморья дуб зелёный») А. С. Пушкина из поэмы «Руслан и Людмила» в сборнике русских сказок и в его болгарском переводе: *А.С. Пушкин. Сказки*. 1979,

поле – как трава. Нередко он принимает облик различных животных. Обычно его считают добрым, честным и сговорчивым, даже глупым (...). Он любит подшутить над человеком: обведет его, т.е. отнимет память, а человек потеряет дорогу и заблудится в лесу. Обманув человека, он радуется, громко смеется и хлопает в ладоши» [9, с. 415, см. также 12].

Рис. 7 Лес

полу кафтана на правую и лапти носит не на ту ногу. От лешего можно уберечься при помощи очищенного от коры сухого липового полена (лутошки), соли, огня и матерной брани.

Рис. 8 Полевик

Как далее отмечает Д.К.Зеленин, заблудившийся должен вывернуть одежду и надеть лапти не на ту ногу, тогда ему удастся выбраться из лесной гущи. Человек, переодетый таким образом, напоминает лешего, который набрасывает левую

Полевик властвует в поле, охраняет плодородие поля, урожай хлебов, а также пасущиеся на поле стада (Рис. 8). С ним родственна *полудница* – дух полдня, который

напускает солнечные удары. В полдень летом на полях гуляет полудница и охраняет хлеба, она может убить встречных. Верят, что в полдень и вполночь нельзя купаться [9, с. 418].

Летающий змей (летучий, рассыпучий змей, летун) – имеет прежде всего ампула похитителя женщин. «Прилетает по ночам в виде огненного шара и проникает в дом, рассыпаясь в искры. Он предстает перед женщиной в облике ее покойного мужа и проводит с ней ночи. Кроме того, отнимает жен и у живых мужей. Женщины начинают хиреть, а иногда и умирают» [9, с. 417]. Образ змея-обманщика и похитителя супруги князя встречается в древнерусской «Повести о Петре и Февронии».

Интересны образы *колдуна, знахаря и ведьмы, вещицы*, как медиаторы между двумя мирами. Ведьма имеет устойчивое место в фольклорных традициях славян [17, 11, 30]. Образ вещицы, пугающей детей, в славянских фольклорных рассказах отсылает к легенде о св. Сисиние и может восприниматься как воплощение дьявола, который убивает новорожденных [28].

Общая особенность существ демонологического антимира – сочетание зооморфных и человеческих признаков [20]. Часто они имеют волосяной покров и особый цвет кожи (зеленый цвет) и крови (синий цвет), отсутствуют у них ресницы и брови, не могут отбрасывать тень, надевают одежду и обувь неправильно (левая страна ведущая), им нравится свист и игра в щекотки, обладают способностью оборотничества, т. е. превращения в различных существ, животных, неодушевленных предметов, природных явлений и др. Для этих существ характерно определенное звуковое поведение – крик, громкий хохот, стон, свист, хлопанье в ладоши. Некоторые живут в одиночку (домовой, овинник, банник, водяной, леший, полудница, змей), другие группами (русалки, шиликуны, трясовицы).

Поведение демонологических существ амбивалентно. Чаще всего они наносят вред людям, о чем рассказывают былички – народные демонологические рассказы. Домовой пугает стуком и душит, водяной топит, русалка и леший могут зашкотать до смерти, полудница – убивает или калечит тех, кто встречает в жаркий полдень, леший сбивает с дороги. Вместе с тем существа антимира могут помогать людям (домовой и дворовой ухаживают за скотиной,

овинник переносит снопы, водяной помогает рыбаку в рыбной ловле, леший качает колыбель забытого в поле ребенка и др.).

Критичные периоды для действия нечистых духов по фольклорным представлениям – это обычно пограничное время: полночь и полдень – в рамках суток, полнолуние – в рамках месяца, зимнее солнцестояние (дни накануне Рождества и Нового года до Крещения, 6 января), летнее солнцестояние (ночь накануне Иоанна Купалы, 24 июня) и др. – в рамках года. Некоторые из демонологических персонажей связаны с конкретными временными периодами – таких как полудница (полдень), шиликуны (канун святок) и др.

Критичные пространства, где можно ожидать встречу с демонами – это обычно грань между обжитым и необжитым пространством, между миром живых и мёртвых, такие как перекрёсток, кладбище, лесная глушь, болото, омут и другие пустынные или пограничные места. Опасные существа живут в деревьях, в подпольях и на чердаках, в заброшенных домах, под печью в избе или за нею, в банях, в овинах, хлевах и др. Традиционная культура выделяет «страшные» и «святые» места. Сельские святыни, церкви, часовни, источники и др. противостоят страшным локусам и стремятся нейтрализовать активность потусторонних сил [19 53-55]. Рассмотренные здесь образы домового, овинника, банника, водяного, русалки, лешего, полевика и змея занимают пространство дома, порога, печи, овина, двора, бани, озера, леса, воздуха. Такая последовательность показывает удаление каждого последующего мифологического персонажа от обжитого пространства в направлении более опасного, чужого пространства, от центра к периферии. В целом, за некоторыми исключениями, по мере удаления наблюдается нарастание их вредоносности.

Народные предписания, чтобы предохранить себя от нечистой силы общие и специфические для отдельных персонажей. К ним относится использование определенных предметов («оберегов»), растений, особый способ поведения и речи. *Оберегами от демонов* служат предметы, часто связанные с христианским культом (крест, пасхальная свеча, венки из освященных трав), и природные материалы (металл, соль, огонь, липовое полено, осиновый кол), а

также растения, обычно колючие и острые на ощупь, запах и вкус (лопух, пихта, полынь, травы и др.). Определенное поведение или анти-поведение человека также служит защитой от нечистой силы (совершить крестное знамение, прочитать молитву, вывернуть одежду, поменять обувь с правой на левой ноге и др.). Интересно проследить и речевое поведение человека, попавшего в демонологическом царстве – рекомендуется полное молчание, т.е. отсутствие коммуникации как таковой с существом этого пространства или использование экспрессивной речи, т.е. матерной брани.

Представления восточных славян о различных вредоносных духах не вредят, а напротив – оказывают благотворное воздействие на русскую литературу – начиная с древнерусской книжности (летописи, прологи, патерики и повести), проходя через романтиков XVIII в. (В.А. Жуковский), в произведениях русских классиков XIX века (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и др.), у символистов XX века и заканчивая литературой наших дней, фэнтези романами и фильмами.

Библиографический список

1. Анастасова Е. Митология на жилището (Реликти на балканското езичество в кавказо-анатолийска перспектива) // Етнология/Ethnologie, № 1, С. 98-138.
2. Бадаланова Геллер Ф. «Книга суцая в устах»: фольклорная Библия бессарабских и таврических болгар. – Москва: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 864 с.
3. Бадаланова Геллер Ф. Митологемата за падналите ангели в средновековната славянска и балканска книжнина, фолклорната словесност и иконографията (Кратки бележки). А-М. Тотоманова, Т. Славова, Седми Международен Колоквиум по Старобългаристика: Сборник доклади. – София: УИ „Св. Климент Охридски“. – 2020. – С. 59-95 (иллюстрации С. 285–288).
4. Будовская, Е.Э. Банник. // Славянские древности. Этнолингвист. слов.: В 5 т., Т. 1, – М., 1995. – С. 137-138.
5. Будовская, Е.Э., И.А. Морозов, Бая // Славянские древности. Этнолингвист. слов.: В 5 т., Т. 1. – М., 1995. – С. 138-140.
6. Виноградова Л.Н. Русалка // Славянские древности. Этнолингвист. слов.: В 5 т., Т. 4. – М., 2009. – С. 495-501.

7. Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. Иллюстрированный словарь.– СПб., 1995. – 382 с.
8. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. (Материалы по русской демонологии). – СПб.: М.О.Вольф, 1880.
9. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 512 с. Русский перевод немецкого издания книги: Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. – Berlin, 1927.
10. Илчева Р. Руската русалка// Болгарская русистика. – 2002. – 14. – № 2. – С. 24-28.
11. Королева С.Ю, Шкураток Ю.А. Русская ведьма-вещица в современных исследованиях (Ареал бытования поверий, типологические характеристики и мифологическая семантика персонажа). //Памет – Наследство – Култура. Годишник на асоциация „Онгъл”. – 2019. –17 т., год. XIII, – С. 213-235.
12. Левкиевская Е.Е. Демонология народная. // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под общей ред. Н.И. Толстого. т. 2 (Д-К). – М. – 1999. – С. 51-56.
13. Левкиевская, Е.Е. Леший// Славянские древности. Этнолингвист. слов.: В 5 т. Под общей ред. Н.И. Толстого. т. 3 (К-П). – М., 2004. – С. 104-109.
14. Левкиевская Е.Е. Покойник «заложный»// Славян. древности. Этнолингвист. слов.: В 5 т. Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 4. (П-С). – М., 2009. – С. 118-124.
15. Левкиевская, Е.Е. Плотникова А.А. Овинник// Славянские древности. Этнолингвист. слов.: В 5 т. Под общей ред. Н.И. Толстого, т. 3 (К-П). – М., 2004. – С. 494-495.
16. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Издательство: тов. Р. Голике и А. Вильборг, 1903.
17. Михайлов Н. Ведьма как архетипический персонаж. – Михайлов Н. История славянской мифологии в XX веке. – М., 2017. – С. 243-245.
18. Мицева Е. Въведение // Невидими нощни гости. Подбор и научен коментар Е. Мицева. – София, 1994. – 182 с.
19. Мороз А.Б. «Святые» и «страшные» места. Создание сакрального пространства в традиционной культуре. // Годишник на асоциация «Онгъл». – 2011. – 10 т., год. VII.– С. 45-56
20. Неклюдов С.Ю. Зоодемонизм. // Етнология и демонология, Годишник на асоциация Онгъл. – 2007. – С. 141-154.
21. Райан В.Ф. Баня в полночь. – М., 2006. – 720 с.
22. Успенский Б.А. Облик черта и его речевое поведение // In Umbra: Демонология как семиотическая система. – 2012. –№ 1.– С. 17 – 65.
23. Чекова И. Профессор Людмила Боева (1934–2001) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 1 (11). – С. 123–130.

24. Чекова И. Поглед към историята на преподаването на руски фолклор и етнология в Софийския университет «Св. Кл. Охридски» // Българска русистика. – 2010. – № 1-2. – С. 170–185.
25. Чекова И. Сватбеният текст (наблюдения върху поетиката и символика на източнославянските сватбени песни и обредни формули) // Образ – мит – текст. Годишник на асоциация «Онгъл». – 2016. – т. 14, год. X. – С. 203-230.
26. Чекова И., А. Вачева. Доц. д-р Евдокия Метева – като преподавателка, изследователка и наша учителка. In *memoriam* // Чуждоезиково обучение. – година XLV, 2018.– кн. 4. – С. 374-378.
27. Badalanova-Geller F. Cosmogonies and Mythopoesis in the Balkans and Beyond.//*Slavia Meridionalis*. – 2014. –14. – С. 87–147.
28. Badalanova Geller F. Between Demonology and Hagiology: Slavonic Rendering of Semitic Magical *Historiola* of the Child-Stealing Witch// In: J. Cale Johnson, ed. In the Wake of the Compendia: Infrastructural Contexts and the Licensing of Empiricism in Ancient and Medieval Mesopotamia. Science, Technology, and Medicine in Ancient Cultures. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2015, pp. 177–206.
29. Badalanova Geller F. Slavonic Redactions of the Apocryphal Homily of John Chrysostom on How Archangel Michael Defeated Satanail: Some Considerations// In: Lorenzo DiTommaso, Matthias Henze, and William Adler (eds.). The Embroidered Bible: Studies in Biblical Apocrypha and Pseudepigrapha in Honour of Michael E. Stone. *Studia in Veteris Testamenti Pseudepigrapha*. Leiden: Brill. – 2017. – pp. 96–131.
30. Badalanova Geller F. Mythographies of the Demonic (Notes on Slavonic and Balkan Ethnohermeneutics)// In: Janet M. Hartley and Denis J. B. Shaw (eds.), *Magic, Texts and Travel. Homage to a Scholar, Will Ryan*. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia. – 2021. – pp. 114–134.

Джилли Ребекка
докторант
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, София
email:rebeccagigli.19@gmail.com

Gigli Rebecca
PhD student
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
email:erebeccagigli.19@gmail.com

Р. Джилли

МЕЖДУ НОСТАЛЬГИЕЙ И ТРАВМОЙ: ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI В.

Аннотация. Память – очень плодотворная литературная тема, не утратившая актуальности и сегодня. Это особенно верно в отношении современной русской литературы, в которой память часто связана с ностальгией и травмой «утраченной идентичности», которые характерны для общества сегодняшней России. Цель данной статьи – рассмотреть специфику темы «памяти» в некоторых текстах современных русских авторов (В.О. Пелевина, Е.Г. Водолазкина, М.М. Степановой). Кроме того, делаются первоначальные выводы о их способах представления памяти.

Ключевые слова: память, ностальгия, травма, идентичность, современная русская литература, В.О. Пелевин, Е.Г. Водолазкин, М.М. Степанова

R. Gigli

BETWEEN NOSTALGIA AND TRAUMA: MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE OF THE 21st CENTURY

Abstract: Memory is a very widespread literary theme, which has not lost its relevance today. This is particularly true of contemporary Russian literature, in which memory is often linked to nostalgia and the “trauma of lost identity” that characterize today’s Russian society. The purpose of this article is to look at the specifics of the topic of “memory” in some texts, written by different contemporary Russian authors (V.O. Pelevin, E.G. Vodolazkin, M.M. Stepanova). These literary works are analysed to present some initial conclusions about their way of representing memory.

Keywords: memory, nostalgia, trauma, identity, contemporary Russian literature, V.O. Pelevin, E.G. Vodolazkin, M.M. Stepanova

В периоды переходов и изменений эпох и прошлое и настоящее встречаются, и на них сосредотачивается внимание человека. С одной стороны, есть желание искать и восстанавливать связь со всем, что было. С другой стороны, есть необходимость обновления. Но сегодня часто люди предпочитают убежать от будущего и обратиться

к прошлому и, следовательно, к памяти.

В этой связи, по мнению французского философа и социолога Ж. Липовецкого, тема «памяти» – одна из характеристик гипермодернизма¹, который заменил постмодернизм² в культурном сценарии. Он утверждает, что на этом новом этапе человеческой истории, когда люди все больше и больше заботятся о своем времени, старая классовая борьба заменяется новой временной борьбой: «Это уже не класс против класса, но время против времени, будущее против настоящего, настоящее против прошлого»³ [14, с.80]. Неслучайно гипермодернистический человек живет в «парадоксальном настоящем» [14, с.90], в котором мания к памяти – это не просто мода, но она определяет эмоции и становится средством создания идентичности данного человека.

А еще до гипермодернизма интерес к памяти был широко распространен в русской культуре и сегодня ее роль определяется новым русским обществом, которое можно охарактеризовать как особенно «ностальгическое» и «травмированное».

Что касается ностальгического настроения, антрополог и теоретик культуры С. Бойм считает, что ностальгия – «симптом нашей эпохи, историческая эмоция» [9], которая и является одной из черт русской национальной идентичности [9]. В частности, С. Бойм выделяет два типа ностальгии: «Восстановительная ностальгия подчеркивает *nostos* (дом) и пытается трансисторически реконструировать потерянный дом. Рефлексивная ностальгия вырабатывает *algia* (самая тоска) и задерживает возвращение домой – тоскливо, иронично, отчаянно» [9].

В России восстановительная ностальгия особенно актуальна, учитывая изобилие сериалов, фильмов, журналов, рекламы и т. п., которые ностальгически стремятся к другому времени в попытке определить идентичность новой страны. Как отмечает Н.В. Иванова в

¹ Ж. Липовецкий ввел термин «гипермодернизм», чтобы описать новую эру, начавшуюся в 1990-е годы.

² В своей монографии, посвященной постмодернизму, Ж. Липовецкий определяет этот период как «парадоксальную пустыню» [13, с.35], в которой отсутствуют великие идеалы и ценности.

³ Цитаты из нерусских источников переведены автором статьи.

своей книге «Ностальгическое» [3], это также связано с тем, что все изменения после распада СССР (изменение названий мест, памятников и т.д.) продолжают свидетельствовать о связи с прошлым в повседневной жизни.

Отличным примером такого ностальгического настроения является статья С.А. Шаргунова «Двуглазый совок», в которой писатель диагностирует свой «синдром совка»¹ [8]. Точнее, он описывает свои детские воспоминания о советском периоде. И хотя тогда он хотел свергнуть коммунизм, сегодня писатель признает, что «Теперь я наконец-то безоглядно начал жалеть пропавший совок. Лучше бы он сохранялся. [...] Миф о потерянном золоте» [8].

Этот пример также позволяет нам идентифицировать то, что мы могли бы определить как культурную травму постсоветской России, то есть «травму утраты идентичности»². Несомненно, исторические события прошлого века и недавнего времени оставили неизгладимый след в людях и поставили под сомнение даже понятие национальной принадлежности.

Неслучайно, некоторые исследователи обратили внимание на то, как русские писатели пытались преодолеть все это в литературе. Особенно интересна точка зрения Э. Рутген, которая считает «новую искренность» привилегированным средством для преодоления травм недавнего прошлого [16]. А Э. Клоуз подчеркивает, как идентичность в постсоветской русской литературе определяется на пространственном уровне, то есть через установление границ «новой» России, которые не обязательно совпадают с границами географической карты [10].

Как уже было отмечено в отношении ностальгии, и травма тесно связана с памятью: «Травма творится в общественном дискурсе, конструируется и репрезентируется обществом, обладает инерцией, оставаясь в памяти следующих поколений» [1, с.32].

¹ Этот уничижительный термин используется в повседневном языке для отрицательного описания СССР, в том числе ее общества и «советского человека».

² Здесь мы используем термин «травма», заимствованный из психоаналитической терминологии, в которой он описывает расстройство в психике человека, которое возникает после радикального изменения.

Все это показывает, что память занимает центральное место как в растущей ностальгии, так и в попытках преодолеть культурные травмы. Поэтому, часто подчеркивается вездесущность памяти в современной русской культуре. Например, еще одним доказательством этой страсти к памяти можно считать «издательский «бум» в области мемуаристики» [7, с.5]. Фактически, в последние годы не только издатели опубликовали множество произведений, относящихся к автобиографической и мемуарной прозе¹, но также появилось множество серий по этой теме².

Вот почему неудивительно, что историк и литературовед А. Эткинд считает, что важнейшие формы сохранения памяти в России принадлежат именно литературе [11, с.43]. Иными словами, в стране широко распространены те формы памяти, которые ученый определяет как «мягкие»³.

Следовательно, уместно более подробно рассмотреть, как тема «памяти» трактуется в произведениях некоторых современных русских авторов.

Память и детство: В.О. Пелевин

С. Бойм пишет, что ностальгия «на самом деле это тоска по другому времени – времени нашего детства» [9]. Неслучайно рассказ «Онтология детства» – это бегство от современности в далекий и идиллический детский мир. В тексте детство – это волшебный космос, где ничего не беспокоит. Тем не менее, даже в этой счастливой вселенной есть враги. Эти противники – взрослые, потому что «они хотят, чтобы ты стал таким же, как они; им надо кому-то перед смертью передать свое бревно» [5].

Благодаря памяти писатель понимает, что есть онтологическое различие между детским миром и миром взрослых. В них солнце, звуки, пространство не имеют одинаковых качеств. И память

¹ Интересно, что печатаются произведения разных периодов, в том числе XVIII – начала XIX веков. Кроме того, на издательский рынок входят и произведения «менее известных» авторов, таких как А.Т. Болотов, И.М. Долгоруков и т. п.

² Например, «Литературные памятники», «Литературные мемуары», «Полярная звезда», «Голоса времен» и «Русские мемуары» [7, с.4].

³ Точнее, А. Эткинд различает «твердую память (*hardmemory*)» от «мягкой памяти (*softmemory*)». Первая состоит из памятников и монументов, а вторая – из литературных или исторических источников [11, с.39].

работает иначе. Детская память – это что-то радостное, а память взрослых вызывает только меланхолию и боль.

Постепенно и почти незаметно ребенок покидает этот мир и память дает человеку понять, что мир вокруг него не изменился, но он сам потерял свою детскую идентичность и стал взрослым: «Предметы не меняются, но что-то исчезает, пока ты растешь. На самом деле это «что-то» теряешь ты» [5]. Очевидно, полностью вернуть прошлое невозможно. Это вызывает чувство ностальгии, но память оставляет проблеск надежды, потому что «Видно, побеги иногда удаются, но только в полной тайне, и куда скрывается убежавший, не знает никто, даже он сам» [5].

Память и идентичность: Е.Г. Водолазкин

Роман Е.Г. Водолазкина «Авиатор» можно читать как роман о памяти. Фактически, он рассказывает о медленном процессе восстановления воспоминаний главного героя Иннокентия, узника Соловецких островов, замороженного в эксперименте и вернувшегося к жизни в конце XX в¹.

В романе герой, заполняя страницы своего дневника, размышляет о сущности памяти. Хотя д-р Гейгер² утверждает, что это только «комбинация нейронов» [2], Иннокентию часто кажется, что память похожа на сон и, вероятно, работает по принципу удовольствия. Неслучайно вначале в его голове всплывают воспоминания о детстве, снова ностальгически описанном как идиллическая эпоха.

И в этом романе одна важная тема – невозможность полностью вернуть прошлое. Как и в предыдущем тексте, прошлое и настоящее представляют собой два совершенно разных мира, которые не могут существовать одновременно. Места выглядят одинаково, но в действительности изменились не только названия. Звуки, шумы и даже язык трансформировались: «Гейгер сообщил мне, что сейчас «Оредежь» мужского рода. И без мягкого знака. – Что, – спрашиваю,

¹ Идея воскрешения мертвых имеет давнюю традицию в русской культуре. Сегодня в России есть даже компания, предлагающая гибернацию. Одним из теоретиков возвращения к жизни после смерти является философ Н.Ф. Федоров (1829–1903).

² Именно д-р Гейгер предлагает Иннокентию вести дневник, чтобы помочь ему восстановить память.

– река пол сменила?» [2].

Подобно герою одной из своих любимых книг, Иннокентий стоит перед выбором: принять «новое» настоящее или вернуться к своему прошлому:

«Плот качается под тяжестью спускаемых на него сундуков, и сердце читателя бьется, потому что всё у Робинзона [Крузо] [...]. Родившее его время осталось где-то далеко [...]. Он теперь в другом времени – с прежним опытом, прежними привычками, ему нужно либо их забыть, либо воссоздать весь утраченный мир, что очень непросто» [2].

Иннокентий предпочитает обратиться к памяти, которая становится основополагающим элементом его существования. Его поиски в архивах и на кладбищах превращаются в отчаянные поиски самого себя. Только восстановив память, он может восстановить свою идентичность и начать свою новую жизнь. Но вскоре он понимает, что то, что было, не может быть возвращено: «Все то, что я вспомнил о моем прошлом, не приблизило его ко мне. [...] Прошлое отрезано от настоящего и не имеет отношения к реальности» [2].

Несмотря на это, Иннокентий находит способ сохранить хотя бы часть памяти. Изначально запоминая в основном слова и фразы, он приходит к важному выводу:

«Нет уже ни людей, ни событий, а слова остались – вот они. Наверное, слова исчезают последними, особенно – записанные. Гейгер, возможно, и сам до конца не понимает, какая это глубокая идея – писать. Может быть, именно слова окажутся той ниточкой, за которую когда-нибудь удастся вытащить всё, что было? Не только со мной – всё, что было вообще» [2].

Поэтому Иннокентий начинает писать свои мемуары, которые «должны касаться чего-то такого, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда» [2]. Он хочет оставить свидетельство «невидимого» в вечности. Таким образом, можно найти сходство с «Повестью временных лет», которую Иннокентий читает.

Интересно, что в книге можно найти и критику использования памяти современным обществом¹. Как отмечает Ж. Липовецкий, «В гипермодернистическом обществе прошлое и ностальгия – это коммерческие товары, инструменты маркетинга» [14, с.93]. И Иннокентий является источником дохода и «выставочным объектом». Он не только участвует в рекламной кампании замороженных продуктов, но и становится настоящим «VIP». Но этот интерес к нему продиктован не нуждой понять его трагическую судьбу, а зависит только от эфемерного любопытства: «Они интересуются мной, рассматривают, как музейный экспонат, но своим не считают» [2].

Память и наследство: М.М. Степанова

Уже из заглавия ясно, что центральной темой книги «Памяти памяти. Романс» является память. В тексте понятие «пост-память», введенное М. Хирш², имеет особое значение. Но, как отмечает С. Новикова, «Термин, предложенный М. Хирш, понимается в более широком смысле М.М. Степановой: как память о человеке не после катастрофы, а после переживания долгую череду исторических катастроф. Таким образом, нравится им это или нет, но все, которые жили в XX века, стали носителями пост-памяти» [15, с.214–215].

В частности, в книге делается попытка реконструировать не только семейную историю, но и историю прошлого века, смешивая разные жанры (страницы дневников, описания фотографий и т. д.). Конечно, и в этом случае есть детские воспоминания. Именно в детстве писательница впервые испытывает необходимость писать, чтобы спасти действительность от забвения: «Когда стало понятно, что все закончилось – [...] [я] тогда записала все, что казалось важным не забыть» [6].

Поэтому эта книга – своеобразная «спасательная операция» [6], а главные герои – члены семьи писательницы и те люди, которые несправедливо остаются на периферии истории. Цель М.М. Степановой оказывается труднодостижимой задачей из-за самой

¹И В.О. Пелевин обращает внимание на тему экономической эксплуатации памяти. Например, см. «Generation П» [4].

² М. Хирш описывает «пост-память» как «структуру передачи травматических знаний и опыта из поколения в поколение» [12, с.106].

памяти: «Когда я собралась вспоминать всерьез, стало вдруг ясно, что у меня ничего нет. От тех вечеров при свете старых фотографий не осталось ни дат, ни данных, ни даже простого пунктира родственных связей» [6].

Это не значит, что попытки восстановить память – дело бесплодное. Фактически, ее путешествие в прошлое становится поиском самого себя. Автор понимает, что память о близких – это средство создания собственной идентичности. По словам М.М. Степановой:

«Предположим, что мы имеем дело с любовной историей. Предположим, что у нее есть герой. Вот он с десяти лет собирается написать книгу о своем роде [...]. Герой считает, что написать о них – его долг. [...] Герой лукавит, пытаясь объяснить свою одержимость долгом перед семьей, мамиными надеждами и бабушкиными письмами. Это все про него, а не про них» [6].

Интересно, что и М.М. Степанова критически размышляет об использовании памяти в современном мире. С одной стороны, она отмечает, что память – это повсеместное присутствие, которое часто влияет на повседневную жизнь: «присутствие прошлого в настоящем, мощное до такой степени, что оно работает как светофильтр или темные очки, то заслоняя от нас сегодняшний день, то окрашивая его в другие тона» [6].

С другой стороны, экономическая эксплуатация памяти получает все большее распространение. Сама писательница не свободна от этой «логики владельца»:

«Сама не сознавая, я уже вела себя в логике владельца: если не дикого барина, полновластного хозяина сотен человеческих душ, то его просвещенного соседа с крепостным театриком и прекрасным парком. Предмет моей любви и тоски незаметно превратился в движимое имущество, с которым я делала, что хотела. Другие мои герои по понятным причинам не могли ни воспротивиться, ни возмутиться: они были мертвые. А у мертвых прав нет никаких; их собственностью и обстоятельствами их судьбы может воспользоваться кто угодно и как угодно» [6].

Заключение

Подводя итоги, можно обобщить, что анализ этих текстов подчеркивает некоторые «повторяющиеся» элементы в том, как представлена тема памяти. Кроме того, эти примеры подтверждают тесную связь ностальгии, «травмы утраченной идентичности» и памяти в современной русской литературе.

Для этих писателей память – убежище, которое часто вызывает ностальгию, потому что теперь это потерянная реальность. Привилегированное место для этих побегов в прошлое – детство, обычно описанное как счастливый мир. В то же время память также является «терапией» против травмы потери идентичности. В сущности, она может помочь людям понять свою роль в мире и дать ответы.

Вообще, можно сказать, что эти писатели ощущают задачу сохранения памяти. В эпоху, когда прошлое становится все более ностальгическим и когда травма идентичности еще не кажется полностью преодоленной, они чувствуют себя «не в изгнании, [...] [а] в послании»¹. В этом отношении их «миссию» можно сравнить с миссией авторов автобиографической и мемуарной прозы². Оба типа писателей хотят писать и возрождать прошлое, которое может быть «невидимым». Таким образом, они могут победить смерть, потому что написанные слова, передаваемые будущим поколениям, преодолевают течение времени.

Библиографический список

1. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. – 2019. – Т.10, № 2. – С. 29–46.
2. Водолазкин Е.Г. Авиатор. – М.: «АСТ», 2015. Режим доступа: <https://www.litres.ru/evgeniy-vodolazkin/aviator/chitat-onlayn/> (дата обращения: 28.08.2021).
3. Иванова Н.Б. Ностальжнее. Собрание наблюдений. – М.: Радуга, 2002. – 256 с.

¹ «Мы не в изгнании, мы в послании» — распространенное выражение среди писателей и представителей русской эмиграции.

² Неудивительно, что современные авторы, в том числе проанализированные в этой статье, часто вставляют в свои произведения автобиографические элементы.

4. Пелевин В.О. Generation П. – М.: Вагриус, 1999. – 336 с.
5. Пелевин В.О. Онтология детства. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-det/1.html> (дата обращения: 28.08.2021).
6. Степанова М.М. Памяти памяти. Романс – М.: Новое издательство, 2017. Режим доступа: <https://www.litres.ru/mariya-m-stepanova/pamyati-pamyati-romans/chitat-onlayn/> (дата обращения: 28.08.2021).
7. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. От рукописи к книге. – М.: Наука, 1991. – 289 с.
8. Шаргунов С.А. Двуглазый совок // Сеанс. – 2008. Режим доступа: <https://seance.ru/articles/dvuglaziyy-sovok/> (дата обращения: 28.08.2021).
9. Боум S. Nostalgia and its Discontents // Agora8. – 2015. Режим доступа: https://agora8.org/SvetlanaBoym_Nostalgia/ (дата обращения: 28.08.2021).
10. Clowes E. Russia on the Edge. Imagined Geographies and Post-Soviet Identity. – Ithaca: Cornell University Press, 2011. – 179 pp.
11. Etkind A. Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany // Grey Room. – 2004. – № 16. – С. 36–59. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/20442652> (дата обращения: 28.08.2021).
12. Hirsch M. The Generation of Postmemory // Poetics Today. – 2008. – 29:1. – С. 103–128.
13. Lipovetsky G. La era del vacío. Ensayos sobre el individualismo contemporáneo. – Barcelona: Editorial Anagrama, 1986. – 224 pp.
14. Lipovetsky G., Sébastien C. Los tiempos hipermodernos. – Barcelona: Editorial Anagrama, 2008. – 144 pp.
15. Novikova S. Resisting „Recumbency on The Past“: Literary Strategies for Overcoming Retromania in Maria Stepanova’s Novel In Memory of Memory, (2017)”. In: Convention 2019 “Modernization and Multiple Modernities”. – Yekaterinburg: KnE Social Sciences, 2020. – С. 212–222.
16. Rutten E. Sincerity after communism: A cultural history. – New Haven: Yale University Press, 2017. – 289 pp.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Владова Илиана Михайлова
Доктор филологии, доцент
СУ им.Св.Климента Охридского
Болгария, г. София
Email: docvladova@mail.bg

Vladova Iliana Mihailova
Associate Professor, Ph.D.
Sofia University St.Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: docvladova@mail.bg

И.М. Владова

ПЕРЕВОД – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

(на материале диалога между русской и болгарской
культурами в процессе перевода)

Аннотация. В статье на примере взаимоотношения между русской оригинальной литературой и ее переводами на болгарский язык выявляются особенности художественного трансфера, содействующего обмену литературно-художественными идеями и формами их воплощения в иной культурной среде, что ведет к развитию и совершенствованию принимающей литературы и ее культуры.

Ключевые слова: культура, перевод, рецепция, коммуникация, интерпретация, литература, духовные контакты, эстетические критерии, культурный трансфер.

I.M. Vladova

TRANSLATION – DIALOGUE OF CULTURES

(based on the dialogue between Russian and Bulgarian cultures in the
process of translation)

Abstract: In this article, on the example of the relationship between original Russian literature and its translations into Bulgarian, the features of artistic transfer are revealed, which promotes the exchange of literary and artistic ideas and forms of their embodiment in a different cultural environment, which leads to the development and improvement of the receiving literature and its culture.

Keywords: culture, translation, reception, communication, interpretation, literature, spiritual contacts, aesthetic criteria, cultural transfer.

Диалог культур – это потребность их во взаимодействии, взаимовлиянии, взаимообогащении и выступает как объективная необходимость их развития. В результате этого акта культуры обогащается новыми идеями и концепциями, новыми духовными ценностями. Воспринимающая культура приобретает иные

интеллектуальные, образно-эмоциональные и художественно-выразительные черты. Осуществление такого контакта между культурами возможно благодаря их свойству являться открытыми системами, способными отдавать свои и принимать новые элементы [5].

Межкультурное взаимодействие осуществляется через язык, литературу, искусство. Особенно отчетливее он проявляется при анализе рецепции художественной литературы. Проникновение одного художественного мира в другой художественный мир ведет к открытию необозримого богатства иной поэтики, иных эстетических приемов отражения реальности и, вместе с тем, к выявлению новых рационально-логических и образно-эмоциональных характеристик слова.

Перевод лежит в основе развития ряда национальных литератур, и нет никакого сомнения, что он играл важную роль для ее становления и развития. Так, например, датой рождения римской литературой принято считать 240-й год до н.э., когда Ливий Андроник, натурализованный грек в Риме, выполнил первый в Европе художественный перевод «Одиссеи» Гомера [10]. Дальнейшее развитие римской литературы осуществлялось в теснейших связях с древнегреческой. Такой же путь развития прошло большинство национальных литератур; болгарская литература своим рождением также обязана переводам, которые всегда присутствовали в ее историческом развитии, присутствуют и сегодня, в современных условиях.

Особой активностью отличается коммуникация между русской и болгарской литературами, осуществляемая посредством переводов. Подобное взаимодействие между двумя литературами обусловлено общими историческими корнями обоих народов, сходством в их языках, а также наличием прогрессивных тенденций в их развитии.

Духовное общение между болгарскими и русскими имеет почти тысячелетнюю историю. Это перманентный процесс, отличающийся неравномерной интенсивностью под воздействием тех или иных социально-политических факторов. Наряду с тем процесс протекал под влиянием объективной закономерности, наблюдаемой в развитии духовных контактов между народами. Известно, что в истории

человечества наблюдаются периоды, которые отличаются интенсивной коммуникацией между культурами отдельных наций. Это переломные эпохи в жизни того или иного этноса, обусловленные его политическим, экономическим и духовным ростом. В эти периоды происходит и интенсивный культурный трансфер; переводы дают возможность развивающемуся этносу абсорбировать ценности духовно более зрелой культуры и обогатить и обновить свою собственную. Разумеется, наряду с этапами активной коммуникации существуют и такие, при которых наблюдается снижения активности межкультурного общения.

Следует отметить, что процесс коммуникации между культурами протекает в двух направлениях: от отдающей к принимающей и обратно, от принимающей к отдающей, то есть происходит их взаимное влияние и воздействие одной на другую. Так, в древности наблюдается влияние древнеболгарской культуры на древнерусскую; известно, что в конце X века в связи с принятием христианства на Руси широкое распространение там получила культовая литература на древнеболгарском языке. Церковнославянский язык сыграл важную роль в формировании древнерусского литературного языка и, в частности, в развитии его стилистической системы. Как подчеркивают академики А. А. Шахматов [9] и В.В. Виноградов [1,2], церковнославянский язык способствовал умножению стилистических вариаций и образно-выразительных возможностей русского языка. И до сих пор древнеболгаризмы представляют внушительный пласт архаической лексики высокого стиля, который используется русскими писателями для жанровой стилизации и формирования языкового колорита эпохи. Нас, однако, интересует доминирующее, определяющее воздействие одной культуры на другую, которое ведет к качественным последствиям.

Русская литература начинает проникать в Болгарию посредством переводов в 40-е годы XIX столетия. Эти же годы считаются началом переводной рецепции русских художественных произведений в стране; коммуникация между обеими литературами продолжается и в наши дни. Чтобы выявить сущность явления, охарактеризовать его и прийти к соответствующим выводам и

обобщениям, в анализе будем придерживаться базовых характеристик переводной рецепции: ее идейно-тематического характера и интерпретационной сущности [7].

Любая переводная литература нуждается в соответствующем литературном контексте, чтобы установить функциональные связи с принимающей литературой, вступить в ее орбиту и стать ее неотъемлемой частью. Для характеристики любой переводной рецепции необходимо учитывать особенности отдельных этапов в истории литературы-реципиента, принимая во внимание и ее связи с другими европейскими эстетиками. Таким образом, коммуникация между двумя контактирующими литературами будет рассматриваться в пределах целостного литературного процесса с учетом соотношений между различными направлениями, которые обособились в нем [6]. Учитывая историческую периодизацию болгарской литературы, мы выделяем следующие периоды в переводной рецепции русской литературы в болгарском духовном пространстве: 1) 40-е – 70-е годы XIX в. или эпоха болгарского Возрождения, выступающая как начальный этап рецепции; 2) 80-е – 90-е годы XIX в.; 3) первые два десятилетия XX в.; 4) период между двумя мировыми войнами 5) 40-е – 50-е годы XX в.; 6) 60-е – 80-е годы того же столетия и 7) конец XX и начало XXI в.в.

Каждый из намеченных периодов характеризуется определенным литературным контекстом, определяющим свое предпочтение определенному кругу русских писателей и тематическую направленность подобранных для перевода художественных произведений, оказывающих влияние на поэтику литературы-реципиента, а также особой динамикой и спецификой рецепции, которая свойственна только ему.

Начальный этап переводной рецепции несет характеристики самого Ренессанса. Это период становления болгарской нации, и, как любое Возрождение, он связан с качественными изменениями во всех сферах общественной жизни. Формирование нового сознания и мышления закономерно ставит вопрос о необходимости общения с другими культурами, осуществившими уже этот обновляющий процесс. Особый интерес для перевода представляют произведения русской литературы, которые соответствуют национальным

интересам и, в частности, просветительским и революционно-демократическим задачам эпохи. Переводятся преимущественно произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина, А. Н. Плещеева, А. В. Кольцова. Особое место занимают переводы произведений на историческую тему, как повесть А. Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская», поскольку они воскрешают события и образы прошлого страны и этим способствуют укреплению национального самочувствия. Такую миссию должны осуществить и переводы героических произведений, типа «Слово о полку Игореве».

Специфические национальные условия, уровень развития общественного сознания определяют и характер духовных открытий. Запоздалое развитие Болгарии из-за пятивекового османского ига, низкий уровень эстетической зрелости являются причиной выбора для перевода произведений таких литературных направлений, которые давно отошли на задний план как в русской, так и в европейской литературах. Поэтому в 50-е – 60-е годы XIX столетия болгарская литература обращается к сентиментализму («Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Душенька» И. Ф. Богдановича), в то время как русский читатель проявляет к этим произведениям только литературно-исторический интерес [4], поскольку сама исходная литература уже выработала новые более сложные приемы изображения человека, его внутреннего мира.

Уровень развития эстетической мысли предопределяет и переводческие принципы воссоздания подлинника, ибо новое всегда «преломляется, интерпретируется в обстановке культуры-реципиента» [8, 42]. В эпохе болгарского Ренессанса широкое распространение приобретает адаптация переводного произведения к духовным запросам читательской публики. Переводчики активно вмешиваются в компоненты художественного текста, меняя среду социальную и природную, быт персонажей, их имена и поведение, а иногда интерпретируют политические и социальные проблемы, затронутые в оригинальных произведениях, адаптируя их к интересам читателей перевода.

Интерпретация художественных фактов русской литературы обусловлена не только спецификой духовного развития болгарского

читателя, но она детерминирована политическими характеристиками исторического момента, когда народ готовится к своему освобождению от национального гнета. От этого следует вывод, что наряду с просветительскими задачами переводчики эпохи Возрождения ставят перед собой и сугубо политические цели. Так, болгарский писатель Любен Каравелов, переводя глубоко социальные произведения украинской писательницы Марко Вовчок, вносит в текст перевода новые художественные тропы, которые актуализируют содержание переводимого произведения и адаптируют его к потребностям политической ситуации в Болгарии.

Если в эпоху Возрождения болгарская литература развивается преимущественно в узких национальных рамках, приспособлявая трансферированные литературно-художественные идеи к своим узким домашним задачам, то после Освобождения от османского ига она устремляется к крупным достижениям мировой литературы. Таким образом, последние два десятилетия XIX века характеризуются отчетливо выраженным эстетическим критерием подбора художественных текстов для перевода из русской литературы. Внимание переводчиков обращено к самым ярким представителям литературы XIX столетия, как Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой. Рецепционная стратегия к шедеврам русской литературы приобретает новые параметры, обусловленные развитием рецептивных возможностей национального литературного языка, национальной литературной поэтики. Это означает, что болгарская литература уже выработала свою систему художественно-изобразительных средств, необходимых для усвоения значительных достижений оригинальной литературы, для осуществления адекватных эстетических контактов.

В начале XX века переводная рецепция русской литературы устанавливает синхронный ритм с литературным процессом в Болгарии. Приобщаясь к ускоренным темпам развития русской и западноевропейской литератур, болгарская художественная мысль обращается к современным модернистским направлениям, установившимся как на Западе, так и в России. Особой активностью отличается отношение к символизму, к своеобразной поэтике А. Белого, Д. Бальмонта, К. Брюсова, А. Блока. И в этот период русская

литература продолжает обогащать болгарскую культуру творческими достижениями крупнейших писателей XIX века, предлагая ей новую философско-психологическую тематику, новый углубленный способ изображения человеческих характеров, включающий не только социальную мотивированность поступков персонажей, но и подсознательное, интуитивное поведение.

Меняется и художественная интерпретация переводимого текста, изощряется внимание к поэтической многозначности слова и подчеркнутой музыкальности стиха, лежащих в основе эстетики символизма. Однако в переводах прозы продолжает доминировать буквализм в передаче лексики, а также механическое воспроизведение синтаксиса текста.

Следующий этап в развитии диалога между русской и болгарской литературами занимает время между двумя мировыми войнами: первой и второй, и отличается неравномерностью и непоследовательностью в осуществлении рецепции, вызванной социально-политическими причинами, сказывающимися на трансфере духовных ценностей в целом. Это в первую очередь обострение политических отношений между Болгарией и бывшим Советским Союзом, а также кризисная ситуация внутри страны. Рецепция отличается активностью непосредственно после Первой мировой войны, когда в стране распространяются левые идеи, а также во второй половине 30-х годов в результате восстановления политических и культурных связей с Советским государством для того, чтобы затихнуть перед Второй мировой войной и прекратиться во время ее действия.

Социально-политический контекст обуславливает идейно-тематический характер рецепции, открытой к произведениям, созвучным с характеристиками данного принимающего контекста. К ним относим произведение А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. А. Блока, А. Белого, В. А. Брюсова, Д. Бедного, В. В. Маяковского. В этот период переводятся и произведения писателей, которые относятся критически к новому советскому обществу (Ильф и Петров, М. М. Зощенко).

Художественная интерпретация свидетельствует об адекватности перевода оригинальному тексту, являющейся

результатом сложившейся системы литературного языка и установленной традиции в употреблении художественно-выразительных средств.

В середине XX века и, в частности, в его 40-е – 50-е годы подбор текстов русской литературы для перевода строго подчиняется идеологическому подходу, действующему по отношению всех явлений культуры. Согласно этому подходу значение писателя и его произведений оценивались, исходя из революционных тенденций времени и идеологических догм. Подобное отношение препятствовало целостному представлению русской литературы со всеми ее направлениями, школами и жанровым разнообразием, что сузило горизонт рецепции, и из нее выпали представители т.н. «чистого искусства» и модернистских направлений, серебряного века и зарубежной литературы. Подобная ревизия рецепции соответствовала тому канону, который был установлен и в самой принимающей литературе, что и лишило запрещенных произведений необходимого для их восприятия контекста.

Возврат к общекультурным и эстетическим критериям рецепции наблюдается в 70-е – 80-е годы, когда в Болгарии начинают издаваться произведения писателей, принадлежавших к разным литературным школам и направлениям. Этот процесс становится особенно заметен в 80-е годы, считавшиеся пиковым моментом в рецепции русской литературы в Болгарии, когда она была представлена творчеством писателей, принадлежащих к разным эпохам и направлениям, причем в их жанровом и структурном многообразии.

Бесспорная адекватная интерпретация оригинальных художественных текстов, характеризующая этот этап в развитии рецепции, обусловлена рядом факторов, в том числе и развитой теорией перевода и сложившейся традицией в ее практической реализации. Тексты перевода отличаются художественной достоверностью, сохраняют индивидуальные авторские особенности и соответствуют требованиям принимающей культурно-языковой среды.

В конце XX века наблюдается бурное развитие переводческой деятельности в результате появления частных издательств, однако

география рецепции сильно сузилась: переводятся преимущественно произведения английской и американской литератур, русская литература сильно редуцировалась. Подобное редуцирование подчинено социологическим критериям и, в частности, переменам в политических, экономических и культурных взаимоотношениях с Россией. Наблюдается и существенные изменения в идейно-тематическом характере рецепции. Доминирующая русская советская литература с ее основными темами: Октябрьская революция и Отечественная война, уступает свое ведущее место зарубежной, модернистской и постмодернистской литературам. Наблюдается активное проникновение произведений писателей эмигрантов и диссидентов: А. И. Солженицын, В. В. Набоков, И. А. Бродский, И. С. Шмелев, Е. И. Замятин, А. М. Ремизов. Тема Октябрьской революции и Отечественной войны, присутствующей в оригинальной литературе, но с иным оценочным анализом событий и явлений, раскрытым в иных жанровых формах – преимущественно в документально публицистических произведениях и мемуарах, присутствуют объективно в рецепции (В. Суворов, И. Бунич).

Конец XX и начало XXI в.в. ознаменован встречей болгарской читательской публики с постмодернистской русской литературой. Яркие представители постмодернизма: В. Ерофеев, В. Сорокин, Д. Прыгов, Э. Лимонов, Т. Толстая, С. Купряшина, Е. Трегубова, Л. Улицкая представлены на болгарском языке отдельными текстами. Производит впечатление интенсивная рецепция детективных романов, особенно активно переводятся произведения А. Марининой и Т. Поляковой. Этот жанр присутствует в современных условиях почти во всех культурах и свидетельствует об их универсальных чертах.

В настоящий момент издаются отдельные произведения колоссальных представителей русской литературы, как А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. Грина.

Анализ диалога между русской и болгарской литературами показывает, что рецепция художественных текстов русской литературы осуществлялась на протяжении более полутора столетия, причем процесс протекал весьма неравномерно. Особенно активной она оказывается в эпоху Возрождения, в период становления нового

болгарского государства после освобождения от османского ига, набирает силы после Первой мировой войны, замирает в результате прерванных дипломатических отношений между двумя войнами, чтобы вновь оживиться после их восстановления и расширить свой диапазон в 40-е – 50-е годы XX в., достигнув своего пика в его 80-е годы, а затем отметить резкий упадок на исходе столетия и в начале нового столетия. Периоды подъема и упадка в развитии рецепции обусловлены, главным образом, социально-политическими факторами. Сама художественная интерпретация русских эстетических ценностей движется от адаптации и оболгаривания в эпоху Возрождения, через копирование подлинника в конце XIX и начале XX в.в. к художественной адекватности переводного текста исходному тексту во второй половине прошлого столетия, чтобы к концу века опять вернуться к неравноценной художественной передаче оригинала с надеждой на восстановление адекватности в современных условиях.

На примере рецепции русской культуры в болгарском духовном пространстве была сделана попытка раскрыть специфику диалога культур в процессе перевода. Этот диалог через трансфер текстами является неотъемлемой частью процесса развития цивилизации, что привело к взаимному проникновению культурных традиций отдельных этносов. Накладываясь на устойчивый национальный код, привнесенные черты осваивались обособленной культурой, обретая при этом новые качества. Таким образом, интеграционным процессам в развитии культур сопутствуют процессы дифференциации, сохраняющие и отстаивающие их самобытные черты.

Сегодня мы являемся свидетелями интенсивного процесса глобализации, придающей современному миру облик, неизвестный до сих пор человечеству. Глобализация размывает границы между пространствами, являющимися источником мировосприятия этносов [3], а перевод содействует унификации поведения контактирующих между собой культур, устремленных к интеграции. Разумеется, однако, что любая традиционная культура, будучи системой, открытой ко всем другим культурам, должна воспользоваться возможностями интеграционной множественности, причем

воспринимая себя как вариант этой множественности и фильтруя многообразие культурных импульсов, отправленных к ней в процессе диалога, сквозь призму своей уникальности.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX в.в. М., 1938.
2. Виноградов В.В. Образование русского национального литературного языка. //ВЯ, 1956, №1.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия. М., 1999.
4. Германов Г. Руската литература и духовното развитие на българина. //Преводът и българската култура. София, 1981.
5. Лотман Ю. М. Динамическая модель культуры. //Труды по знаковым системам. Тарту, 1978.
6. Метева Е. Руската литература и българското й преводно битие. // Преводна рецепция на европейските литератури в България. Руска литература. София, 2001.
7. Ничев Б. Превод и рецепция на славянските литератури. //Преводът и българската култура. София, 1981.
8. Прокопович С.С. Адекватный перевод или интерпретация текста?, // Тетради переводчика, вып.17. М., 1980.
9. Шахматов А.А. Очерки современного русского литературного языка. М., 1941.
10. Шишмарев В.Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Избранные статьи. Л., 1972.

Петкова Силвия Атанасова
доктор филологии, доцент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

Petkova Silvia Atanassova
PhD, Assoc. Professor
Sofia University St. Kliment Ohridski,
Bulgaria, Sofia
e-mail: silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

С.А. Петкова

О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК (ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы перевода экспрессивных речевых формул, произносимых в ответ на реплику коммуникативного партнера. Объектом исследования являются частотные устойчивые конструкции, которые употребляются в диалогической речи в современной русской прозе. На основе анализа контекстов употребления данных формул выделяются их основные прагматические значения, представленные в виде речевых действий: категорическое опровержение предположения, резкое возражение, вежливое возражение, удивление при восприятии хорошей новости, удивление (изумление). Наблюдения над переводами русских текстов на болгарский язык показывают широкое разнообразие вариантов переводческих соответствий, что обусловлено учетом ситуативного контекста коммуникации. Анализ подтвердил, что при выборе подходящего узуального эквивалента переводчики ориентируются в первую очередь на передачу прагматической функции исходной речевой формулы, и в тех случаях, когда этот подход не применяется, перевод оказывается не вполне адекватным.

Ключевые слова: экспрессивные формулы, прагматическое значение, интенции говорящего, перевод диалогической речи, функциональная эквивалентность, русский язык, болгарский язык.

S.A. Petkova

ON THE TRANSLATION OF RUSSIAN EXPRESSIVE DISCOURSE FORMULAE INTO BULGARIAN (A PRAGMATIC APPROACH)

Abstract: The paper discusses the issues of translation of expressive speech formulae pronounced in response to the previous utterance or action of the interlocutor. The object of research are the discourse units (*Да/ Ну) что ты/вы!*; (*Да) ты/вы что/ чего!*, which are frequently used in dialogical speech in modern Russian literature. Based on the analysis of the contexts in which these formulae appear, their main pragmatic meanings are distinguished, presented in the form of speech acts: rebuttal of assumption, sharp objection, polite objection. surprise at the reception of good news, surprise (amazement). The study of the translations of Russian texts into Bulgarian shows a wide

variety of translation equivalents, which could be explained by considering the situational context of communication. The analysis confirmed that when choosing a suitable conventional equivalent, translators aim primarily at transferring the pragmatic function of the original speech formula, and in case they fail to apply this approach, the translation is not entirely adequate.

Keywords: expressive formulas, pragmatic meaning, speaker's intentions, translation of dialogue, functional equivalence, Russian, Bulgarian.

Вопросы перевода диалогической речи в художественной прозе сравнительно мало изучены для пары языков русский – болгарский. Требование адекватной передачи прагматического компонента значения, который гораздо более динамичен, чем семантический компонент, обуславливает трудность перевода специфических для русского языка диалогических конструкций. Способность диалогических реплик двух языков быть коммуникативно равноценными определяется не только их системным значением, но и особенностями их употребления в меняющихся условиях речевого взаимодействия. При этом нельзя упускать из виду и еще одну существенную характеристику перевода диалогической речи – при его осуществлении особое внимание должно уделяться узусу, отражающему речевые привычки носителей языка в конкретных ситуациях живого общения. Таким образом, предпосылкой успешного решения задач перевода единиц диалогической речи является понимание необходимости учета лингвопрагматических и узуальных факторов, влияющих на подбор языковых средств в процессе естественной коммуникации.

Как отмечают исследователи русского разговорного диалога, ему свойственны «две противоборствующие тенденции: стремление к свободному построению единиц и стремление к шаблону, к использованию готовых речевых формул» [2, с.7]. В данной статье рассматриваются вопросы перевода экспрессивных речевых формул, употребление которых соответствует второй из вышеназванных тенденций. Для них характерна: а) семантическая и структурная нечленимость; б) импульсивность продуцирования; в) выражение эмоционально-оценочного отношения к предшествующему высказыванию собеседника или к его действиям. Востребованность клишированных экспрессивных высказываний в живом диалогическом общении объясняется их большей смысловой

емкостью и воздействующей силой по сравнению со свободно творимыми экспрессивами.

В лингвистической литературе не существует единого обозначения этого разряда устойчивых единиц языка. Они известны как *релятивы* [7], *коммуникативы* [9], *коммуникемы* [3], *дискурсивные формулы* [1] и др. Это терминологическое разнообразие обусловлено не только неопределенностью статуса рассматриваемой языковой категории, но также и ее неоднородным составом и размытостью ее границ. В своих работах (см., например, [5]) мы используем термин *экспрессивные диалогические реакции*, чтобы подчеркнуть эмотивный заряд и реактивную природу данных специфических единиц языка.

В функциональном разряде экспрессивных диалогических реакций разграничиваются два структурных класса: 1. однословные реплики (*Класс!*, *Здорово!*, *Подумаешь!*, *Отпад!*); 2. составные реплики – экспрессивные речевые формулы¹, которые имеют неэтикетный характер (в отличие от формул речевого этикета, они произносятся спонтанно, мотивированы подлинными эмоциями и нередко идут вразрез с нормами вежливой коммуникации).

Класс экспрессивных речевых формул охватывает разнообразные по своим формальным и содержательным характеристикам клишированные конструкции, которые можно распределить в три группы.

Первая группа включает формулы, состоящие из частиц, местоимений и десемантизированных слов: *Надо же!*, *Вот это да!*, *Ничего себе!*, *Да ну!*, *Да ладно (тебе)!*, *Еще чего?*, *Как бы не так!* и др. Они определяются как сентенсоиды (непредложенческие конструкции), так как их строение не соответствует современным синтаксическим нормам. Такие стереотипные речевые формулы являются аграмматичными и «слабо поддаются лингвистическому анализу и полноценному лексикографическому описанию» [9, с. 543]. Присущая им краткость и непрозрачность смысла позволяет рассматривать их как речевые сигналы, которые обнаруживают

¹ Под термином «речевая формула» мы понимаем однословные конструкты, которые имеют устойчивый характер и воспроизводятся в речи как готовые клише в соответствии с коммуникативными задачами общения.

сходство с междометиями.

Ко второй группе относятся клишированные предложения-высказывания, которые оформлены согласно правилам русского синтаксиса, но вместе с тем обладают идиоматичностью: *Я тебя умоляю!*, *Знай наших!*, *О чем речь?*, *Так держать!* Им, однако, не свойственна образность.

Третью группу составляют фразеологические выражения типа *Вот где собака зарыта!*, *Тыпун тебе на язык!*, *Держи карман шире!*, *Даю голову на отсечение!*, которые характеризуются не только подчеркнутой идиоматичностью, но и образностью. Большинство исследователей относит их к категории поговорок.

Стандартность экспрессивных речевых формул (ЭРФ) можно объяснить тем, что они являются средством вербализации типичных, регулярно возникающих коммуникативных интенций. Из этого следует, что систематизированные знания о закономерностях их употребления можно получить только на основе описания их интенционального содержания, представленного в терминах речевых действий. Именно такой способ репрезентации значения данных единиц принят в словаре В.Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» – они толкуются как выражение определенного эмоционально-оценочного состояния, например: выражение неодобрения, выражение чувства удовлетворения, выражение уверенного согласия, выражение возмущения и т.п. [3].

Деятельностный подход оказывается особенно продуктивным в анализе экспрессивных речевых формул на межъязыковом уровне, так как идентичность совершаемого речевого акта (РА) служит основанием для установления функциональной эквивалентности между конструкциями, у которых нет совпадения семантики отдельных компонентов. Такими, например, являются русско-болгарские соответствия р. *Надо же!* – б. *Ама че работа!*, р. *Держи карман шире!* – б. *Ще имаш да вземаш!*, р. *Еще бы!* – б. *Има си хас!*

Внимание лингвистов привлекают трудности транскодирования значений клишированных экспрессивных реплик диалога в плане достижения адекватности перевода. Так, В.Ю. Меликян отмечает, что сложность коммуникемы, «закрывающаяся в нечленности формы и содержания, непонятным характере ее значения и т.п., обусловила

и существование проблемы ее адекватного перевода» [4, с. 171].

В силу доминирования в значении ЭРФ прагматической функции, а не пропозиционального содержания, для ее понимания необходимо знать, какой РА можно осуществить посредством данной формулы и каковы правила ее дискурсивной сочетаемости. Учет этих знаний имеет первостепенное значение при решении переводческих задач, связанных с поиском наиболее подходящего соответствия исходной ЭРФ среди тех вербальных ресурсов, которыми располагает язык перевода.

Объектом непосредственного анализа в данной статье является речевая формула *(Да/ Ну) что ты/вы!;* *(Да) ты/вы что/ чего!*¹. В рамках предложенной выше классификации ее следует отнести к первой группе формул, объединяющей конструкции-сентенсоиды. Рассматривая варианты этой единицы в типичных контекстах их употребления в современной русской прозе, мы исходим из убеждения, что реплики литературных персонажей достаточно полно отражают специфику коммуникации в реальных условиях, так как писатели стремятся воспроизводить все лексико-стилистические и структурные характеристики живой диалогической речи. Наличие подобных реплик в художественном тексте свидетельствует о соблюдении его автором законов диалогического жанра.

Многозначность исходной ЭРФ нередко становится причиной переводческих ошибок: автор перевода производит неправильную идентификацию значения, актуализируемого в тексте оригинала, а это приводит к неоправданному изменению совершаемого говорящим речевого действия. Следовательно, переводоведческий анализ должен основываться на детальном вычленении всех возможных значений исходной речевой формулы и на оценке пригодности выбранного переводного соответствия для передачи актуального значения.

Согласно лексикографическим данным, у формулы *(Да/ Ну) что ты/вы!;* *(Да) ты/вы что/ чего!* выделяются два значения: «1.

¹ Мы придерживаемся принятого в словаре В.Ю. Меликяна понимания, что все разновидности оформления данной конструкции следует рассматривать как варианты реализации одной речевой формулы, которая, соответственно, подлежит лексикографическому описанию в одной словарной статье [3, с. 206-207].

Выражение уверенного отрицания, несогласия, опровержения, иногда в сочет. с удивлением, порицанием, неодобрением и т.п.», «2. Выражение удивления, испуга, возмущения, порицания и т.п.» [3, с. 206-207]. С учетом задач лексикографии подобное недифференцированное представление значений, возможно, имеет свои основания, однако для решения задач перевода оно оказывается недостаточно информативным. На базе собственных наблюдений над контекстами употребления интересующей нас формулы в художественных текстах, а также опираясь на детальный анализ семантики конструкций *ты что* и *что ты*, представленный в недавно опубликованной статье П.А. Бычковой [1], мы разграничиваем следующие значения исходной языковой единицы: 1. Категорическое опровержение предположения собеседника; 2. Резкое возражение (протест, отказ); 3. Вежливое возражение; 4. Удивление при восприятии хорошей новости; 5. Удивление (изумление) при восприятии крайне неожиданной информации.

Данные значения послужили основой (*tertium comparationis*) для установления межъязыковых соответствий в процессе анализа. Итак, обратимся к материалу диалогических текстов, в которых реализуются названные значения, и их переводов на болгарский язык.

1. Категорическое опровержение предположения собеседника.

Экспрессивное опровержение предположения, содержащегося в вопросе собеседника, в разговорной речи часто осуществляется посредством формулы *Да что ты!* / *Да ты что!* Следует отметить нюансы смысла, которые свойственны этим двум вариантам: первый из них обычно выражает весьма категорическое, но не резкое опровержение (отсутствует оценка абсурдности высказанного предположения), в то время как второй вариант – с местоимением, предшествующим вопросительному слову – содержит в себе потенциальную (и часто актуализируемую) прагмему возмущения тем, что собеседник мог такое сказать/подумать.

Рассмотрим пример (1), где *Да что ты!* служит для опровержения опасений собеседника о возможном негативном развитии событий.

(1) – *А с прокурором это все наверняка, Вячеслав Маркович, не подведет?*

– *Да что ты!* – отвечает. – *Если Гуся запрессовали, уж с тобой-то мы вопрос решим. Мы можем на любого возбудить дело, любого выпустить. Это не проблема. У нас в прокуратуре свои люди (А. Литвиненко, ЛПП – Лубянская преступная группировка).*

– *Ама работата с прокурора сигурна ли е, Вячеслав Маркович, да не ни метне?*

– *Абе моля ти се!* – отговаря той. – *Щом прегазихме Гъсока, въпросът с теб ще се реши още по-лесно. За всекиго можем да възбудим дело, всекиго да пуснем. Няма проблеми. В прокуратурата имаме наши хора (перевод: З. Петрова).*

Согласно лексикографическим данным, выражение *моля ти се!* употребляется при возмущении или возражении [6]. В контексте данного разговора эта фраза (с добавлением частицы *абе*, которая служит как прагматический маркер, сигнализирующий о конфликте между волеизъявлением говорящего и волеизъявлением слушающего [8, с. 264]), оказывается подходящим соответствием русской экспрессивной формулы. Сама по себе фраза *Абе моля ти се!* характеризуется более резкой тональностью, чем исходная единица, но при поддержке контекста ее иллокутивная сила смягчается, так как становится ясно, что говорящий руководствуется интенцией успокоить собеседника, внушить ему, что все под контролем, и его опасения беспочвенны.

В следующем диалоге молодой мужчина разговаривает с девушкой, с которой находится в романтических отношениях:

(2) – *Лиза мне поможет.*

– *Лиза? Твоя жена? Она что, богачка?*

– *Да ты что! Голь перекатная. Все, что у нее есть, это ее жалкая двушка с гнилыми трубами и полами (Д. Калинина, Суперневезучая).*

– *Лиза ще ми помогне.*

– *Лиза? Жена ти? Тя богата ли е?*

– *Ти пък! Гола е като пушка. Всичко, което има е нейното жалко двустайно апартаментче с изгнили тръби и подове (перевод: С. Крыстанова).*

Экспрессия полного отрицания верности предположения, содержащегося в вопросе девушки, передана вполне адекватно при переводе. Болгарская разговорная формула *Ти пък!* отличается примерно такой же частотностью и стилистической окраской, как и исходная единица. В ее состав входит разговорная частица *пък*, которая, как правило, служит для усиления противопоставления, иногда с оттенком раздражения, упрека [6]. Резкая тональность РА опровержения в данном контексте имплицитно означает: *‘Как такое могло прийти тебе в голову!’*

2. Резкое возражение (протест, отказ).

Это значение представлено в примере (3), где говорящий протестует против требований, предъявляемых его собеседниками. Формула *Стига де!* – типичное для разговорного болгарского языка средство выражения интенции побуждения адресата прекратить свои действия (в том числе и речевые). В данном случае имплицитное волеизъявление, передаваемое в исходном тексте (ИТ) в форме вопроса-экспрессива, оказывается явно выраженным в переводном тексте (ПТ) в форме директива. Переводческая замена одного типа РА на другой представляется обоснованной, так как возражение и попытка изменить ситуацию логически связаны. Иными словами, здесь применяется хорошо известный в теории перевода прием смыслового развития.

(3) *Иудей и Бритоголовый приблизились к церберам.*

Тот, что в кепке, что-то пробурчал насчет пропусков. Иудей развел руками:

– *Ребята, да вы что? Пропуска давно отменили...*

– *У вас отменили, а у нас не отменили. С нас начальство спрашивает* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого).

Юдея и Бръснатоглавия пристъпиха към церберите.

Онзи с каскета им поиска пропуски и Юдея разпери ръце.

– *Стига де, приятел! Всички пропуски ги отмениха отдавна...*

– *При вас може да са ги отменили, ма при нас не са. Заповед на началството* (перевод: И. Тотоманов).

Об устойчивой тенденции перевода экспрессивного возражения *Да/Ну что ты!* посредством директива со значением ‘перестань!’ свидетельствует и следующий пример.

(4) – *А что, наш общий папенька в деле воспитания внука не участвует?*

– **Ну что ты, Настя**, – укоризненно сказала Даша. – Павел Иванович очень заботливый дед, он нам все время помогает (А. Маринина, Не мешайте палачу).

– *А нашето общо татенце не взема ли участие във възпитанието на внука?*

– **Не говори така, Настя** – укорително рече Даша. – Павел Иванович е много грижлив дядо, той непрекъснато ни помага (перевод: Й. Дачев).

Молодая женщина решительно не принимает отрицательную оценку поведения ее свекра, содержащуюся в ироническом вопросе золовки. Ей неприятно слышать подобные обвинения, и она реагирует упреком, имплицитно прагматический смысл: ‘перестань так говорить’ (ср. наблюдения над контекстами реализации данного значения конструкции *что ты* в [1, с. 95]). Руководствуясь авторской ремаркой и позитивной оценкой, выраженной во втором высказывании того же речевого хода, переводчик с полным основанием выбирает в качестве функционального эквивалента исходной формулы прямой директивный акт: *Не говори така*.

Интенция возражения может реализоваться и в РА отказа выполнить действие, к которому побуждает совет/предложение собеседника.

В (5) представлено диалогическое единство, в котором молодая женщина категорически отвергает возможность последовать совету друга. Реплика-стимул оформлена в виде типичной для русского разговорного диалога вопросительно-отрицательной конструкции с частицей *бы*: *Почему бы не + инфинитив*. Посредством нее осуществляется РА ненавязчивого совета. Экспрессивная вербальная реакция героини отражает ее убежденность, что реализация предложенного плана действия привел бы к сугубо негативным последствиям – сама мысль об этом ее пугает (см. авторскую ремарку *ужаснулась я*).

(5) – *Слушай, а почему бы не сказать маме, что ты уже почти гражданка Новой Зеландии? А Олега Петровича давно можно почитать как павшего смертью храбрых?*

– **Что ты!** – ужаснулась я. – Мама тут же примется устраивать мою судьбу с яростью, перед которой окажутся бессильными все (Т. Веденская, Брачный марафон).

– Слушай, а защо не кажеш на майка си, че ти вече почти си гражданка Нова Зеландия? А Олег Петрович отдавна са го почели като паднал със смъртта на храбрите?

– **Ти какво!** – ужасих се. – Майка веднага ще се заеме с уреждането на съдбата ми с ярост, пред която всички ще се окажат безсилни (перевод: Т. Ангова).

Данный контекст ставит переводчика перед необходимостью передать эмотивный компонент высказывания. Выбранное соответствие *Ти какво!* нельзя признать удачным – буквальный перевод оригинала звучит неестественно и при этом никоим образом не передает прагматический заряд исходной ЭРФ. На наш взгляд, здесь уместно использовать в качестве функционального эквивалента формулу *Само това не!*, которая отрицает возможность совершения предлагаемого действия.

Анализируя это частное значение конструкции *Ты что/Что ты*, П.А. Бычкова относит его к классу употреблений '*с ума сошел!*' и отмечает, что «произнося формулу, говорящий ставит себя в позицию более разумного и здравого человека, чем тот, кому он ее адресует» [1, с. 94].

3. Вежливое возражение.

В русской речевой практике экспрессивная формула *Да что ты!* может осуществлять акт вежливого отрицания в ответ на предположение собеседника о причиненном дискомфорте. Такой случай представлен в примере (6), где авторская ремарка подсказывает, что вербальная реакция возражения, призванного успокоить собеседницу, не соответствует действительному психологическому состоянию субъекта речи.

(6) – *Ничего, что я вот так... тебя взволновала? – на всякий случай уточнила она.*

– **Да что ты!** Все в порядке – натянута усмехнулась я. (Т. Веденская Брачный марафон)

– *Нали нищо, че аз така ... те развълнувах?* – уточни за всеки случай тя.

– **Какво говориш!** Всичко е наред – насилено се усмихнах (перевод: Т. Ангова).

Молодая женщина следует стереотипному речевому поведению в подобных ситуациях: из соображений вежливости она не признается в том, что рассказ ее подруги нанес ей психологический ущерб, а вместо этого делает вид, что отрицает наличие оснований для тревоги.

В следующем диалоге возражение является «дежурной» реакцией героини на высказанное в реплике-стимуле предположение о негативном отношении следователя к свидетелю по делу. Героиня дает себе отчет, что подтверждение нанесло бы урон «лицу» ее собеседницы, поэтому она произносит вслух то, чего от нее ожидают. Контраст между мыслями Насти и ее речью подчеркивает, что несогласие, выраженное посредством формулы *Ну что вы!*, не является искренним.

(7) – (...) *Мне так легко всегда с вами разговаривать, не то что с Константином Михайловичем. Вы знаете, мне иногда кажется, что он меня недолюбливает.*

«Что же тебе про меня-то ничего не кажется, – с усмешкой подумала Настя. – Я ведь тебя не люблю еще сильнее, чем Костя».

– **Ну что вы**, Галина Ивановна, – вежливо сказала она вслух, – за что Константину Михайловичу вас не любить? (А. Маринина, Чужая маска)

– (...) *Толкова ми е лесно да разговарям с вас, за разлика от Константин Михайлович. Знаете ли, понякога ми се струва, че той не ме обича много.*

„А за мен не ти ли се струва нещо? – с насмешка си помисли Настя. – Че аз те мразя повече и от Костя.“

– **Какво говорите**, Галина Ивановна – вежливо произнесе на глас, – защо да не ви обича Константин Михайлович? (перевод: Й. Дачев)

Обработка языковых данных подтверждает наши наблюдения о том, что в контексте вежливого речевого поведения значение формулы *Да/Ну что ты/вы* передается посредством ближайшего

семантического соответствия *Какво говориш/говорите!*¹ При реализации значения вежливого возражения переводчики выбирают эту болгарскую формулу, так как она характерна скорее для формального речевого регистра, а в условиях непринужденного общения воспринимается как искусственно звучащая.

4. Удивление при восприятии хорошей новости.

В текстовом фрагменте, представленном ниже, телевизионный сценарист Женя, приехавшая в Цюрих собирать материал для фильма о русских проститутках в Швейцарии, разговаривает «по душам» с танцовщицей стриптиз-клуба.

(8) – *А домой не собираешься?* – *поинтересовалась Женя.*

– *Раньше были такие мысли. Но теперь все по-другому решается. Я замуж собираюсь,* – *улыбка внутренняя, тихая.*

– *Да что ты? За швейцарца?* – *обрадовалась Женя* (Л. Улицкая, Сквозная линия).

– *А не смяташ ли да се връцаш?* – *поинтересува се Женя.*

– *По-рано ми минаваше през ума, но сега всичко се решава по друг начин. Смятам да се женя – вътрешна, тиха усмивка.*

– *Какво говориш! За швейцарец ли?* – *зарадва се Женя* (перевод: А. Григорова).

Формула *Да что ты?*, сопровождаемая ремаркой *обрадовалась*, выражает положительную экспрессивную реакцию героини при получении информации о том, что ее собеседнице удалось найти себе мужа и устроить свою жизнь в Швейцарии. Для передачи названной коммуникативной интенции переводчица выбрала формулу *Какво говориш!* Это соответствие, однако, не является пригодным для выражения радостного удивления. В целях соблюдения прагматической и узуальной адекватности удачнее было бы перевести исходную единицу посредством междометия: *Охоо / Ехаа! За швейцарец ли?* Подходящими функциональными эквивалентами можно также признать варианты *Ооо, чудесно!* и *Серьезно?*, которые в непринужденном разговоре выступают как сигналы позитивно

¹ Эту болгарскую конструкцию мы рассматриваем как формальный (буквальный) эквивалент русской формулы *Что ты/вы?*, учитывая эллиптичность последней (ср. более ограниченную по своему употреблению (и прагматическому потенциалу) полную версию: *Что ты/вы говоришь/говорите?*).

окрашенной заинтересованности в услышанном.

5. Удивление (изумление) при восприятии крайне неожиданной информации.

Экспрессивный РА изумления реализуется при восприятии сообщения, в чью истинность говорящему трудно сразу поверить. Спонтанное восклицание *Да что ты/вы!*, как правило, звучит в начале речевого хода, а за ним следуют реплики, из которых становится ясно, что субъект речи постепенно ассимилировал полученную неожиданную информацию.

В примере (9) Лиля – не очень интеллигентная, но исключительно добрая женщина средних лет, которая после смерти сына нашла утешение в христианской вере, – произносит экспрессив *Да что ты?* в разговоре со своей бывшей соседкой Женей. Ее изумление вызвано внезапным столкновением между своей и чужой системами ценностей.

(9) – *Женечка, а тетя Таня крещеная?*

– *Бабушка с дедушкой были лютеране. А мама – не знаю.*

– *Как это? – изумилась Лиля.*

– *Старики наши поженились до революции, и оба приняли лютеранство. (...) А мама моя неверующая. Я даже не знаю, крещеная ли. Если крещена, то лютеранка...*

– *Да что ты? – изумилась Лиля. – Надо же, лютеранка... Но это все равно, ведь лютеране тоже христиане (Л. Улицкая, Сквозная линия).*

– *Женечка, а леля Таня кръстена ли е?*

– *Баба и дядо бяха лютерани. А за мама не знам.*

– *Как така? – учуди се Лиля.*

– *Нашите старци са се оженили преди революцията, и двамата са приели лютеранството. (...) А майка ми не е вярваща. Дори не знам дали е кръстена. Ако е кръстена, е лютеранка...*

– *Как може? – изуми се Лиля. – Да не повярваши, лютеранка... Но няма значение, нали и лютераните са християни (перевод: А. Григорова).*

Следует отметить, что конструкция *Как може?* не является самым удачным вариантом из всего набора возможных соответствий, так как выражает удивление с оттенком возмущения. На наш взгляд,

подходящим средством передачи интенционального содержания исходной ЭРФ является формула *Гледай ти!*, тем более, что она лучше совмещается в одном речевом ходе со следующей фразой *Да не повярваш, лютеранка..* В скобках отметим, что эту вербальную реакцию, также эсплицирующую сильное удивление (в оригинале: *Надо же*), мы предлагаем модифицировать как *Направо не е за вярване! Лютеранка!*

Переводчик нередко изменяет семантику исходного высказывания и подбирает ситуативный эквивалент, выполняющий идентичную функцию в болгарском диалоге.

Так, в переводе русской формулы *Да что ты?*, представленном ниже, используется узуальный клишированный вопрос *Как така?*. Он оказался уместным в ситуации восприятия новости, которой трудно найти объяснение.

(10) – *Прекрасно, – с максимальной степенью естественности в голосе выдавала я. – Жаль только, что он в командировке.*

– *Да что ты?* – удивилась мама. *Не то чтобы командировка была таким уж редким явлением, но за все время моей жизни с псевдомужем он ни разу не покидал города* (Т. Веденская, Брачный марафон)

– *Прекрасно – изстискаха с максимална степен на естественост в гласа. – Жалко само, че е в командировка.*

– *Как така?* – удиви се майка ми. *Не че командировките бяха чак толкова рядко явление, но за цялото време на моя живот с псевдосъпруга той нито веднъж не беше напуснал града* (перевод: Т. Ангова).

Как и в ряде других случаев, РА удивления, выраженный посредством формулы *Да что ты?*, теряет при переводе свою эксплицитную адресованность, так как использованное болгарское соответствие не включает личное местоимение *ти*, в нем отсутствует и глагол в форме 2 лица. Тем не менее категория адресованности реализуется и в выбранном переводчиком функциональном эквиваленте в силу присущей любому вопросу ориентации на собеседника.

В примере (11) фактор стилистической маркированности переводимой единицы был ведущим при поиске адекватного

средства для передачи значения удивления, выраженного в ИТ диалогической формулой *Ты чего?* (употребление формы родительного падежа вопросительного местоимения вместо формы винительного падежа характерно для разговорно-сниженной речи).

(11) – *Никогда не слыхал про такую теорию. Разве все, что с нами происходит, уже было?*

– *Ты чего?* – удивилась Геля. С манерами у нее все-таки было не очень – мамино воспитание. – *Разве у тебя не бывает, когда вдруг замечаешь: это уже было раньше, железно было* (Б. Акунин. Ф. М.).

– *Никога не съм чувал за подобна теория. Тоест всичко в нашия живот вече ни се е случвало?*

– *Ай стига бе!* – учуди се Геля. Откъм маниери не беше много на висота – майчиното възпитание. – *Не си ли имал чувството понякога, че някое нещо вече ти се е случвало, хиляда на сто, че се е случвало* (перевод: С. Бранц).

В данном фрагменте представлен разговор отца с дочерью, ученицей шестого класса. Автору перевода удалось передать стилистически сниженный характер реплики девочки-подростка посредством нелитературного *Ай стига бе!* Произведена замена одного коммуникативного типа предложения на другой: реплика *Ты чего?* оформлена как вопрос, а ее болгарское соответствие представляет собой восклицательное предложение. Эта подстановка находит основания в теории речевых актов: независимо от своей пунктуационной маркированности *Ты чего?* и *Ай стига бе!* имеют иллюкутивную силу экспрессива.

Употребление в диалогической речи стандартных формул с эмотивно-оценочным значением обусловлено необходимостью выражения интенций, регулярно возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия. При выборе соответствия переводчики должны ориентироваться не только на сохранение прагматического потенциала исходной речевой формулы, но и на фактор узуса. Привычность (уместность) вербальных средств, используемых в ПТ, позволяет читателю полноценно воспринимать изложение, не отвлекаясь на разрешение проблем нормативно-языкового плана.

Анализ материала переводов формулы (*Да/ Ну*) *что ты/вы!*;

(Да) ты/вы что/чего! показывает, что лишь при реализации одного значения – вежливого возражения – исходная формула переводится на болгарский язык посредством постоянного переводческого соответствия *Какво говориш/говорите!* В остальных четырех значениях переводимой единицы устанавливается наличие множественных (вариантных) соответствий, причем среди них преобладают функциональные эквиваленты.

Изучение вариативности интенционального содержания русских клишированных экспрессивов позволяет выявить специфический пучок переводческих соответствий для каждого из разграничиваемых значений. Таким образом, становится возможной систематизация стратегий преодоления трудностей перевода, вытекающих из межъязыковой асимметрии в сегменте устойчивых реплик диалога, что способствует достижению цели адекватной передачи прагматических смыслов, выраженных в тексте оригинала.

Библиографический список

1. Бычкова П.А. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций *ты что* и *что ты* // Русский язык в научном освещении. №2, 2020. – С. 88–111.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
3. Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта-Наука, 2001. – 240 с.
4. Меликян В.Ю. Нечленимые предложения со значением оценки (переводческий аспект) // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур, Т.2. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. – с. 169–173.
5. Петкова С. О функциональных классах экспрессивных диалогических реакций // 50 години – врата към образованието и прозорец към света, Юбилейна научна конференция по случай 50 годишнината от основаването на ДЕО – ИЧС. – София: УИ «Св. Климент Охридски», 2013. – С. 316–323.
6. Речник на българския език, т. 1-15. – София: Изд-во «Марин Дринов», 2002–2015. Режим доступа: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg> (дата обращения: 10.11.2021)
7. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.
8. Тишева Й., Хауге Х. Р. Частицата *абе* като прагматичен маркер //

Проблеми на българската разговорна реч. Т. 6. – Велико Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий», 2004. – с. 255–266.

9. Шаронов И.А. Коммуникативы и методы их описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). – М.: РГГУ, 2009. – С. 543–547. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/84.htm> (дата обращения: 22.11.2021)

Раденкова Елена Кирилова
доктор филологии, главный ассистент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
е-mail: radenkova@slav.uni-sofia.bg

Radenkova Elena Kirilova
PhD, Senior Assistant Professor
St. Kliment Ohridski Sofia University
Bulgaria, Sofia
e-mail: radenkova@slav.uni-sofia.bg

Е.К.Раденкова

**О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. МАРИНИНОЙ «ЗА ВСЕ НАДО
ПЛАТИТЬ» И ЕГО ПЕРЕВОДА)**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы перевода фразеологических единиц в художественном тексте с русского языка на болгарский. Анализируются используемые переводчиком стратегии для реализации таких переводческих трансформаций, которые приведут к адекватному конечному продукту.

Ключевые слова: перевод фразеологических единиц, переводческие стратегии, фразеологические эквиваленты и аналоги, лексический перевод, калькирование

E.K.Radenkova

**ON THE PROBLEM OF TRANSLATING RUSSIAN
PHRASEOLOGICAL UNITS INTO BULGARIAN
(BASED ON THE MATERIAL OF ALEXANDRA MARININA'S
NOVEL "EVERYTHING HAS TO BE PAID FOR" AND ITS
TRANSLATION)**

Abstract: The article explores the issue of translating phraseological units in a literary text from Russian to Bulgarian. The author analyses the strategies used by the translator in order to implement translational transformations that would lead to an adequate final product.

Keywords: translation of phraseological units, translation strategies, phraseological equivalents and analogies, lexical translation, calquing

Фразеологический состав языка наиболее ярко отражает специфику языкового мышления данного народа и особенности его культуры. Представление фразеологии как сгустка «коллективной памяти» носителей языка, в центре которого находится человек,

связано с усилиями выработать единую антропологическую парадигму в рамках лингвистических исследований. Природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Своей семантикой фразеологические единицы (ФЕ) направлены на характеристику человека и его деятельности.

По мнению многих ученых, ФЕ присущи устойчивость состава и структуры, воспроизводимость, наличие минимум двух слов в составе, фиксированный порядок слов, непроницаемость и неизменность лексического состава. Вслед за В.В. Виноградовым в русистике принято выделять три типа ФЕ: фразеологические сращения (идиомы, утратившие мотивировку значения); фразеологические единства (идиомы, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму); фразеологические сочетания (обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение) [2, с.13]. Н.М. Шанский добавляет еще один тип – фразеологическое выражение, «устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» [4, с. 62]. Среди фразеологических выражений автор разграничивает такие, которые имеют «номинативный и коммуникативный характер». Последние «по структуре соотносительны с предложением и выражают то или иное суждение: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*» [4, с. 63]. Кроме паремий, к фразеологическим выражениям относят и известные изречения из художественной литературы, публицистики, Библии, высказывания афористического типа или морально-этические назидания, употребляемые в определенных жизненных ситуациях для образной оценки.

Объектом сопоставительного исследования в рамках данной статьи выбран роман Александры Марининой «За все надо платить» и его перевод, сделанный переводчиком Здравкой Петровой. Мы проанализировали контекст и употребление фразеологических единиц в оригинале романа и в варианте его перевода. Сравнив методы их перевода, мы попытаемся сделать вывод об адекватности

и уместности каждого из конкретных случаев перевода фразеологизмов.

При использовании стратегии подбора фразеологических эквивалентов в переводящем языке (ПЯ) переводчик выбирает такой фразеологизм, который совпадает по всем параметрам с ФЕ оригинала, и в идеале – весь комплекс значений переводимой единицы сохраняется. Использование такого полного соответствия позволяет наиболее адекватно воспроизвести в переводе образный иноязычный фразеологизм.

Как в тексте оригинала (ТО), так и в тексте перевода (ТП), встретился целый ряд фразеологизмов-интернационализмов, имеющих один и тот же источник: библейский, античный или мифологический. Такие фразеологизмы заимствовались из языка в язык, или же возникали у разных народов независимо друг от друга вследствие общности человеческого мышления, близости отдельных ситуаций в социальной жизни, трудовой деятельности и т. д.

Анализируя примеры (1), (2) и (3), можно наблюдать полную эквивалентность ФЕв тексте оригинала и в тексте перевода по семантическому, структурному и прагматическому параметрам, например, при переводе библеизмов:

(1) – *Будете вести себя неправильно – придется выпить всю чашу до дна и залпом.*

–Ако се държите неправилно, ще трябва да изпиете цялата чаша до дъно, и то на един дъх.

Общеизвестен иносказательный смысл фразеологизма-библеизма в обоих языках: «испытать, перенести страдания или жизненные испытания в полной мере, до конца». В его образной основе лежит библейское понятие «горькая чаша» – в христианском миропонимании это символ страдания, невзгод, которые человек должен перенести смиренно до конца [6]. Контекст, как оригинала, так и перевода указывает на эксплицитно выраженную негативную коннотацию данного библеизма, что расширяет его прагматический потенциал в сторону выражения скрытой угрозы и шантажа.

Фразеологические эквиваленты в обоих языках могут иметь источником античную мифологию:

(2) *Так что свободная ставка, на которую строптивый*

Черненилов никак не может подобрать подходящего профессора, станет яблоком раздора.

Така че свободната бройка, за която своенравният Черненилов дълго време не можеше да подбере подходящ професор, ще се превърне в ябълка на раздора.

В обоих языках есть фразеологизм *стать яблоком раздор/да стана ябълката на раздора*, т.е. то, что порождает ссору, раздор (предметом раздора в античном мифе стало яблоко, преподнесенное Парисом богине Афродите, как приз за красоту, и послужившее причиной раздора между нею и богинями Герой и Афиной). Образ ФЕ ассоциируется также с библейским сюжетом, в котором яблоко выступает в качестве символа запретного плода с Древа познания добра и зла, после вкушения которого Адам и Ева изгоняются Богом из рая. В основе образа лежит растительная метафора, которая исполняет роль эталона конфликтной ситуации[6]. Эквивалентность переводческого соответствия наблюдается и в стилистическом плане – в обоих языках ФЕ относятся к книжной речи.

(3) *...постоянная переделка учебных и научных материалов, программ, рукописей, методичек висела над сотрудниками кафедры уголовного права дамокловым мечом.*

... постоянно преправяне на учебните и научни материали, програми, ръкописи, методически ръководства висеше над служителите от катедрата по наказателно право като дамоклев меч.

И в оригинале и в переводе иносказательно выражается значение: «нависшая, постоянно грозящая опасность». Согласно древнегреческому преданию, острый меч тирана Дионисия висел на конском волосе над головой завидовавшего ему Дамокла, которого он во время пиршества посадил на свое место.

Очевидно, что фразеологические эквиваленты чаще всего относятся к группе интернациональных ФЕ, заимствованных обоими языками из античной мифологии и Библии.

Устойчивые сравнения (УС) гармонично вписываются во фразеологическую систему любого языка, сохраняя при этом собственную образную и функциональную специфику.

В предисловии к «Словарю сравнений русского языка» В.М.

Мокиенко справедливо отмечает, что «экспрессия сравнений основана, прежде всего на том, что их образы черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека. Чтобы быть ярким, образ должен являться актуальным (общепонятным) и зримым. Вот почему ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека» [3, с.3].

(4) – *Ну что ты стоишь, как пугало огородное...*

– *Хайде, какво стоиш като бостанско плашило?*

Использованные в качестве эталона сравнения единицы имеют одинаковое денотативное значение и сходные коннотации в русском и болгарском языках. *Пугало огородное* у носителей обоих языков ассоциируется с нелепо, небрежно или безвкусно одетым или странно, непривлекательно выглядящим глупым, бестолковым или безучастным ко всему человеком, который не желает или не в состоянии вступить в коммуникацию. Образ УС передает отрицательное отношение к странной, нелепой внешности, одежде человека.

(5) *Все очевидно, двойная игра Денисова налицо, а она, как страус прячет голову в песок...*

Всичко е очевидно, двойната игра на Денисов е налице, а тя като щраус крие главата си в пясъка...

(6) *И тогда те, кому она (информация) была доступна...ходили надутые от гордости, как индюки.*

И тогава хората, които имаха достъп до нея (до информацията)...се надуваха като пуйци от гордост.

В примерах (5) и (6) в роли эталона сравнения выступают орнитонимы, которые являются элементами общего ядра системы устойчивых сравнений европейских языков. Определенные признаки этих птиц и их поведение оказываются отправной точкой их символизации. УС *как страус прячет голову в песок/ като щраус крие главата си в пясъка* присутствует в обоих языках в силу общности привлекаемого эталона, с помощью которого дается описание человека, который старается уйти от действительности, не замечать ее или избегает принятия важного решения. Образ индюка у

носителей обоих языков ассоциируется с высокомерным, глупым, напыщенным человеком. Фразеологизмам с компонентом-орнитонимом свойственен ярко выраженный антропоцентризм. В подобных случаях, как верно подметила А.Баранова, «при переводе достигается максимальная эквивалентность между исходным текстом (ИТ) и текстом перевода (ПТ) с сохранением как прагматической ценности высказывания (за счет передачи эмоционального и оценочного компонента коннотации эталона УС), так и образности» [1, с.83].

В обоих языках есть УС с одинаковым образом, которые относятся к явлениям природы, общепринятым фактам действительности и общеизвестным реалиям.

(7) – *Мы с тобой занимаемся лакреолом (лекарством) полгода, но я-то хоть даю себе передышку, а ты **работаешь как вол**.*

– *Вече половин година се занимаваме с лакреола, но аз поне от време на време си давам почивка, а ти **работиш като вол**.*

Образ вола у носителей обоих языков ассоциируется с работоспособным, выносливым, очень усердным человеком, поэтому в значении основной является сема «работать много». Известно, что в традиционных сравнениях, закодированных во многих ФЕ с зоонимом в составе, содержится особое представление о соизмеримости человека и животных. В них застыли эталонные представления о здоровье, красоте, глупости и т.п. в мировосприятии носителя языка. Приведенные выше УС семантически, метафорически и функционально-стилистически эквивалентны в русском и болгарском языках в силу совпадения значения, возникшего на базе общей ассоциативной основы.

Трудность перевода фразеологических единиц имеет объективные причины, коренящиеся в самой лингвистической природе устойчивых словесных комплексов. Главная из них заключается в том, что фразеологическому составу каждого языка присущи специфические особенности, вследствие чего преобладающая масса оборотов одного языка не находит готовых равноценных соответствий во фразеологии других языков.

Приведем пример неудачно подобранного эквивалента:

(8)– *А сейчас ты как в воду опущенная и лица на тебе нет...*

– А сега изглеждаш *като мокра кокошка, бледа си до смърт...*

Контекст подсказывает, что героиня находится в состоянии душевной подавленности, угнетенности, чем-то очень расстроена. В устойчивом сравнении *как в воду опущенная* присутствует отрицательная коннотация – говорящий выражает неодобрение по отношению к тому, в чей адрес употребляется фразеологизм, который отображает стереотипное представление о состоянии крайней растерянности и удрученности. Для нас остается непонятным выбор болгарского фразеологизма *като мокра кокошка*, который имеет аналогичный эквивалент и в русском языке (*как мокрая курица* – о подавленном или безвольном человеке, имеющем жалкий вид, о бесхарактерном человеке), и означает в обоих языках «жалък, засрамен, посрамен». Решение переводчика использовать данный аналог приводит к фокусированию внимания читателя к внешним характеристикам героини (особенно в сочетании с вариантом перевода *бледа си до смърт*), в то время как автор недвусмысленно хочет подчеркнуть переживания, смятение и подавленное душевное состояние героини. Мы бы предложили вариант «А сега изглеждаш сякаш са ти потънали гемиите...» Как значение этого болгарского фразеологизма (някакой е много угрижен, умислен, не е на себе си), так и имплицитно присутствующая отсылка к воде как стихии, делает этот вариант приемлемым фразеологическим аналогом.

Фразеологические аналоги используются в том случае, когда в ПЯ отсутствуют фразеологические эквиваленты и нужно подобрать фразеологизм с таким же переносным значением, но основанный на ином образе. При использовании этих эмотивно-окрашенных номинаций обеспечивается достаточно высокая степень эквивалентности, но при этом необходимо стремиться сохранить эмоциональную и стилистическую специфику фразеологизма. Следует учитывать как стилистическую неравноценность многих аналоговых фразеологизмов, так и наличие национального колорита в некоторых из них.

В метафорических вариациях на тему наивности и глупости у русских на первый план выступает сема: «позволяет собой манипулировать».

(9) *Он-то, дурак, думал, что нравится Лене, а она, оказывается, водила его за собой, как послушного бычка на веревочке.*

Той, глупакът, си въобразяваше, че Лена го харесва, а излезе, че тя го е водела със себе си като послушна крава на въжence.

Во фразеологических словарях есть два фразеологизма. Первый из них – *быть бычку на веревочке* – о неизбежном ограничении чьей-либо воли, свободы чьих-либо поступков, который употребляется, когда подчеркивается неизбежное ограничение воли человека или свободы его поступков [5]. Второй фразеологизм – *водить за нос*. Его значение: обманывать, вводить в заблуждение. В основе денотативного аспекта значения ФЕ находится типовая ситуация, связанная со способом управлять животными, когда их водят за кольцо, продетое в ноздри. Затем произошло метафорическое переосмысление значения [6]. Фразеологизм *водить как (послушного) бычка на веревочке* не зафиксирован в словарях. Возможно, этот окказиональный фразеологизм появился в результате индивидуально-авторской трансформации. Очевидно, что данный трансформ возник в результате контаминации [объединения частей двух фразеологических единиц – *водить (водить за нос) + как бычка на веревочке* (*быть бычку на веревочке*) и его значение можно сформулировать так: послушно, без сопротивления, не задумываясь, безропотно выполнять чью-то волю, приказ]. Трудно согласиться с вариантом перевода, который на первый взгляд сохраняет образную основу оригинала (*послушный бычок – послушна крaвa*), но здесь необходимо было учесть, что эту фразу о себе говорит мужчина, поэтому болгарский перевод звучит странно. В болгарской фразеологии есть аналог русскому трансформу – (*върви*) *като магаре подир морков*, который, на наш взгляд, является более адекватным соответствием, как в плане значения, так и в плане гендерного соответствия, сохраняя при этом негативную коннотацию оригинала.

Такие ФЕ оказываются наделенными очень любопытной и важной прагматической функцией: благодаря широкому спектру содержащейся в них оценочности, они способны не только оригинально описывать действительность, но квалифицировать поведение людей по шкале *хорошо – плохо*.

Сказочно-фольклорная дохристианская мифология и языческие верования легли в основу многих ФЕ. В качестве фразеологического аналога, при котором наблюдается частичное совпадение образности и значения, приведем следующий пример. В тексте романа фразеологизм *как рукой сняло* встречается дважды в двух разных контекстах:

(10) *Холодность и раздражение как рукой сняло.*

Хладът (студенината – Е.Р.) и раздразнението изчезнаха яко дим.

(11) *Я как увидел, какая она стала страшная, – всю любовь как рукой сняло.*

Щом я видях толкова грозна – цялата ми любовсе изпари.

В устойчивом обороте *как рукой сняло* сохранилось верование в целительные свойства древнего дохристианского движения руками при врачевании, связанного с особыми касаниями и пассами, которым приписывалась магическая сила. *Как рукой сняло* – предельно конкретный фразеологизм, ибо он всегда означает быстрое излечение и устранение болезни или тяжелых душевных травм. У ФЕ положительная коннотация. Фразеологизм в целом отображает стереотипное представление о волшебном избавлении от неприятных ощущений, болезненного состояния, и выступает в роли эталона быстроты и легкости такого избавления [6].

В примере (10) при переводе использован метод подбора фразеологического аналога с равноценным фразеологическим значением (сохраняется сема «быстро исчезнуть»), с подменной образной основы (*като дим*), с совпадающей стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской. В примере (11) переводчик использовал лексический перевод. При этом он стремился хотя бы частично сохранить образность исходной ФЕ единицы, употребляя глагол в переносном значении (се изпари).

В случае отсутствия фразеологического эквивалента следует подобрать в ПЯ фразеологизм с таким же переносным значением, основанном на ином образе. При этом частичная эквивалентность обусловлена наличием образности в языковых средствах оригинала и перевода при сохранении понятийного содержания, но при полном расхождении исходного мотивирующего образа.

(12) *Взять их в ежовые рукавицы, да покрепче. К каждому найти индивидуальный ключ.*

Да ги стегне като в менгеме. За всеки да намери индивидуален ключ.

Фразеологизм *держать в ежовых рукавицах* означает держать кого-либо в строгом повиновении, очень строго и сурово обходиться с кем-либо, полностью подчинять себе, держать в жестком повиновении. Образ, лежащий в основе русского фразеологизма *держать в ежовых рукавицах/взять в ежовые рукавицы*, неинформативен в прагматическом и экспрессивном отношении для болгарской аудитории, вне зависимости от его этимологии (1. ежовые рукавицы ("голицы") – это рабочие кожаные рукавицы без подкладки и меха, которые надежно защищали руки от повреждений при работе; 2. ФЕ связана с фамилией наркома Ежова и репрессиями в 1937 г.). В таком случае переводчику приходится частично компенсировать образно-метафорические расхождения, используя привычный для принимающей лингвокультуры эталон (*като в менгеме*), но при этом неизбежно утрачивается часть этнокультурной информации.

В следующем примере фразеологизм *обвести вокруг пальца* переведен при помощи нефразеологического перевода.

(13) – *А я? – глупо спросил Михаил Владимирович, еще не понимая, что она обвела его вокруг пальца и повернула разговор в совершенно невыгодную для него колею.*

– *Ами аз? – глупаво попита Михаил Владимирович, още не разбрал, че тя го е изиграла и е извъртяла разговора в съвсем неизгодна за него посока.*

Значение фразеологической единицы передается при помощи лексических средств, т.е. отдельной лексемой: *р. обвела его вокруг пальца – б. тя го е изиграла*. Наделенная яркой негативной оценочностью, эта лексема еще и точно семантизирует ситуацию обмана и мошенничества.

Не только в романе «За все надо платить», но и в романе «Каждый за себя» автор А. Маринина употребила индивидуально-авторскую модификацию общеизвестной пословицы *Баба с возу – кобыле легче*, явно с целью ее «освежить» и усилить комический

эффект звучания конкретной ситуации. Это индивидуально-авторский трансформ *Леди с фазтону – пони легче*. В процессе перевода была дословно переведена узуальная русская пословица, а не трансформ: *булката слиза от каруцата – на коня му олеква*. Эта единица не воспринимается адресатом ТП как фразеологизм в силу того, что в болгарском языке отсутствует такая идиома. Однако, комический эффект, который создается при использовании в тексте трансформа, полностью теряется при буквальном переводе на болгарский язык. Задача переводчика сводится к тому, чтобы такое соответствие приобрело «фразеологический вид» в тексте перевода или, как минимум, обладало бы экспрессивностью и стилистической окраской, которые близки к оригиналу.

(14) ...*Он женится на мне, я перееду к нему, освобожу тебе квартиру. И тебе уже не нужно будет каждый месяц давать мне деньги. Как говорится, леди с фазтону – пони легче. Зачем так нервничать?*

...*Той ще се ожени за мен, ще се преместя при него и ще ти освободя апартамента. И вече няма да е нужно всеки месец да ми даваш пари. Както се казва, булката слиза от каруцата – на коня му олеква.*

Прецедентные феномены входят в коллективные фоновые знания лингвокультурного социума и являются неотъемлемым элементом фразеологической компетенции языковой личности. В тексте романа есть несколько прецедентных высказываний (ПВ), при переводе которых были использованы разные стратегии.

(15) *А по жизни-то, а не по книжкам, один крупный политик так говорил: «Нет человека – нет проблемы».*

А в живота, не в книжките, един голям политик бе казал: «Няма човек – няма проблем».

В силу того, что ПВ «Нет человека – нет проблемы» считается самым часто цитируемым сталинским изречением, оно хорошо известно и болгарской аудитории. Это высказывание впервые встречается в знаменитом романе «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова. Там Сталин говорит о расстреле военных в Царицыне в 1918 году: «Смерть решает все проблемы. Нет человека, и нет проблемы». А. Рыбаков неоднократно признавался в том, что именно

он и был автором этого афоризма [7]. Здесь переводчик вполне оправданно приступил к калькированию ПВ, и в результате в тексте перевода появилось выражение, которое легко воспринимается болгарским читателем и не приводит к неестественности звучания ТП.

Способ частичного аналога реализован в примере (16). Он предполагает перевод не самого ПВ, а только его толкования через подбор другой ФЕ, которая дает объяснение, описание или сравнение, с помощью которых можно с максимальной точностью и лаконичностью передать смысл исходной единицы (ср.: мартышкин труд – труд, хвърлен на вятъра).

(16)... *Я хочу найти всех этих «обращавшихся».*

– *Мартышкин труд*, – *фыркнул начальник.*

...*Искам да опитам да намеря всички тези възложители.*

– *Ще бъде труд, хвърлен на вятъра – промърмори скептично началникът.*

Автором этого ПВ является баснописец И.А. Крылов. В образно-метафорической основе ПВ отражены стереотипные представления о бесполезных стараниях или напрасных усилиях кого-то. Интересно, что в самой басне «Обезьяна» нет выражения «мартышкин труд»: оно представляет собой уже продукт совместных творческих усилий писателя и его аудитории, читательский вывод, вытекающий из морали к этой басне.

Обратимся к следующему примеру употребления ПВ:

(17) *Муж отвозит меня на работу и забирает после работы.*

Шаг вправо или влево считается побегом. У нас в семье суровые порядки.

Мъжът ми ме откарва на работа с колата и после ме взема.

Крачка на ляво или крачка надясно се смята за бягство – като в концентрационните лагери. В нашето семейство се спазва строг ред.

Данное ПВ, в основе которого лежит прецедентная ситуация, обладает большим объемом информации, которая имеет национально-культурную специфику, что приводит к сложностям при его переводе. Фраза является цитатой, которой конвоиры предупреждают заключенных в России перед их транспортировкой.

Переводчик попытался адаптировать это ПВ, используя метод калькирования с добавлением пояснительного элемента – *като в концентрационните лагери*. Такая стратегия вполне оправдана и помогает болгарскому читателю сориентироваться в ситуации и в нюансах смысла.

В заключение можно сделать вывод о том, что оптимальным переводческим решением является поиск идентичной ФЕ, хотя такие абсолютные эквиваленты крайне редки. При отсутствии полных соответствий фразеологизм в тексте оригинала можно перевести аналогичной фразеологической единицей, несмотря на то, что он будет построен на иной метафорично-образной основе при совпадении или расхождении стилистической и эмоциональной окраски слова. Калькирование иногда допустимо и может сопровождаться добавлением объяснительного компонента. Если в языке перевода нет подходящего в прагматическом и образном отношении фразеологизма, надо найти соответствующую по значению и окраске лексему, что связано с потерей образно-ассоциативной тональности оригинала. Качество перевода во многом определяется умением переводчика профессионально точно идентифицировать переводческую проблему и осуществить необходимые переводческие трансформации для ее решения. Наши наблюдения показали, что адекватным конечным продуктом переводческой деятельности можно считать такой перевод, который исчерпывающе передает смысл, прагматику и образность оригинала.

Библиографический список

1. Баранова А. Культурная коннотация. Проблемы ее передачи при переводе (на материале русских и болгарских устойчивых сравнений), 50 години – врата към образованието и прозорец към света. Сборник с доклади от Юбилейна научна конференция по случай 50-годишнината от основаването на ДЕО – ИЧС, издателство: УИ "Св. Кл. Охридски", 2013. – С. 81-87.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.
3. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка (Предисловие) – СПб.: Норинт, 2003.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая

школа, 1985.

Лексикографические источники

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой.– 4-е изд., стер. – М.: Рус. язык; Полиграфресурсы, 1999.
6. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка.– М.: АСТ-ПРЕСС, 2006.
7. Серов В.В.Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс». 2003.

Баранова Анна Сергеевна
доктор филологии, главный ассистент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: baranova@slav.uni-sofia.bg

Baranova Anna Sergeevna
PhD, Senior Assistant Professor
St. Kliment Ohridski Sofia University
Bulgaria, Sofia
e-mail: baranova@slav.uni-sofia.bg

А.С. Баранова

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ФИТОНИМОВ В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В данной статье представлен анализ семантических и функциональных характеристик русских фитонимов, употребленных в художественном тексте, и способов передачи культурно-специфических компонентов их значений при переводе на болгарский язык.

Ключевые слова: перевод, коннотация, фитонимы

A.S. Baranova

TOWARDS THE PROBLEM OF TRANSFERRING THE ETHNO- SPECIFIC MEANING OF PHYTONYMS IN TRANSLATION FROM RUSSIAN TO BULGARIAN

Abstract: The subject of the article is the ethno-specific meaning of Russian phytonyms in translation to Bulgarian. The possibilities of transferring these meanings to the target text are explored based on the analysis of the semantic and functional characteristics of phytonyms used in literary texts.

Keywords: translation, connotation, phytonyms

Фитонимы зачастую ложатся в основу образных номинаций, актуализирующих эмотивно-оценочные эталоны, которые сформировались в рамках лингвокультуры. Такие употребления регулярно возникают на базе этноспецифических и общих для носителей языка ассоциаций, семантизированных в коннотативном компоненте значения (К). Имплицитность этих созначений вызывает трудность при их восприятии инофонами и при переводе текстов, содержащих такие единицы. В отличие от зоонимов, чья этнокультурная специфика проявляется чаще всего в зооморфных обозначениях, которые более последовательно демонстрируют пейоративность, фитонимы, обладающие коннотативными значениями, распределены сравнительно равномерно на

аксиологической шкале. Эта особенность связана тем, что растения лишены поведенческих проявлений, а возникающие в связи с ними эмоции и оценки основываются на их эстетическом восприятии. Даже когда фитоним выступает в речи как эталон определенного поведения, мотивация этого словоупотребления опосредована, у него ассоциативная, а не предметная природа, что объясняет этнокультурное своеобразие образных обозначений. В силу того, что коннотативная асимметрия денотативно эквивалентных фитонимов в русском (РЯ) и болгарском языке (БЯ) ярко выражена, а в художественном тексте эти лексические единицы имеют особое выразительное предназначение, часто приходится применять разного рода трансформации, чтобы сохранить в тексте перевода (ПТ) прагматический и экспрессивный потенциал исходного текста (ИТ). Рассмотрим несколько контекстов, в которых фитонимы или их фитоморфные лексико-семантические варианты выполняют эмотивную, оценочную или изобразительно-стилистическую функцию.

Под термином «фитоним» в работе понимается номинация растения, а также его части или плода, а термином «фитоморфизм» обозначается «лексико-семантический вариант фитонима, который употребляется в качестве метафорической характеристики человека» [6, 12].

Коннотации русского фитонима *черемуха* К1 '*родной аромат, родной пейзаж, родная природа*' и К2 '*беззаботная пора молодости, первой любви*' связаны с концептуальной интерпретацией референта. Наряду с березой и рябиной в сознании носителей РЯ черемуха ассоциируется с «русским пространством», с родиной. Чаще всего актуализация К1 фитонима интенсифицирует чувство восторга красотой родной природы или чувства ностальгии, когда человек находится вдали от дома. К2 отсылает к представлению о душистых белых гроздьях растения. Как известно, чувственное опознание объектов окружающей действительности (особенно через обоняние) сильно влияет на их эмоциональное восприятие. Коннотации фитонима р. *черемуха* активизируются чрез посредничество аромата растения, что обуславливает эмоциогенный характер образа.

В художественной литературе коннотативное значение

лексических единиц зачастую доминирует над денотативным. Поэтому при их переводе нередко применяется стилистическая компенсация, когда при замене образа логическая неточность восполняется за счет сходства возникающих ассоциаций [2, 121]. Именно так поступил переводчик в следующем контексте, достигая динамической эквивалентности ИТ и ПТ:

р. *Несколько ниток проводов втянулось по запыленным ветвям черемух, по тощим яблонькам, торчавшим в палисадниках, обвивало серые рогатки колодезных журавлей, столбы тынов* (Б. Полевой, «Повесть о настоящем человеке»).

б. *Няколко телефонни жици се точеха по изпрашените вейки на дивите черешки, по хилавите ябълки, които стърчаха в градините, обвиваха сивите чатали на кладенчевите геранила, прътите на стоборите* (прев. К. Георгиев).

Несмотря на то, что фитоним не является основным средством достижения экспрессивности, он играет важную роль в передаче деревенского колорита. Изобразительно-стилистическая функция лексемы ограничивает объем значимой для данного контекста этнокультурной семантики до смысла '*привычный пейзаж*', который выводится из К1. Поэтому необходимо подойти дифференцировано к передаче имплицитного содержания. Болгарский денотативный эквивалент б. *песекия/песъкия* не содержит ярких имплицитных наслоений исходной единицы [2, 59], более того, он звучит непривычно и странно для носителя БЯ (И. Васева даже высказывает мнение, что он неблагозвучен из-за формальной схожести с б. *просякия* – р. *попрошайка* [1, 61]). С. Влахов и С. Флорин отмечают, что лексему р. *черемуха* при переводе на БЯ можно заменить названием любого цветущего весной дерева или куста, например, б. *череша, слива* или *люляк* [4, 107].

Для носителя БЯ черешня прозрачный образ, так как это важное дерево в жизни болгар, его название способно вызвать эмоциональную ассоциацию с родным деревенским пейзажем. Тем более это касается расчлененной номинации *дива череша*, так как дикое растение может прижиться только в типичном для себя ареале, т.е. оно воспринимается как изначально характерное для данного места, как что-то «родное» для него. Поэтому частичная замена

образа в ПТ обеспечивает необходимую прагматическую и экспрессивную нагрузку.

Альтернативным решением могут быть фитонимы б. *вишня* или *люляк*, чей соизмеримый исходной единице коннотативный потенциал поддерживается их художественно-литературной интерпретацией (достаточно вспомнить строфы из знаковых для болгарской лингвокультуры стихотворений: «...тихийт дом в белоцветните вишни...» поэта Д. Дебелянова или «Люлека ми замириса...» И. Вазова).

Степень трудности при передаче этнокультурной специфики фитонима в ПТ повышается, когда его коннотативное значение накладывается на более широкие фоновые знания и изобразительно-стилистическая функция единицы реализуется во взаимодействии с экспрессивно-эмотивной функцией (как отмечает Е. Раденкова, «причиной возникновения экспрессивности могут стать различные факторы: оценочность, образность, эмоциональность» [5, с. 61]). Именно такой полифункциональный словесный комплекс представлен в следующем примере:

*р. За всю долгую ночную дорогу Линдт не проронил ни слова – а зачем? Когда воронок, покрутившись по улицам, выехал за город, сам собой отменился допрос, а когда замигали впереди огоньки на вышках военного аэродрома, отпал и расстрел без суда и следствия, не радовавший Линдта только потому, что в начале декабря под Энском было не сыскать **утонувшего в черемухе набокковского оврага**, без которого русскому человеку, будь он хоть трижды еврей, и расстрел – не расстрел (Степнова М., «Женщины Лазаря»).*

*б. През цялото дълго нощно пътуване Линдт не обели и дума – нямаше защо. Понеслата се по улиците арестантска кола скоро излезе извън града и разпитът отпадна от само себе си, а когато пред тях замигаха светлините на кулите на военното летище, отпадна и разстрелът без съд и следствие, който нямаше да зарадва Линдт, само защото в началото на декември край Енск го нямаше **набокското, потънало в черьомухи дере**, без което за руснака, дори да е трижды еврей, и разстрелът не е разстрел (прев. А. Григорова).*

Приведенный фрагмент отсылает к лейтмотиву стихотворения

В. Набокова «Расстрел», в котором для лирического героя перспектива смерти среди родных черемух более привлекательна, чем жизнь в изгнании. Символическое значение приобретают последние строки: Россия, звезды, ночь расстрела / *и весь в черемухе овраг*.

В переводе мы сталкиваемся с явлением, которое С. Влахов и С. Флорин определяют как «переоценка фоновых знаний читателя» – когда автор (а в этом случае переводчик) вводит незнакомые для широкой аудитории реалии или понятия, не растолковывая их [4, 83]. Эмоциональная нагрузка в примере основана на этнокультурной имплицитной информации – на К фитонима р. *черемуха* и на художественно-литературной реминисценции. Разумеется, не все читатели оригинала способны интерпретировать смысл ИТ через интертекстуальную отсылку, однако стабильность эмотивной составляющей коннотативного значения фитонима восполняет этот дефицит. Для современного носителя БЯ сохраненная в ПТ образность без толкования ее оснований лишена информативности. С другой стороны, замена образа полностью оборвала бы интертекстуальную связь, которую могут усмотреть искушенные читатели. Поэтому транскрипция исходного фитонима оправданное решение, однако она должна сопровождаться объяснением коннотативного содержания в примечании. Кроме того, добавление кавычек может выявить более категорически связь со стихотворением В. Набокова, которое переведено на БЯ и в котором символический смысл лексемы получает образное обоснование¹:

...*го нямаше набоковското «потънало в черьмухи дере»...*,

Сохраненные таким образом коннотативная составляющая смысла и интертекстуальность могут стать ключом к полноценному раскрытию прагматического потенциала фрагмента.

Асимметрия коннотативного плана отмечается и в семантике денотативно эквивалентных единиц р. *дуб* и б. *дъб*. Благодаря своей распространенности, а также твердости и долговечности древесины дуб считается значимым деревом в

быту и русских, и болгар. Однако для носителей РЯ он

¹В переводе на БЯ стихотворения В. Набокова К. Георгиев предпочел транскрибировать исходную единицу, так как сам контекст частично компенсирует недоступность болгарскому читателю коннотативного содержания фитонима.

последовательно ассоциируется с К 'отсутствием утонченности, неотесанностью'. Это коннотативно фиксированное восприятие лежит в основе возникновения у русского субстантива переносного значения: 'тупой несообразительный человек' [7]. Такое же образное основание у производного глагола *задубеть*: '1) стать жестким, твердым; загрузеть; 2) *перен.* утратить чувствительность' [7]. На К фитонима основывается и прагматический потенциал производного прилагательного р. *дубоватый* в следующем контексте:

р. *Домработница, дубоватая* деревенская тетка, покорно откликавшаяся на Никитичну (по метрике на самом деле была Николаевна, больше того – Наталья Николаевна, этаким легким, головокружительный, почти ничего не обещающий намек – словно пушистая, пушкинская ветка за полузамалеванным краской сортирным окном), трясущимися руками перебирала белье Галины Петровны... (Степнова М., «Женщины Лазаря»).

б. *Прислужницата, трътлеста* селска стрина, покорно откликаваща на Никитична (всъщност по документи беше Николаевна, нещо повече – Наталия Николаевна, един такъв лек, почти нищо не обещаващ намек – като бухнала пушкинска клонка зад полузамазаното с боя прозорче на тоалетната), подреждаше бельото на Галина Петровна с трепереци ръце... (прев. А. Григорова).

Характеристика героини строится на противопоставлении имплицитного содержания нескольких единиц. С одной стороны, К фитонима р. *дуб*, стилистическая маркированность ее имени *Наташка* (далее в фрагменте ее называют именно так), а также квалифицирующая функция ее настоящей фамилии *Дуплищева* и простонародного варианта ее отчества – *Никитична*, определяют ее как простоватую, грубоватую, неотесанную, какой она является на самом деле; с другой стороны, ассоциации, связанные с именем *Наталья Николаевна* и усиленные сравнением *словно пушистая пушкинская ветка* воплощают то, чем она хотела бы быть, но чего ей не дано. В представленном переводе весь пласт национально-культурной имплицитной информации утрачен для иноязычного реципиента, хотя доминирующая изобразительно-стилистическая функция коннотативно маркированных единиц требует точного

воспроизведения прагматической ценности контекста¹.

При переводе мотивированного фитоморфным лексико-семантическим вариантом деривата р. *дубоватая* зарегистрирована полная замена образа, при которой сохраняется негативная оценочность и схожая оригиналу экспрессивность, однако смысловой акцент смещается в сторону физических качеств обозначаемого, причем болгарское оценочное прилагательное б. *трътлест* – ‘низкий, толстый, коренастый человек’ [9] передает их неточно – выбранный автором образ визирует скорее крупное телосложение. Соизмеримые с исходной единицей в информативно-прагматическом плане б. *дърво, пън, кютук* употребляются преимущественно для характеристики мужчины, кроме того, от них невозможно образовать оценочные прилагательные, поэтому они не могут быть использованы при переводе. В этом случае приходится нейтрализовать образную составляющую, но эксплицировать коннотативное содержание исходной единицы: определения б. *грубовата, простовата* более адекватно отражают характеристики персонажа, чем выбранный переводчиком вариант, так как квалифицируют как физические данные, так и личностные качества обозначаемого объекта.

Что касается значащей фамилии *Дуплищева*, основанной на коннотациях р. *дупло* – К ‘*пустой, лишенный сердцевины, стержня*’, то ее внутренняя форма тоже должна получить толкование в ПТ – либо в сноске, либо через доступную носителю БЯ образную трансформацию фамилии, напр., *Хралупова или Кухова / Кухарска*. Как отмечает И. Владова, внутренняя форма оценочно-квалифицирующих имен в процессе реальной номинации и в номинации в художественном тексте функционируют по-разному. В первом случае антропоним абстрагируется от своего понятийного содержания и приобретает характеристики знака, тогда как в художественном дискурсе наблюдается обратный процесс – собственное имя активизирует свои экспрессивные возможности. Поэтому при переводе следует отыскать эквивалент, который

¹В обязательном порядке в ТП следует растолковать в примечании ассоциации, связанные с онимом Наталья Николаевна, и стилистическую маркированность онимов Наташка и Никитична.

содержит соизмеримое оценочно-квалифицирующее значение [3, 92].

В следующем примере значащий характер собственного имени также мотивирован коннотациями фитонима. Лексема р. *бутон* заимствована из французского языка в значении 'цветочная почка растения; нераспустившийся цветок'[6]. Экспрессивно-эмотивное К1 'молодой, нежный, хрупкий, красивый' и экспрессивно-оценочные К2 'чистый, целомудренный, невинный' и К3 'застенчивый, ранимый' имеют концептуальные основания. К1 возникает в связи с эмоционально-эстетическим восприятием внешнего вида референта, а К2 и К3 – ассоциативно связаны с К1 и являются результатом интерпретации денотативного значения существительного в соответствии с культурными установками русской лингвокультуры, точнее с пониманием, что юности и красоте не свойственна порочность. Все три К реализуются взаимосвязано.

Коннотативно мотивированная фитоморфная номинация характеризуется определенной гендерной отнесенностью: несмотря на то, что субстантив – м.р., он выступает в роли эталона красоты и нравственности девушки и выражает подчеркнуто положительную оценку. Это привычная метафора в поэтическом дискурсе. Кроме того, К2 мотивирует символическое содержание лексемы, которая является эвфемистическим обозначением девственности и непорочности. На этом значении фитонимар. *бутон* основывается комический эффект в фейлетоне М. Булгакова «Как Бутон женился»:

р. *Железнодорожник Валентин Аркадьевич Бутон-Нецелованный, человек упорно и настойчиво холостой, явился в административный отдел управления и вежливо раскланялся с провизионным начальством* (Булгаков М., «Как Бутон женился»).

б. Железничарят Валентин Аркадиевич Бутон-Нецелувани, човек упорито и твърдо неженен, влезе в административния отдел на управлението и учтиво поздрави продоволственото началство (прев. Л. Минкова).

Квазиантропоним *Бутон-Нецелованный* следует интерпретировать как семантический дериват фитоморфизма. Выбор внутренней формы фамилии героя – образа, ассоциативно связанного с женским началом, характеризует ее обладателя как целомудренного холостяка. Созданный таким образом комический эффект усиливает

ощущение абсурдности предстоящего конфликта. Стремление добиться адекватного перевода требует сохранения прозрачности образа. В некоторой степени это возможно за счет страдательно-причастной формы и денотативной семантики второй части фамилии, чем воспользовалась и переводчица. Однако в силу того, что р. *бутон* – опорный компонент исходной образной метафоры, который может функционировать и без экспликации имплицитного смысла, дальше в ИТ герой именуется просто *Бутон*. Из-за перераспределения функциональной нагрузки коннотативных и денотативных сем в ПТ образное основание квазиантропонима утрачивается. Более того, межъязыковая омонимия полностью меняет прагматический потенциал значащего имени (б. *бутон* – 'кнопка'). Поэтому при выборе со стороны переводчика формальной эквивалентности ограничения полноценной реноминации исходного смысла должны быть компенсированы разъяснением коннотативного содержания существительного р. *бутон* в примечании, чтобы оно реализовалось в связи с каждым упоминанием имени персонажа.

Более удачной переводческой стратегией является частичная замена образа на имеющий схожие ассоциации у носителя ПЯ. В болгарском языке К2 русского фитонима закреплен за единицами того же семантического порядка – б. *(нежно)цвете / (нежен) цветя*. При использовании достаточно характерной для болгарских имен словообразовательной модели (ср. Благовест, Светослав, Цветослав и пр.), возможно конструирование соотносимого в коннотативном плане квазиантропонима: *Нежноцвет-Недокоснатов* (или *Цветя-Недокоснатов*), который в состоянии последовательно актуализировать имплицитное содержание исходной номинации.

В РЯ заимствованная лексема *фрукт* стала использоваться во времена Петра I для обозначения плодов экзотических растений, к которым первоначально относились с недоверием. Это отношение закрепилось в коннотативном значении субстантива К '*странный, незнакомый, непривычный, подозрительный*', что мотивировало появление переносного значения '*прост., пренебр. подозрительный, ненадежный человек*' [8]; *разг. тип, субъект (обычно с пренебрежительным оттенком)* [7]. Пейоративность фитоморфизма последовательно отмечается во всех словарях и является

определяющей при каждой его реализации (ср. идиоматическое выражение *Тот еще фрукт*). Например:

р. *Обращался спонсор к девушке, но смотрел при этом на Николаса, как бы спрашивая: а ты что за фрукт, почему здесь? Ника представился, отрекомендовался «Сашиным знакомым» – и сам на себя разозлился, что поддался властной ауре Большого Человека (Б. Акунин, «Ф.М.»).*

б. *Спонсорът говореше с момичето, но гледаше Николас, като че го питаше: а ти що за птица си, какво търсиш тук? Ника се представи, каза че е «познат на Саша» и се презря, че се беше подчинил на властната аура на Големеца (прев. С. Бранц).*

Денотативный эквивалент исходной единицы р. *фрукт* – субстантив б. *плод*, у которого более широкая семантика, к тому же это – исконная, а не заимствованная лексема. Она, подобно р. *плод*, вызывает совсем иные ассоциации (с продолжением жизни, с благосостоянием, с результативностью). Поэтому при переводе на БЯ невозможно сохранить образ.

В представленном контексте исходная единица характеризует номинированный объект как «подозрительный». Она также содержит информацию об определенной иерархической неравноправности участников ситуации. С высоты своего положения задающий немой вопрос выражает свое пренебрежение к номинированному объекту и подчиняет его психологически. Вопросительная форма реплики в ИТ позволяет полноценно транслировать К русской единицы при помощи болгарского фразеологизма *Що за птица*. Таким образом осуществляется полная замена образа, но при этом сохраняется прагматическая ценность и экспрессивность оригинала.

В следующем фрагменте субстантив р. *фрукт* выступает последовательно в прямом и в переносном значении, что затрудняет реноминацию взаимосвязанных лексико-семантических вариантов:

р. *И картошка. И даже фрукты, о существовании которых наши шакалы и не подозревают. Сашка тогда сказал брату: «Хочу фруктов... Вот тех, о которых этот... Который приезжал, говорил». На что Колька отвечал, что фрукт это и есть картошка, и он точно знает. А еще фрукт – это директор. Своими ушами Колька слышал, как один из саперов, уходя, произнес негромко,*

указывая на директора: «Тоже **фрукт**... От войны за детишками спасается!» (А. Приставкин, «Ночевала тучка золотая»).

б. Има картофи. И дори **плодове**, каквито нашите чакали не са и помирисвали. Тогава Сашка каза на брат си: „Искам **плодове**... Такива, дете тоя... Дете идва... нали разправяше. «На което Колка отговори, че тъкмо картофите били **плод**, той бил сигурен. **Плод** бил и техният директор, само че **скапан**. Колка чул с ушите си как един от савьорите на тръгване казал тихо, като посочил директора: «Ама и тоя е един **скапаняк**... Крие се от войната зад гърба на децата!» (прев. З. Петрова).

С одной стороны, употребление фитонимар. *фрукт* в его прямом значении в этом контексте содержит ассоциацию с чем-то незнакомым, непривычным, но желанным и экзотическим, а это вызывает положительные эмоции. С другой стороны, негативная оценка и осудительное, пренебрежительное отношение, которые имплицитно содержатся в фитоморфной номинации предельно интенсифицированы контекстом. Эти механически связанные детским сознанием (по общему плану выражения) противоположные характеристики имеют одно и то же образное воплощение. При переводе необходимо сохранить амбивалентность образа. Удачное переводческое решение в данном случае основывается на резко отрицательной оценочности образной единицы б. *скапаняк*. Она деривационно мотивирована прилагательным б. *скапан* – '1. гнилой, разложенный', чья семантическая сочетаемость с большой степенью вероятности предполагает заполнение позиции определяемого слова существительным б. *плод*. Распределение коннотативных и денотативных сем исходной единицы между ассоциативно связанными б. *плод* и *скапаняк*, а также экспликация связывающего их звена через добавление оборота «...само че *скапан*» обеспечивает максимальную степень эквивалентности между ИТ и ПТ. Таким образом сохраняются исходные прагматические и экспрессивные параметры контекста.

Итак, проанализированный материал показал, что концептуализация фитонимов обнаруживает сильную зависимость от культурных установок языкового сообщества, от стереотипных представлений его представителей и от образной реализации

эстетических, эмотивных и оценочных категорий. В РЯ эти лексемы обладают широким функционально-прагматическим диапазоном, который реализуется за счет их коннотаций. Возможность полноценного транслирования этноспецифических значений при переводе художественного текста обусловлено соотношением образной составляющей ИЯ и ПЯ и основной функцией фитонима в контексте. Несмотря на общечеловеческий характер эмоций, они находят специфическую образную фиксацию в разных культурах. Поэтому основная трудность возникает в связи с реализацией эмотивной функции фитонимов, когда в переводе приходится раскрывать имплицитное содержание образа в рамках ближайшего контекста или в примечании. При доминировании оценочных сем чаще всего возможна замена исходного фитоморфного образа на прагматически соизмеримый для принимающей культуры. Деформация прагматического и экспрессивного плана в таких случаях скорее является результатом субъективного выбора переводчика, а не следствием непреодолимости языковой и культурной асимметрии.

Библиографический список

1. Васева И. Отново за реалиите // Език и литература. –1976. – № 4. – С. 60–62.
2. Васева И. Теория и практика на перевода. – С.: Наука и изкуство, 1982.
3. Владова И. Превод и време.– С.: Наука и изкуство, 1988.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980.
5. Раденкова Е. Экспрессивный потенциал фразеологизмов в современных медиатекстах //Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарскогоязыков, кн. 13. – Шумен: УИ „Константин Преславски“, 2019. – С. 59–72.
6. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка). Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2009.

Лексикографические источники

7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
8. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.:

ИТИ Технологии, 1999.

9. Тълковен речник: <http://talkoven.onlinerechnik.com>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бирова Илка Любенова
доктор филологии, доцент
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
ilkabirova@mail.bg

Birova Ilka Lyubenova
PhD, Assoc.Prof.
St. Kliment Ohridski Sofia University
Bulgaria, Sofia
ilkabirova@mail.bg

И.Л. Бирова

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИНА 2020-2021: НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Аннотация: Статья рассматривает вызовы и специфику дистанционного обучения в Софийском университете, проведенного в условиях карантина в период 2020-2021 г. Автор делится своими наблюдениями над онлайн-обучением русскому языку как иностранному (РКИ) на факультете славянских филологий и на экономическом факультете. Проанализированы некоторые преимущества и недостатки дистанционного обучения в университете, намечены тенденции в его развитии.

Ключевые слова: дистанционное обучение, РКИ, университет, карантин 2020-2021, наблюдения, выводы

I.L.Birova

ONLINE UNIVERSITY EDUCATION IN CONDITIONS OF QUARANTINE 2020-2021: OBSERVATIONS AND CONCLUSIONS

Abstract: This article examines challenges and specificity of online education at Sofia University in conditions of quarantine in 2020-2021. The author shows her observations about online teaching of Russian as a foreign language at Faculty of Slavicstudies and Faculty of economics. Some advantages and disadvantages of this online education and some trends in development are analysed.

Keywords: online education, Russian as a foreign language, university, quarantine 2020-2021, observations, conclusions

Как известно, в настоящее время информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) заняли свое место не только в ежедневной и профессиональной жизни, но и в образовании. Из источника информации и средства коммуникации интернет

превратился в широко использованную среду для образования и сотрудничества. Настоящая статья рассматривает некоторые проблемы дистанционного обучения в Софийском университете, проведенного в форс-мажорных условиях карантина в период 2020-2021 годов. В центре нашего внимания – преимущества и недостатки онлайн-обучения болгарских студентов русскому языку как иностранному (РКИ) на факультете славянских филологий и на экономическом факультете.

В начале необходимо очертить общие рамки и возможности интернета как образовательного пространства. Мы поддерживаем взгляды М.Поповой о виртуальном человеке и виртуальной коммуникации, в которой «дублируются роли коммуникатора и реципиента», и где «двунаправленная модель коммуникации превращается в сетевую». [2,с.8-9] Виртуальная реальность обладает огромными образовательными возможностями, так как она содержит «потенциал бесконечной повторяемости, который позволяет тренировку реакций, взаимоотношений, демонстрацию поведения. Ее образный мир постоянно обогащается сообразно восприятиям индивидов, которые ее используют» [2, с.17]. Обучение в электронной среде создает более широкую рамку коммуникационной культуры через технологизацию и визуализацию, на основе свободы выбора интересных и актуальных тем, изменения соотношения физического и медийного присутствия потребителей, многовариативности типов коммуникации – межличностной, групповой, коллективной. Названные характеристики виртуальной реальности влияют благоприятно на дистанционное (онлайн) обучение языкам, в том числе русскому как иностранному. Здесь мы останавливаемся на понятиях *онлайн*, *офлайн*, *обогащенное присутствие* и *смешанное обучение*, использованные нами в изложении. Перечисленные понятия были введены исследователями Garrison и Kanuka и широко распространились в современной научной литературе.

*Онлайн-обучение(online) – преобладающая форма обучения дистанционная или оно полностью осуществляется в виртуальном пространстве.

* Офлайн-обучение (offline) – это традиционное обучение в

реальной учебной среде или выполнение самостоятельной работы учащимися вне виртуальной среды.

* Обогащенное присутственное обучение (enhanced) – преобладание присутственного обучения с элементами онлайн-обучения.

* Смешанное обучение (blended) – комбинирование в разной степени онлайн-обучения с традиционным.

Смешанное обучение дефинировано как педагогически обоснованное интегрирование разнообразных информационных и коммуникационных технологий с традиционными присутственными видами деятельности [7].

Дистанционное (онлайн) обучение – проявление конструктивистского подхода в методике обучения языкам. Обучать конструктивно – это означает обучать активно, развивать умения переноса, которые развиваются через выполнение разнообразных аутентичных задач. Учебный процесс протекает в стимулирующей среде с фокусом на усвоение личного опыта, смысла и стимулирования критического мышления обучаемых [5].

Мы поддерживаем мнение исследователей о том, что неизбежна необходимость адаптировать обучение, и в частности обучение языку, к технологиям 21 века. Это бесспорно означает активно использовать и развивать умения онлайн-взаимодействия для осуществления эффективной коммуникации в разных сферах и группах обучаемых [1,4, 6,7]. При этом следует подчеркнуть, что обучение в электронной среде не является просто продолжением традиционного обучения, осуществляемого в физической среде, а качественно отличается от него, обладая своей спецификой, которая характеризуется как преимуществами, так и недостатками. Некоторые из них рассмотрены в настоящем изложении.

Как известно, в период 2020-2021 г. многие университеты, в том числе и Софийский университет, были вынуждены перейти на дистанционный режим обучения из-за всеобщего карантина в связи с пандемией коронавируса. Нам пришлось работать полностью в онлайн-режиме. Сравнительно быстро мы усвоили возможности электронной платформы moodle, где проводились учебные курсы в Софийском университете, в том числе и курсы русского языка на

разных факультетах. Бесспорно, работа в онлайн-режиме имеет некоторые преимущества как для студентов, так и для преподавателей. Это прежде всего экономия времени и средств на транспорт и жилье. Обучение, основанное на информационных технологиях, бесспорно имеет ряд достоинств, так как оно предоставляет большие возможности показать, переслать информацию, открыть видео, онлайн обсудить просмотренные материалы, дать интерактивные материалы для самостоятельной работы и т.д. Преподаватели и студенты почувствовали эти достоинства в учебном процессе. Ситуация всеобщего онлайн-обучения заставила преподавателей усовершенствовать свою компьютерную и информационную грамотность. Мы стали все более уверенно и успешно предоставлять нашим студентам разнообразные учебные материалы, которые поддерживают мотивацию и интерес к изучению русского языка.

Другое ценное преимущество онлайн обучения относится к развитию умений самостоятельной работы самих студентов. Это прежде всего поиск информации и ее презентирование в группе, осуществление проектной и групповой работы. Здесь мы приводим примеры из нашей работы. На экономическом факультете студенты 3 курса подготовили индивидуальные проекты на тему «Моя бизнес-идея» и презентировали ее в группе на русском языке. В электронной среде они рассказали о своих идеях, проиллюстрировали их, используя разнообразные наглядные материалы, самостоятельно составили рекламные тексты и слоганы. Каждая презентация обсуждалась в группе, причем студенты критически оценивали содержательную, языковую и визуальную сторону презентаций своих коллег. Эффективными также были групповые презентации студентов отделения русской филологии, обучающихся на элективном курсе «Игра в обучении РКИ». Студенты показали, что могут творчески интерпретировать темы учебного курса и успешно работать онлайн в команде. Положительные эмоции у всех вызвала онлайн-презентация драматизации сказки В. Сутеева «Капризная кошка», подготовленная нашими студентками с использованием рисования, маски и макияжа кошки. Несмотря на виртуальный режим работы, студенты почувствовали большие возможности игровых

технологий в обучении РКИ как детей, так и взрослых, и обучение превратилось в эмоциональное общение. Указанные нами аргументы и примеры подтверждают наличие преимуществ онлайн-обучения, даже когда оно проводится в форс-мажоре.

Но в то же время необходимо обратиться к недостаткам этого онлайн-обучения в условиях карантина. Как уже было упомянуто, преподаватели были вынуждены работать в экстремальных условиях и на пределе своих сил. Переход в онлайн-пространство и перенос туда даже одного читаемого в вузе курса – это огромный продолжительный труд целой команды профессионалов, а не задача только самого преподавателя. Этот труд умножается пропорционально на количество курсов, которые ведет преподаватель. В обучении РКИ усвоение материала невозможно проверить только тестами. Преподавателям постоянно приходилось читать письменные работы и эссе, что отнимало большое количество времени. За период 2020-2021 года преподаватели РКИ почувствовали очень большую нагрузку: с одной стороны, шла подготовка каждого занятия в онлайн-режиме, а с другой стороны, – текущий контроль и постоянная проверка письменных работ – все это стоило массу времени и усилий. По нашим наблюдениям, переход к сплошному онлайн-обучению вызвал стресс как у преподавателей, так и у студентов. Ситуации стресса нередко возникали в результате проблем с техникой или плохого качества интернета.

В отношении студенческой активности в учебном процессе ситуация вынужденного онлайн-обучения показала недостаточную и неэффективную нагрузку для всех студентов в группах. Некоторые из них системно не присутствовали на онлайн-занятиях, а время от времени только отправляли письменные задачи для домашней работы. Все это повлияло негативно на языковую подготовку отдельных студентов. Кроме того, мы наблюдали попытки списывания и обмана во время контрольных работ и письменных экзаменов. В результате мы наблюдали нарушения объективности контроля устных и особенно письменных умений.

Демотивирующее воздействие в учебном процессе оказало отсутствие живого визуального контакта между преподавателем и

студентами. Вопреки нашим настойчивым указаниям, далеко не все студенты включали свои камеры во время занятий в moodle. В условиях онлайн-обучения часто чувствовался психологический дискомфорт, вызванный отсутствием живого общения. Во время лекции и семинарских занятий было трудно осуществить взаимодействие: вместо ответов на вопросы преподавателя мы часто наблюдали паузы, и вопросы нередко оставались без ответов. Немалая часть студентов присутствовала на занятиях формально, т.е. без включенного микрофона и камеры.

В онлайн-обучении в условиях карантина были развенчаны некоторые мифы о дистанционном обучении. А.Матрусова из Института русского языка имени Пушкина анализирует их и определяет это обучение как беспощадный псевдоофлайн [1].

Вот один из мифов: онлайн не менее эффективен, чем офлайн. Онлайн может быть эффективен, это не вызывает возражений. По наблюдениям Матрусовой, из 50 студентов, которым она задавала вопрос о том, насколько им нравится учиться удаленно, положительно ситуацию оценил только 1 студент. Все остальные дружно сказали, что хотят учиться в аудитории. Когда в конце 2020-2021 учебного года мы провели опрос среди наших студентов по этому вопросу, результаты были приблизительно такими же: из 57 студентов 49 заявили, что хотят продолжать учиться присутственно и только 8 сказали, что предпочитают учиться онлайн.

Другой миф о дистанционном обучении, который бы развенчан в учебном процессе, следующий: практически все лекционные курсы и большую часть практических курсов можно перенести в онлайн. В данном случае речь не идет о механическом перенесении, а о качественной трансформации в предоставлении учебного материала. В отношении лекционных курсов переход в онлайн оказался более легким и сравнительно удачным. Это трудно сказать о практических курсах. Как известно, хороший преподаватель перестраивает свои лекции и семинарские занятия ежегодно, потому что аудитория студентов всегда разная. Это касается также практических занятий. Наши наблюдения показали, что очень трудно осуществить практические онлайн-занятия РКИ с группой, в которой сидят 20 человек, но из них только 5-6 – с включенными микрофонами.

Обобщая изложенное выше, можно заявить, что дистанционное обучение требует ответа на ряд вопросов. Среди них: Как работать, если у преподавателей и студентов не всегда стабильный интернет? Как работать дома, если у студента/преподавателя нет собственной комнаты/рабочего уголка, а кругом бегают дети, кошки и собаки? Как онлайн-обучение сказывается на реальном качестве знаний? Как успешно бороться с «обманом» на экзаменах «на удаленке»? и др. Пока на эти вопросы нет ответов.

По мнению ректора национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Я. Кузьмина, нужно менять плохих преподавателей на виртуальных – то есть на онлайн-курсы лучших вузов. По мнению Кузьмина, надо создавать систему, в которой вуз был бы обязан замещать те курсы, которые у него читают люди, которые сами ничего не писали по этой теме, качественными онлайн-курсами [3]. Кузьмин считает, что онлайн-курсы могут быть решающей помощью для поднятия качества высшего образования в России, частично среднего профессионального образования, частично образования старших классов средней школы. В первую очередь это касается заочников. Мы считаем, что такой вывод нельзя отнести к очным курсам русского языка в Софийском университете. В них каждый преподаватель берет на себя ответственность за обучение конкретной аудитории, учитывая интересы, специальность, уровень языковой подготовки студентов.

В заключение можем обобщить, что в современных условиях университетского обучения языку существуют разные форматы: дистанционный, присутственный, смешанный. Мы считаем, что будущее принадлежит смешанному обучению. Оно сочетает лучшие характеристики присутственного и онлайн-обучения, обеспечивая в нем как живое общение, так и использование огромного потенциала информационных технологий. В условиях смешанного обучения можно успешно поддерживать мотивацию и интерес студентов к изучаемому языку, предоставляя им большие возможности **шпация** для активного и автономного обучения.

Библиографический список

1. Матрусова А. „Это беспощадный псевдоофлайн“. Какие мифы об

- образовании разрушила самоизолация? Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/eto-bespohhadnyj-psevdooflajn-kakie-mify-ob-obrazovanii-razrushila-samoizolyacziya/?fbclid=IwAR3khuifoKnBvxh2q-WntHisu8mHh2vdy-6DO51CqT21RTWimmHDN6OmGto> (23.04.2020) (дата обращения 27.07.2021).
2. Попова М. Виртуалният човек. – С.: Изток-Запад – 2005. – 218 с.
 3. Сулима К, Кузьминов Я. Онлайн-курсы вместо плохих преподавателей? Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/onlayn-kursyi-vmesto-plohih-prepodavateley/> (23.03.2018) (дата обращения 28.07.2021)
 4. Стойчева М. Колаборативният подход в дистанционното обучение за изграждане и развитие на уеща общност в обучението по специализиран чужд език (автореферат на дисертация за присъждане на научна и образователна степен доктор по педагогика) – София, СУ, Катедра Дидактика – 2016. – 44 с.
 5. Epitropova A., Petrov A., Stoyanov St., Stoyanova-Doycheva A. The Project Inclusive Classroom – Play and Learn conception, Design and Software Architecture // E-Learning and STEM Education, ed. E. Smirnova-Trybulska, Katowice-Cieszyn – 2019 – p. 659-669.
 6. Gadovska A. Applazing the CEFR Descriptor for online Interaction and Mediation for the Design of Moodle Based TEFL Materials// E-Learning and STEM Education, ed. E. Smirnova-Trybulska. – Katowice-Cieszyn – 2019. – p. 473-481.
 7. Garrison D.R., Kanuka H. Blended Learning. Uncovering its Transformative Potential in Higher Education //Internet and Higher Education- 2004, 7. – p. 95-105.

ПЕРСОНАЛИИ

ИРИНА ЧЕРВЕНКОВА
1931-2014

В 2021 г. исполняется 90 лет со дня рождения ведущего и выдающегося русиста, ученого, педагога Ирины Червенковой.

И. Червенкова родилась в Москве в семье эмигрантов. Среднее образование получила в Москве и в школе при Посольстве СССР в Софии. В 1954 г. закончила с отличием высшее образование по специальности «Русский язык» на филологическом факультете Московского университета им. М. В. Ломоносова. С 1954 по 1999 гг. преподавала на кафедре русского языка Софийского университета им. Кл. Охридского, пройдя все ступени академического роста – от ассистента до профессора. Ее лекции слушали почти 40 выпусков студентов по специальности «Русская филология».

В 1975 году в Институте русского языка АН СССР в Москве И. Червенкова блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему «Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском языке)». Эта работа не потеряла своей актуальности и сегодня. В ней предложено семантическое описание общих адвербиальных количественных детерминаторов (КД) признака в

современном русском литературном языке, что представляет интерес и с точки зрения теоретической семантики. Рассмотрен целый ряд существенных проблем современной лингвистической науки, таких как значение слова, значение и сочетаемость, синтагматические и парадигматические семантические отношения, выражение модальности. Решение проблемы описания семантики КД автор находит в рамках активной модели языка как «транслятора смысла», предложенной А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком.

Научные интересы И. Червенковой связаны главным образом с вопросами сопоставительного описания и исследования современных русского и болгарского языков. В своих работах ученый разрабатывает как проблемы из области теории и методики сопоставления лексики близкородственных языков (в частности, русского и болгарского), так и лексической семантики, двуязычной (русско-болгарской лексикографии), интерференции. В области сопоставительной русско-болгарской лексикологии И. Червенковой бесспорно принадлежит ведущая роль.

В ряде исследований И. Червенкова предлагает подход к сопоставлению современной русской и болгарской лексики, например «О лексическом сходстве и различии русского и болгарского языков» (1977), «О сопоставительном описании русской и болгарской лексики» (1982), «К специфике сопоставительного исследования лексики» (1982) и др.

В научных работах И. Червенковой разработана оригинальная методика формально-семантического сопоставительного описания русской и болгарской лексики («О методике сопоставительного описания русской и болгарской лексики (формальный аспект)» (1984), «О методике сопоставительного анализа русской и болгарской лексики (содержательный аспект)» (1985), «Об одном подходе к сопоставительному описанию лексики» (1987), также в монографии «Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики» (2011, 2015). Ученый придерживается мнения, что в ходе сопоставительного изучения языков обязательным компонентом является сопоставительная характеристика лексики этих языков. В своих трудах И. Червенкова высказывает свое убеждение, что в сопоставительном изучении близкородственных языков (в том числе

русского и болгарского) именно лексика – та область языка, в которой эта близость проявляется наиболее ярко и представляет особый интерес в качестве объекта исследования. В фокусе внимания И. Червенковой – определение качественных и количественных характеристик лексической близости русского и болгарского языков. Ученый рассматривает сопоставительное исследование лексики как часть целостного исследования двух языков, направленного на выявление общего и специфического в них, на построение типологии их соответствий на всех уровнях лингвистического анализа. В качестве единицы сопоставления выступает лексическая пара, состоящая из лексических единиц русского и болгарского языков как единиц лексических систем двух близкородственных языков.

Предпринятое И. Червенковой сопоставление на основе единой методики следует рассматривать как первый и важный шаг к созданию сопоставительной русско-болгарской лексикологии.

В ряде работ И. Червенковой изложены оригинальные идеи, относящиеся к проблемам лексической семантики и сопоставлению языков («Принципы современной лексической семантики и сопоставительное исследование лексики русского и болгарского языков» (1983), «Лексикална семантика и превод» (1987). Научные наблюдения И. Червенковой, связанные с вопросами лексической семантики, находят отражение в идее их применения на практике в рамках двуязычной русско-болгарской лексикографии («Сопоставительный анализ лексики и двуязычные словари (1988). Она выдвигает идею создания нового типа русско-болгарского, болгарско-русского и общего толкового словарей с практической реализацией в процессе обучения русскому языку в пособии, разработанном под ее руководством – «Лингвометодическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка. Пособие для болгарских учителей» (1995). (Научные труды И. Червенковой опубликованы на сайте: <http://irinachervenкова.com>.

И. Червенкова долгие годы была членом редколлегии журналов «Сопоставительное языкознание» и «Болгарская русистика».

Профессор И. Червенкова неотменно не только следила за ведущими научными достижениями в области лексической семантики ведущих русских лингвистов в 1970-е-1980-е годы, но и

доводила их до знания коллег и студентов. В 1981 г. в Софийском университете на кафедре русского языка для студентов отделения русского языка и литературы ею был подготовлен спецкурс по лексической семантике на основе работ И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна, работавших активно в этой области именно в тот период.

И. Червенкова – один из немногих университетских преподавателей, сумевших приобщить единомышленников к своим научным идеям. Около десяти лет на кафедре русского языка над сопоставительной картотекой русско-болгарских лексических пар работала проблемная группа, которая подготовила материал для дальнейших исследований русской и болгарской лексики с выходом и в лексикографию.

Коллеги, ученики и студенты знают и помнят ее как скромного, деликатного, внимательного человека, трудолюбивого, требовательного ученого. Проф. И. Червенкова – из числа тех университетских преподавателей, которые отличаются своим профессиональным совершенством, полной отдачей преподавательской работе, почтительным отношением к науке, академическим благородством.

Н. Делева
Софийский университет
им. Св. Кл. Охридского

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bgrusisty@gmail.com; mailto:bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва

e-mail: borisov@rambler.ru

Borisov Ivan Viktorovich

Professor, Dr. Sc.

Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow

e-mail: borisov@rambler.ru (10 пт.)

И.В.Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V.Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски – постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стиль. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И Ж У Р Н А Л А

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com